

Гастон Леру Призрак оперы

ПРЕДИСЛОВИЕ

В котором автор этого необычного произведения рассказывает читателю, как он пришел к уверенности, что призрак Оперы действительно существовал. Призрак в Парижской опере действительно существовал. Он не был, как долгое время считали, ни иллюзией певцов, ни суеверием директоров или плодом фантазии разгоряченных умов танцовщиц кордебалета, их матерей, билетеров, гардеробщиков и консьержек.

Да, он существовал, причем во плоти и крови, хотя делал все, чтобы его считали настоящим привидением.

Едва начав поиск в архивах Национальной академии музыки, я был поражен удивительной связью между феноменом, приписываемым призраку, и жуткой трагедией, которая разыгралась в это же самое время, и вскоре пришел к мысли, что истоки трагедии, вероятно, можно было бы найти именно в этом необыкновенном явлении.

События, о которых пойдет речь, произошли всего лишь тридцать лет назад, и в Опере до сих пор нетрудно найти почтенных пожилых людей несомненной честности, помнящих, как будто это было только вчера, загадочные и трагические обстоятельства похищения Кристины Доз, исчезновения виконта Рауля де Шаньи и смерти его старшего брата, графа Филиппа, тело которого было найдено на берегу озера, находящегося под зданием Оперы. Но ни один из этих свидетелей, конечно же, никогда не думал, что легендарный призрак Оперы имел отношение к этим ужасным событиям.

Я медленно продвигался к осознанию правды, ибо мой разум был обеспокоен расследованием, которое постоянно наталкивалось на нечто сверхъестественное. Не один раз я был близок к тому, чтобы отказаться от истощивших мои силы попыток расследовать явление, которое я даже не мог понять. Наконец я получил доказательство того, что интуиция не обманула меня. Все мои усилия были вознаграждены, и я обрел уверенность в том, что привидение в Опере было больше, чем призрак.

В тот день я провел долгие часы, углубившись в чтение «Мемуаров импресарио», легкой книги чрезмерно скептического Армана Мушармена, который за время своей службы в Опере так ничего и не понял в ставящем в тупик поведении призрака, энергично высмеивал его, тогда как сам стал первой жертвой любопытной финансовой операции, получившей название «магический конверт».

Чувствуя, что прихожу в уныние, я покинул библиотеку и встретил администратора нашей Национальной академии музыки. Он оживленно беседовал с элегантно одетым маленьким пожилым человеком, которому с радостью представил меня. Администратору было известно, как нетерпеливо и, увы, тщетно я пытался узнать о местонахождении мсье Фор, мирового судьи, расследовавшего знаменитое дело Шаньи. Никто не мог сказать мне, что стало с ним, жив он или мертв. Он только что вернулся из Канады, где пробыл пятнадцать лет. Этот маленький старик и был сам мсье Фор.

Мы провели вместе добрую половину вечера, и мсье Фор поведал мне о деле Шаньи. Он считал, что виконт страдал, душевным недугом, а смерть его старшего брата была случайностью, и не сомневался в том, что к страшной трагедии, разыгравшейся между братьями, Кристина Доз имела прямое отношение. Ему не было известно ни о ее судьбе, ни о судьбе виконта. И, конечно, Фор только рассмеялся, когда я упомянул о призраке. Ему рассказывали о странных событиях, которые, казалось, указывали на то, что некое сверхъестественное существо поселилось в Опере, и он знал историю «магического конверта», но во всем этом, он чувствовал, не было ничего, что требовало бы внимания судьи, расследовавшего дело Шаньи. Однако он выслушал показания свидетеля-добровольца, который рассказал, что сам видел привидение. Этим свидетелем был некто перс. Человек, принадлежавший к светскому обществу, он был хорошо известен всем подписчикам Оперы. Судья решил тогда, что он сумасшедший.

Естественно, я невероятно заинтересовался тем, что мсье Фор рассказал мне о персе, и ре-

шил разыскать столь ценного свидетеля. Удача сопутствовала мне, и я нашел его в маленькой квартире на улице Риволи, где он жил и где умер через пять месяцев после моего визита.

Вначале я был настроен скептически. Однако все мои сомнения рассеялись, когда перс рассказал мне все, что знал о привидении, представив даже доказательства его существования, а также странные письма Кристины Доз, которые пролили ослепительно яркий свет на все происшедшее. Нет, привидение не было мифом!

Позже мне сказали, разумеется, что часть этих писем, возможно, сфабрикована человеком, чье воображение определенно питалось фантастическими выдумками. К счастью, мне удалось найти не вызывающие сомнений образцы почерка Кристины, я сравнил их, и это устранило всякую неопределенность.

Кроме того, я разузнал все, что мог, о персе и пришел к заключению, что он честный человек и не способен ввести в заблуждение правосудие.

Таково же было мнение и друзей семьи, весьма порядочных людей, которые прямо или косвенно были вовлечены в дело Шаньи. Когда я показал им все имеющиеся у меня документы, они горячо поддержали меня. В этой связи позволю себе процитировать, что писал мне, в частности, генерал Д.:

«Дорогой мсье!

Я не могу слишком настаивать на том, чтобы вы опубликовали» результаты своего расследования. Я отчетливо помню, что за несколько недель до исчезновения великой певицы Кристины Доз и трагедии, которая опечалила всех в предместье Сен-Жермен, танцовщицы много говорили о «привидении», и, мне кажется, разговоры продолжались до тех пор, пока всех не захватила трагедия, о которой я упомянул. Но если возможно (а, услышав вас, я думаю, что да) объяснить трагедию посредством привидения, надеюсь, вы расскажете нам больше о самом привидении. Каким бы таинственным оно ни казалось на первый взгляд, оно более объяснимо, чем то, что случилось между двумя братьями, которые любили друг друга всю свою жизнь и которым злобные люди пытались приписать смертельную вражду.

Примите и т. д.»

Наконец, имея доказательства, я прошел по всему огромному владению призрака, величественному зданию Оперы, которое он превратил в свою империю, и документы перса подтвердились всем тем, что видели мои глаза и воспринимал мой разум. Непостижимое открытие решительным образом завершило мой труд.

Напомню, что недавно в подвале Оперы рабочие нашли скелет. Едва увидев его, я понял — это скелет призрака Оперы. Я заставил администратора прикоснуться к этому доказательству собственными руками, и теперь для меня не имеет никакого значения предположение газет о том, что скелет принадлежал одной из жертв Коммуны.

Несчастных, убитых в подвалах Оперы во времена Коммуны, не хоронили на этой стороне. Я скажу, где можно найти их скелеты, — далеко от огромного склепа, где во время осады хранился провиант. Я неожиданно напал на него, когда искал останки призрака Оперы. Я, безусловно, не нашел бы их, если бы не крайне маловероятное обстоятельство, связанное с захоронением живых голосов. Но я еще вернусь к этому скелету и вопросу о том, что надо сделать с ним. Закончить же это столь необходимое предисловие хочу благодарностью тем, кто скромно играл вторые роли в нашей драме, но оказал мне большую помощь. Это полицейский комиссар Мифруа, который проводил предварительное расследование после исчезновения Кристины Доз, мсье Реми, бывший секретарь, мсье Мерсье, бывший администратор, мсье Габриэль, бывший хормейстер, и в особенности баронесса Кастело-Барбезак, когда-то «маленькая Мег», самая яркая звезда в нашем восхитительном кордебалете и старшая дочь покойной мадам Жири, которая была билетершей в ложе призрака. Благодаря им читатель сможет теперь воспроизвести те события во всех деталях.

<Я был бы не прав, если бы в начале этой правдивой и ужасной истории не поблагодарил также нынешнюю дирекцию Оперы, которая так любезно сотрудничала со мной, и в особенности мсье Мессажера, а также очень сердечного администратора мсье Габриона, кроме того, архитектора, ответственного за сохранность здания, который без колебаний одолжил мне произведе-

ния Шарля Гарнье, хотя был почти уверен, что я их не верну. Наконец, я хочу публично поблагодарить за щедрость моего друга и бывшего сотрудника Ж. Л. Кроза, который разрешил мне пользоваться его прекрасной театральной библиотекой и одолжил редкие издания, которыми сам очень дорожил.>

Глава 1. Было ли это привидение?

Этим вечером мсье Дебьенн и мсье Полиньи, два директора Парижской оперы, давали гала-представление по случаю своего ухода. Артистическая уборная Ла Сорелли, одной из ведущих балерин театра, неожиданно подверглась вторжению полудюжины танцовщиц кордебалета, которые только что покинули сцену, оттанцевав «Полиэкт». Они были в полном замешательстве, некоторые дико и неестественно смеялись, другие издавали крики ужаса.

Ла Сорелли, желавшая побыть одна, чтобы отрепетировать речь, которую она вскоре должна была произнести перед Дебьенном и Полиньи, почувствовала раздражение, увидев возбужденных молодых женщин. Прима обернулась к вошедшим и спросила о причине их волнения. Маленькая Жамме – нос, который так нравился Гревену, глаза цвета голубых незабудок, розовые щечки, белая грудь – смогла выговорить лишь два слова, голос ее прерывался и дрожал:

– Это привидение!

И она заперла дверь на ключ.

Артистическая уборная Ла Сорелли была обставлена с комфортом – большое, во весь рост зеркало, удобный диван, изящный туалетный столик, вместительный гардероб. На стенах несколько гравюр, сувениров ее матери, которая знавала славные дни старого оперного театра на улице Лепелетье. Портреты Вестриса, Гарделя, Дюпона и Биготтини. Эта комната казалась дворцом девушкам из кордебалета. Девушкам, которые ютились в общих помещениях, где напевали, ссорились, дубася парикмахеров и костюмеров, угощали друг друга пивом, черносмородиным ликером или даже ромом, пока мальчишка не начинал звонить в свой колокольчик, вызывая танцовщиц на сцену.

Ла Сорелли, дама весьма суеверная, услышав, что Жамме упомянула привидение, вздрогнула:

– Ты маленькая дурочка!

Но поскольку она верила в привидения вообще и в привидение в Опере в частности, ей не терпелось получить больше информации.

– Ты его видела? – живо спросила она.

– Так же ясно, как вижу тебя, – ответила маленькая Жамме со стоном. Ее ноги подкосились, и она упала в кресло.

А маленькая Жири – темные глаза, черные волосы, смуглое лицо, кожа, облегающая кости, – тут же сказала:

– Если это было действительно привидение, то оно просто безобразно!

– О да! – воскликнули другие танцовщицы и заговорили все разом.

Призрак показался им в облике джентльмена в черном фраке с раздвоенными фалдами. Джентльмен неожиданно появился в холле, и никто не видел, откуда он пришел. Появился так внезапно, что, казалось, сошел со стены.

– О, вам повсюду мерещатся привидения! – заметила одна из танцовщиц, которая более или менее сохраняла присутствие духа.

И это была правда. Уже несколько месяцев все в Опере только и говорили об этом призраке во фраке. Он передвигался по зданию подобно тени, не обращался ни к кому (и никто не осмеливался обратиться к нему) и исчезал так быстро, что невозможно было сказать, как он это сделал или куда ушел. Как и подобает настоящему привидению, он двигался совершенно бесшумно. Среди девушек из кордебалета о нем буквально ходили легенды. Все танцовщицы утверждали, что встречали его и, мало того, были жертвами его дьявольских чар. Любой несчастный случай, потерянная пуховка от пудры, шутка, которую сыграл с танцовщицей кто-то из друзей, – все это немедленно связывалось с привидением, призраком Оперы.

А действительно, кто видел его? В Опере бывает множество мужчин в черных фраках, которые отнюдь не являются привидениями. Но этот фрак отличался от других одним: его носил скелет. Во всяком случае, так говорили танцовщицы. И у скелета, разумеется, была голова мертвеца.

Заслуживает ли все это серьезного отношения? Судите сами. Идея скелета возникла из описания привидения, данного Жозефом Бюке, главным рабочим сцены, который действительно видел его. Бюке столкнулся с призраком лицом к лицу на маленькой лестнице, которая начинается около рампы и ведет вниз, в подвалы. Он видел его всего лишь одну секунду, но это произвело на него неизгладимое впечатление.

Вот что Жозеф Бюке рассказывал о призраке каждому, кто хотел его слушать: «Он невероятно худ, черный фрак висит свободно на его костлявом теле. Глаза смотрят прямо вперед и так глубоко посажены, что едва различимы. Все, что вы действительно видите, – это два темных отверстия, какие бывают у скелетов. Его кожа натянута, как на барабане. Она не белая, а неприятно желтая. Нос настолько мал, что совершенно не виден, когда смотришь со стороны, и это отсутствие носа производит ужасное впечатление. Волос почти нет, только три или четыре длинных темных локона свисают со лба и за ушами».

По словам Бюке, он тщетно пытался настичь это привидение, но оно мгновенно исчезло, не оставив никакого следа.

Главный рабочий сцены был серьезным, уравновешенным человеком, у которого почти полностью отсутствовало воображение, и он был трезв. Его слушали с изумлением и интересом. Немедленно несколько человек начали говорить, что они тоже сталкивались с призраком в черном платье и с головой мертвеца.

Тем не менее окружающие склонны были считать, что Жозеф Бюке стал жертвой мистификации одного из своих подчиненных. Но вскоре один за другим произошли инциденты настолько странные и необъяснимые, что даже самые закоренелые скептики были потрясены.

Известно, что пожарные – смелые люди. Они не боятся ничего и, конечно же, не боятся огня. Пожарный, о котором идет речь, лейтенант, пошел как-то осмотреть подвалы и, кажется, рисковал не больше чем обычно. Неожиданно он появился в зрительном зале бледный, с трясущимися руками, с глазами, вылезшими из орбит, и почти упал в обморок на руки матери маленькой Жамме. И почему? Потому что увидел голову в огне, голову без тела, которая приближалась к нему на уровне глаз. А ведь, повторяю, пожарные не боятся огня! Имя этого лейтенанта было – Папен.

Кордебалет пришел в ужас. Прежде всего, эта голова в огне не соответствовала описанию призрака, данному Жозефом Бюке. Тщательно расспросив Папена, а затем и Жозефа Бюке, танцовщицы пришли к единодушному мнению, что у привидения несколько голов и что оно меняет их по своему желанию. Поскольку даже пожарный, причем лейтенант, упал в обморок при виде жуткого призрака, балерины и стажеры нашли в этом достаточно оправдания для страха, который заставлял их бежать так быстро, как только можно, когда им надо было миновать темные уголки плохо освещенного коридора.

Итак, на следующий день после того, как пожарный рассказал о своей встрече, Ла Сорелли решила улучшить, насколько это возможно, охрану здания, которое подпало под дьявольские чары. Окруженная танцовщицами и большой группой стажеров в трико, она направилась в вестибюль к привратнику, неподалеку от двора администрации, и положила ему на стол подкову. Отныне каждый (речь идет не о зрителях), кто приходил в Оперу, должен был прикоснуться к этой подкове, прежде чем подняться по лестнице. Тот, кто не делал этого, рисковал стать жертвой темной силы, которая овладела зданием от подвалов до чердаков. Поверьте, я не придумал эту подкову (так же как и все остальное в этой истории), и ее до сих пор можно видеть на столе в вестибюле, перед конторкой привратника, когдаходишь в Оперу через двор администрации.

* * *

Теперь вы, вероятно, можете представить себе душевное состояние балерин, когда они во-

шли в артистическую уборную Ла Сорелли.

– Это было привидение! – воскликнула маленькая Жамме, и тревога танцовщиц возросла еще больше.

В комнате воцарилось мучительное молчание, нарушаемое только учащенным дыханием. Наконец, проявляя неподдельный страх, Жамме бросилась в дальний угол и прошептала одно слово:

– Слушайте!

Всем показалось, что откуда-то из-за двери раздался шелестящий звук. Нет, не шагов – как будто легкая шелковая одежда скользнула вдоль двери. Ла Сорелли, пытаясь подавить страх, подошла к двери и спросила равнодушным голосом:

– Кто там?

Ответа не последовало. Чувствуя, что девушки ловят малейшее ее движение, Ла Сорелли, сделав над собой усилие, сказала очень громко:

– Есть там кто-нибудь?

– О да, конечно, есть! – прошептала смуглая Мег Жири, ухватившись за газовую юбку Ла Сорелли. – Не открывай! Боже мой, не открывай!

Но Ла Сорелли, вооруженная стилетом, который всегда был при ней, решила рискнуть, она отперла дверь, открыла ее (танцовщицы отступили в ванную, а Мег Жири едва дышала: «Мама! Мама!») и смело выглянула в коридор. Он был пуст. Газовый свет, подобно огненной бабочке в стеклянной тюрьме, бросал зловещий красный отблеск на все вокруг. С тяжелым вздохом Ла Сорелли быстро закрыла дверь.

– Нет, – сказала она, – там никого нет.

– Но мы видели его! – настаивала Жамме. – Он, должно быть, крадется где-нибудь здесь. Я не пойду обратно одеваться. Мы спустимся сейчас вниз вместе и вместе вернемся.

Жамме незаметно прикоснулась к маленькому коралловому пальчику, который, как считают, отвращает несчастье. А Ла Сорелли украдкой обвела крест святого Андрея на деревянном кольце, которое было на третьем пальце ее левой руки.

Один известный журналист однажды написал следующее:

«Ла Сорелли – великая балерина, красивая женщина с печальным, чувственным лицом и гибким, как ветка ивы, телом. Обычно о ней говорят, что она „милое создание“. Голова ее легко покачивается, словно перо цапли, на длинной, гордой, элегантной шее. Когда она танцует, движения ее бедер придают всему телу трепет невыразимого томления. Когда балерина поднимает руки и напрягается, чтобы начать пируэт, тем самым подчеркивая линии бюста и выделяя бедро, мужчины, говорят, готовы разmozжить себе голову из-за неосуществленного желания».

Что же касается ее ума, то, кажется, это был установленный факт, Ла Сорелли его почти не имела. Впрочем, никто не ставил ей это в вину.

– Вы должны взять себя в руки, девочки! – сказала она танцовщицам. – Привидение? Может быть, его никто и не видел!

– Мы видели его, – запротестовала одна из девушек, – в черном фраке и с головой мертвеца, точно таким же, каким его видел Жозеф Бюке!

– И Габриэль тоже встретился с ним, только вчера, –, сказала Жамме. – Вчера днем, среди бела дня!

– Габриэль? Хормейстер?

– Конечно. Ты не знала об этом?

– И он был в вечернем платье среди бела дня?

– Кто? Габриэль?

– Нет, нет, призрак.

– Да, он был во фраке, – подтвердила Жамме. – Габриэль сам рассказал мне. Он был в кабинете режиссера. Вдруг дверь открылась и вошел перс. Вы знаете, у перса дурной глаз...

– О да! – воскликнули все вместе маленькие танцовщицы.

– И вы знаете, как суверен Габриэль, – продолжала Жамме. – Он вежлив, но, увидев перса, он обычно сует руку в карман и прикасается к ключам. Но на этот раз при виде перса он вскочил

с кресла и подбежал к замку на двери стенного шкафа, чтобы скорее прикоснуться к металлу. Затем схватил свое пальто, висевшее на гвозде, но разорвал его. Габриэль так спешил покинуть кабинет режиссера, что ударился о вешалку и посадил себе большой фонарь на лбу. Он оцарапал руку о подставку для дот. Попытался опереться на фортепьяно, но не следил за тем, что делает, и крышка инструмента сильно ударила его по пальцам. Наконец Габриэль как сумасшедший выскочил из кабинета, однако споткнулся на ступеньках и упал. Мы с мамой как раз проходили мимо и поспешили помочь ему подняться. Мы страшно испугались, увидев, как он выглядел: весь в синяках, на лице кровь. Но он улыбнулся нам и произнес: «Слава Богу, я легко отделался!» Мы спросили, что случилось, и Габриэль сказал нам, почему он испугался: оказывается, за спиной перса он увидел привидение с головой мертвеца, как его описывал Жозеф Бюке.

Жамме говорила так быстро, будто привидение гналось за ней. Девушки встретили ее рассказ испуганным шепотом, но затем замолчали. Ла Сорелли лихорадочно полировала ногти на руках.

– Жозеф Бюке должен помалкивать, – наконец вполголоса сказала Мег Жири.

– Почему же? – спросил кто-то.

– Так думает моя мама, – ответила Мег, еще больше понижая голос и оглядываясь, как бы боясь, что ее услышит некто, кого она не видит.

– А почему твоя мать думает так?

– Тише! Мама говорит, что призрак не любит, когда его беспокоят.

– А почему?

– Почему... почему.. Потому что... Да нет, ничего. Эта сдержанность лишь возбудила любопытство балерин. Они окружили Мег и просили ее объясниться. Наклонившись вперед в единой мольбе, они заражали друг друга страхом и получали от этого пронзительное, леденящее душу удовольствие.

– Я поклялась не рассказывать! – прошептала Мег. Но они продолжали настаивать и так убедительно обещали сохранить все в тайне, что Мег, которая умирала от нетерпения рассказать все, что знала, бросив взгляд в сторону двери, начала:

– Хорошо... Это из-за ложи...

– Какой ложи?

– Ложи призрака здесь, в Опере.

– У призрака есть ложа? – От известия, что у призрака есть собственная ложа в театре, у балерин захватило дух. – О, расскажи нам. Расскажи об этом! – наперебой заговорили девушки.

– Тише! – приказала Мег снова. – Это пятая ложа. Ложа, следующая после директорской в первом левом ярусе.

– Неужели?

– Да. Ведь моя мать – билетерша обслуживает эту ложу. Но поклянитесь, что не скажете никому!

– Конечно!

– Это действительно ложа привидения. Никто не был в ней уже больше месяца – никто, кроме призрака. А другим администрация говорит, что ложу никогда не будут сдавать.

– И призрак приходит туда?

– Да, – твердо сказала Мег. – Призрак приходит в ложу, но его никто не видит.

Танцовщицы недоуменно посмотрели друг на друга: как же так, ведь призрак одет в черный фрак и у него голова мертвеца!

Они сказали об этом Мег, но та настаивала на своем:

– Нет, его нельзя увидеть! У него нет ни черного фрака, ни головы. Все это ерунда. У него нет ничего... Когда он в ложе, его только можно слышать. Моя мать никогда не видела его, но она слышала. Она-то знает, потому что всегда дает ему программку!

Ла Сорелли почувствовала, что настало время вмешаться:

– Мег, ты действительно ждешь, что мы поверим в эту глупую историю?

Мег залилась слезами:

– Я должна была держать язык за зубами. Пели мама узнает... Но Жозеф Бюке напрасно

сует свой нос не в свое дело. Это принесет ему несчастье. Так мама сказала вчера вечером.

В этот момент балерины услышали тяжелые, быстрые шаги в коридоре и задыхающийся голос прокричал:

– Сесиль! Сесиль! Ты там?

– Это моя мама! – воскликнула маленькая Жамме. – Что могло случиться?

Она открыла дверь. Представительная дама, похожая на померанского гренадера, ворвалась в артистическую и со стоном опустилась в кресло. Ее глаза дико вращались, лицо приобрело кирпичный оттенок.

– Какое несчастье! – прошептала она. – Какое несчастье!

– Что, что?

– Жозеф Бюке. Он...

– Ну, что?

– Он мертв!

Комната наполнилась восклицаниями, протестами и просьбами объяснить, что произошло.

– Да. Его только что нашли в третьем подвале., повешенным, – продолжала бедная почтенная дама тяжело дыша. Но, что самое ужасное, рабочие сцены, которые нашли его тело, утверждают, будто слышали вокруг звуки, напоминающие пение мертвых!

– Это призрак! Это сделал призрак! – закричала Мег Жири. Слова, казалось, сорвались с ее губ против воли. Она мгновенно зажала рот ладонью. – Нет, нет, я ничего не сказала!

Все ее подруги севшими от страха голосами повторяли:

– Да! Да! Это призрак! Ла Сорелли была бледна.

– Боже, разве теперь я смогу произнести свою речь! – воскликнула она.

Мать маленькой Жамме, опустошив бокал ликера, который кто-то оставил на столе, и придя после этого немного в себя, заявила:

– Да, привидение, безусловно, имело к этому отношение.

* * *

Как умер Жозеф Бюке, так и осталось тайной. Краткое расследование не дало никакого результата, кроме заключения о «естественном самоубийстве». В своих «Мемуарах импресарио» Мушармен, один из тех двоих, кто стал преемником Дебьенна и Полиньи, так пишет о смерти Бюке:

«Несчастный случай помешал маленькому торжеству, которое Дебьенн и Полиньи решили устроить по случаю своего ухода. Я был в кабинете импресарио, когда неожиданно вошел Мерсье, администратор. Он был в панике и сказал мне, что в третьем подвале между задником и декорациями из „Короля Лахора“ нашли повешенным рабочего сцены.

– Пойдемте же и снимем его, – произнес я. Пока мы спускались вниз по ступеням и лестнице, повешенный уже оказался без веревки!»

* * *

Итак, вот серия событий, которые показались естественными Мушармену: человек, повешенный на веревке;

Мушармен идет, чтобы снять его, но веревка уже исчезла. Директор нашел этому простое объяснение. Вот что он пишет дальше: «Это было во время представления. Балерины и стажеры быстро приняли меры предосторожности против дьявольского глаза» Точка, конец объяснения.

Только представьте себе: кордебалет спускается вниз по лестнице и делит между собой веревку повешенного за время, меньшее чем об этом можно написать. Нет, эта идея не заслуживает того, чтобы ее принимать всерьез. Но когда я думаю о месте, где было найдено тело, – третий подвал под сценой, – то все больше склоняюсь к мнению, что кто-то был заинтересован в том, чтобы веревка, сослужив свою службу, сразу же исчезла. Позже мы увидим, прав я или нет, думая таким образом.

Зловещая новость быстро распространилась по всей Опере, где Жозефа Бюке очень любили. Артистическая уборная Ла Сорелли опустела, и маленькие танцовщицы, окружив ее, словно испуганные овцы пастуха, направились в фойе поспешно, как только позволяли их розовые ножки, минуя тускло освещенные коридоры и лестницы.

Глава 2. Новая Маргарита

На первой лестничной площадке Ла Сорелли столкнулась с графом де Шаньи, который поднимался наверх. Граф, обычно такой спокойный, выказывал признаки сильного волнения.

– Я шел к вам, – сказал он, галантно поклонившись молодой женщине. – Ах, Сорелли, что за чудесный вечер! Какой успех Кристины Доз!

– Невероятно, – запротестовала Мег Жири. – Шесть месяцев назад она пела, как ржавая петля. Но дайте нам пройти, дорогой граф, – продолжала она, делая дерзкий реверанс, – мы пытаемся побольше узнать о бедняге, которого нашли повешенным.

Как раз в этот момент мимо поспешно проходил озабоченный администратор. Услышав последние слова Мег, он остановился.

– Что? Вы уже знаете? – спросил он довольно сердито. – Не говорите об этом, не хотелось бы, чтобы Дебьенн и Полиньи узнали! Какая неприятность в их последний день!

Балерины спустились в комнату отдыха, которая уже была переполнена.

Граф де Шаньи был прав: ни одно гала-представление не могло сравниться с этим. Те, кому выпало удовольствие быть в этот вечер в театре, до сих пор с глубоким чувством рассказывают о нем детям и внукам. Подумайте только:

Гуно, Рейс, Сен-Санс, Массне, Гире, Делиб – все один за другим вставали за пульт оркестра и лично дирижировали своими произведениями. Фор и Краусс были среди исполнителей, и именно в этот вечер светское общество Парижа с восхищением открыло для себя Кристину Доз, чью таинственную судьбу я намереваюсь описать в этой книге.

Гуно дирижировал «Похоронным маршем марионетки», Рейс – своей великолепной увертюрой к «Сигюр», Сен-Санс – виртуозными «Пляской смерти» и «Восточным сном», Массне – «Неизданным венгерским маршем», Гире – своим «Карнавалом», Делиб – «Медленным вальсом» из «Сильвии» и пиццикато из «Коппелии». Пели неподражаемые Мари Габриэль Краусс и Дениз Блок: первая – болеро из «Сицилийской вечери»; вторая – брин-дизи из «Лукреции Борджа».

Но самый большой триумф ожидал Кристину Доз. Она начала выступление, спев несколько арий из «Ромео и Джульетты» Шарля Гуно. На сцене Оперы эта дивная музыка звучала впервые. Мы очень сочувствуем тем, кто никогда не слышал Кристину Доз в партии Джульетты, кто не знал ее простодушного очарования, никогда не испытывал дрожи при звуках ее ангельского голоса, не чувствовал, как душа высоко парит вместе с ее душой над могилами влюбленных из Вероны: «Господи! Господи! Прости нас!» И все же это было ничто в сравнении с исполнением ею сцены в тюрьме и финального трио в «Фаусте», которые она свела вместо заболевшей Карлотты. Никто с тех пор не слышал и не видел ничего подобного! Это была новая Маргарита, Маргарита во всем блеске и сиянии, которых в ней до Кристины Доз никто не подозревал.

Восторженная публика приветствовала певицу громовыми овациями, она же рыдала и в конце концов упала без чувств на руки партнеров. Без чувств ее отнесли в артистическую комнату.

Великий критик де Сен-В, в память об этом изумительном вечере написал статью, которую так и озаглавил «Новая Маргарита». Будучи великолепным знатоком музыки, он сознавал, что эта милая девочка принесла на подмостки Оперы больше, чем свое искусство, – она принесла свое сердце. Все друзья Оперы знали, что сердце Кристины осталось таким же чистым, как в пятнадцать лет, и, чтобы понять, что случилось с ней, пишет де Сен-В., остается «предположить, что она впервые полюбила».

«Вероятно, я скажу бестактность, – продолжает он, – но только любовь способна сотворить такое чудо полного преображения. Два года назад мы слышали Кристину Доз на концерте в консерватории, когда она подарила нам очаровательную надежду. В чем истоки ее огромного успеха

сегодня? Если он не спустился с небес на крыльях любви, я должен поверить, что он поднялся из ада и что Кристина Доз, подобно Офтердингену, мастер-зингеру, заключила сделку с дьяволом. Тот, кто не слышал ее в финальном трио в „Фаусте“, не знает этой оперы»: экзальтация голоса и экстаз чистой души не могут быть большими!» Однако некоторые завсегдатаи Оперы протестовали. Почему от них так долго скрывали такое сокровище? И действительно, только благодаря непостижимому отсутствию Карлотты в этот вечер Кристина, заменив ее в последний момент, смогла продемонстрировать свой талант в той части программы, которая была первоначально зарезервирована для испанской примадонны. Но почему Дебьенн и Полиньи выбрали именно Кристину, когда узнали, что Карлотта не выступит. Знали ли они о ее таланте? Если да, то почему скрывали это? И почему она сама скрывала его? Странно, но никто не слышал, чтобы у Кристины был учитель. Она неоднократно говорила, что отныне будет работать одна. Все это было необъяснимо.

Стоя в своей ложе, граф де Шаньи тоже аплодировал певице.

Графу Филиппу Жоржу Мари де Шаньи был сорок один год. Он был выше среднего роста и имел приятное, даже красивое лицо, несмотря на жесткие морщины на лбу и некоторую холдность глаз. С женщинами он обращался с утонченной учтивостью, а с мужчинами держался несколько высокомерно. У него было благородное сердце и чистая совесть. После смерти старого графа Филибера он стал главой одной из самых старинных и знаменитых семей во Франции, корни которой восходили еще ко временам Людовика X.

Состояние Шаньи было значительным. Его две сестры и брат Рауль никогда не думали о разделе имущества. Они сохраняли совместное владение и полагались во всех делах на Филиппа, как будто право первородства все еще было в силе. Когда его сестры вышли замуж (обе в один день), они взяли свою долю имущества как приданое.

Графиня де Шаньи, урожденная де Мерош де ла Мартиньер, умерла при родах Рауля, который на двадцать лет был младше Филиппа. Раулю было двенадцать лет, когда умер старый граф. Филипп принимал активное участие в воспитании брата, вначале ему помогали сестры, а затем старая тетюшка, которая жила в Бресте и которая привила Раулю вкус к мореплаванию. Молодой человек прошел обучение на борту учебного судна «Борда», с успехом закончил его и отправился в традиционное кругосветное плавание. Он был включен в официальную экспедицию на «Акуле», созданную для поиска в полярных льдах оставшихся в живых от экспедиции «Дартуа», которая пропала три года назад. Пока же Рауль наслаждался отпуском, который был рассчитан на шесть месяцев, и вдовы предместья Сен-Жермен уже жалели этого красивого хрупкого юношу за те тяжелые испытания, которые ему предстояли.

Застенчивость Рауля – так и хочется назвать ее невинностью – была удивительной. Он был избалован своими сестрами и старой теткой, и женское воспитание оставило ему простодушные, очаровательные манеры, которые ничто не могло испортить. Ему шел двадцать второй год, но выглядел он на восемнадцать. У него были небольшие белокурые усы и красивые голубые глаза.

Филипп очень баловал младшего брата. Мало того, он гордился им, с радостью предвкушал его славную карьеру на флоте, где один из их предков, знаменитый Шаньи де ла Рош, был адмиралом. Филипп воспользовался отпуском Рауля, чтобы показать ему Париж. Ведь Рауль почти не знал, что может предложить этот город по части роскошных наслаждений и удовольствий другого рода.

Граф считал, что в возрасте Рауля иметь слишком много добродетели даже вредно. Филипп обладал уравновешенным характером, равномерно совмещал удовольствия с делами, имел безупречные манеры и был неспособен подавать своему брату дурной пример. Он брал его с собой повсюду, даже представил балеринам в Опере. Поговаривали, что Филипп был «в очень тесных отношениях» с Ла Сорелли. Но поскольку граф оставался холостяком и, следовательно, имел много свободного времени, особенно теперь, когда его сестры вышли замуж, несомненно, не было ничего предосудительного в том, что он любил провести час или два после ужина с танцовщицей, которая, хотя и не блистала умом, зато имела самые прекрасные глаза в мире. Кроме того, есть такие места, где настоящий парижанин ранга графа де Шаньи просто обязан показываться, а в то время артистические уборные и комнаты отдыха балерин были одним из этих мест.

В конце концов, Филипп и не взял бы своего брата за кулисы Национальной академии музыки, если бы Рауль не просил его неоднократно об этом с мягкой настойчивостью, о которой граф не раз вспоминал позже.

В тот вечер после овации, которую публика устроила Кристине Доз, граф, повернувшись к брату, обратил внимание на его необыкновенную бледность и весьма встревожился.

– Разве ты не видишь, она вот-вот упадет в обморок? – взволнованно произнес Рауль.

И это была правда, потому что на сцене Кристину буквально поддерживали партнеры.

– Ты сам вот-вот упадешь в обморок, – заметил Филипп, наклоняясь к брату. – В чем дело? Но Рауль, ничего не ответив, встал.

– Пойдем, – сказал он нетвердым голосом.

– Куда ты хочешь идти? – спросил Филипп, удивленный волнением брата.

– Пойдем и посмотрим! Она впервые пела так! Филипп с любопытством посмотрел на Рауля, и его губы растянулись в улыбке.

– Хорошо, почему бы и нет? – сказал он, делая вид, что восхищен предложением брата. – Пойдем.

У входа на сцену толпились люди. Пока братья ждали, чтобы пройти, Рауль разорвал свои перчатки, даже не осознавая, что делает. Филипп слишком любил брата, чтобы посмеяться над его нетерпением. Но теперь он понял, почему Рауль казался столь взволнованным и почему ему доставляло такое удовольствие сводить все разговоры к тому, что происходит в Опере.

Они вступили на сцену.

Толпа мужчин в вечерних костюмах спешила к комнате танцовщиц или в артистические уборные. Крики рабочих сцены смешивались с раздраженными замечаниями администраторов. Уходящие статисты из последней живой картины, толкающиеся артистки кордебалета, рама задника, которую куда-то несут, задник, опускаемый с чердака, настоящее, а не декоративное окно, которое крепят энергичными ударами молотка, постоянные крики предостережений, заставляющие вас оглядываться, чтобы кто-то не сбил с вашей головы шляпу или не свалил с ног, – такова обычная суматоха антракта, которая никогда не перестает поражать новичка, подобного молодому человеку с белокурыми усами, голубыми глазами и стройной фигурой, пересекавшему так быстро, насколько позволяли суeta и скопление людей, сцену. Сцену, на которой Кристина Доз только что праздновала триумф и под которой только что умер Жозеф Бюке.

Неразбериха никогда не была более полной, чем в этот вечер, но и Рауль никогда не был менее робким. Он решительно пробирался вперед, не обращая внимания ни на что. Он был озабочен только своим желанием увидеть молодую женщину, чей волшебный голос овладел его сердцем. Да, он чувствовал, что его бедное, неопытное сердце не принадлежит ему больше. Рауль пытался защитить его с того дня, когда Кристина, которую он знал еще маленькой девочкой, вошла в его жизнь. Он решил, что должен бороться с нежными чувствами, которые она разбудила в нем, потому что поклялся любить только ту женщину, которая станет его женой. А разве мог он, аристократ, жениться на певице! Но сейчас... Сейчас он перенес потрясение, в первую очередь, эмоциональное. Он испытывал боль в груди, как будто кто-то открыл ее и извлек оттуда его сердце. И эту ужасную пустоту в груди нельзя было заполнить ничем, кроме как сердцем Кристины. Таковы симптомы той болезни, понять которую, вероятно, могут лишь те, кто сам имел опыт, обычно характеризующийся как «влюблен без памяти».

Графу Филиппу было трудно поспевать за братом. Он все еще улыбался.

В глубине сцены, около двойной двери к ступенькам лестницы, которая вела в комнату балерин и к ломам бенуара с левой стороны, Рауля остановила небольшая группа стажеров. Раздались насмешливые слова в его адрес, но Рауль не отвечал. В конце концов ему удалось пройти. Коридор был наполнен восклицаниями восторженных поклонников, но одно имя парило над этим гулом голосов: «Доз! Доз!» Следуя за Раулем, Филипп говорил себе: «Он знает дорогу, мошенник!» Это обстоятельство заинтриговало графа, ведь он никогда не брал брата в артистическую уборную Кристины. Рауль, вероятно, ходил туда один, пока Филипп разговаривал, как обычно, с Ла Сорелли. Прима неизменно просила его побыть с ней до выхода на сцену, кроме того, его приятной обязанностью было держать маленькие гетры, которые она надевала, спуска-

ясь из артистической, чтобы сохранить блеск своих атласных туфель и чистоту трико телесного цвета. У нее было оправдание: она рано лишилась матери.

Отложив на несколько минут визит к Ла Сорелли, Филипп спешил за Раулем по коридору, который вел к комнате Кристины. Коридор этот сегодня был полон людьми как никогда. Все в Опере горячо обсуждали успех Кристины и ее обморок. Певица все еще не пришла в себя, и послали за доктором. Тот как раз направлялся в артистическую, с трудом прокладывая себе дорогу сквозь толпу поклонников. Рауль шел за ним, почти наступая ему на пятки.

Доктор и Рауль вошли в комнату Кристины одновременно. Доктор оказал ей первую помощь, и она наконец открыла глаза. Филипп был частью плотной толпы, стоявшей перед дверью.

– Не думаете ли вы, доктор, что эти господа должны покинуть комнату? – спросил Рауль с невероятной дерзостью. – Здесь ужасно душно.

– Вы правы, – согласился доктор и заставил выйти из помещения всех, кроме Рауля и служанки.

Та смотрела на Рауля широко раскрытыми глазами, полными смущения. Она никогда до этого не видела этого юношу, но она не осмелилась спросить его ни о чем.

Доктор же предположил, что, поскольку этот молодой человек действовал таким образом, он, вероятно, имеет на это право. Так Рауль остался в комнате, наблюдая, как к Кристине возвращается сознание, в то время как даже Дебьенн и Полиньи, пришедшие выразить ей свое восхищение, были отодвинуты в коридор вместе с другими мужчинами во фраках.

Граф Филипп де Шаньи, также изгнанный из комнаты, громко смеясь, воскликнул:

– Ох плут! Плут!

Затем подумал: «Доверяй после этого тихоням. Однако он настоящий Йаньи!» Граф направился к артистической уборной Ла Сорелли, но та уже спускалась вниз со своими напуганными подругами, и они встретились, о чем я уже говорил в начале этой главы.

В своей артистической комнате Кристина сделала глубокий вздох, ответом на который был стон. Она повернула голову и, увидев Рауля, вздрогнула. Она посмотрела на доктора, улыбнулась ему, затем взглянула на служанку и опять на Рауля.

– Кто вы, мсье? – спросила она слабым голосом. Юноша опустил на колено и пылко поцеловал ее руку.

– Мадемуазель, – сказал он, – я тот маленький мальчик, который вошел в море, чтобы достать ваш шарф.

Кристина опять посмотрела на доктора и служанку, и все трое засмеялись. Рауль, покраснев, поднялся.

– Мадемуазель, поскольку вам доставляет удовольствие не признавать меня, я хотел бы сказать вам кое-что наедине, очень важное.

– Вы не могли бы подождать, когда мне станет лучше? – произнесла девушка дрожащим голосом. – Вы очень добры..

– Простите, мсье, но вы должны покинуть нас, – сказал доктор со своей самой любезной улыбкой. – Я должен позаботиться о мадемуазель Доэ.

– Я не больна, – резко сказала Кристина с энергией, настолько странной, насколько и неожиданной. Она встала и быстро провела рукой по глазам. – Благодарю вас, доктор, но теперь мне надо побыть одной. Пожалуйста, оставьте меня. Я очень волнуюсь.

Доктор пытался протестовать, но, видя волнение своей пациентки, решил, что лучше всего предоставить ей возможность делать так, как она хочет. Он ушел вместе с Раулем, который смущенно остался стоять в коридоре.

– Я не узнаю ее сегодня, – заметил доктор. – Она обычно такая спокойная и нежная...

И он ушел.

Рауль остался в одиночестве. Коридоры уже опустели. В комнате отдыха балерин, очевидно, началась церемония проводов. Подумав, что Кристина, вероятно, тоже пойдет туда, Рауль ждал. Он отступил в желанную темноту дверного проема, по-прежнему чувствуя ужасную боль в том месте, где было его сердце.

Внезапно дверь артистической уборной Кристины открылась, и оттуда вышла служанка с

пакетами в руках.

Рауль остановил ее и спросил, как чувствует себя ее хозяйка. Девушка засмеялась и ответила, что Кристина чувствует себя вполне нормально, но он не должен беспокоить ее, потому что она хочет побыть одна. И служанка поспешно удалилась.

В разгоряченном сознании Рауля мелькнула безумная мысль: Кристина, очевидно, решила остаться одна, чтобы видеть его. Он же сказал, что хочет поговорить с ней наедине. Едва дыша, он направился обратно к двери ее комнаты и уже поднял руку, чтобы постучать, но тут же ее опустил. Он услышал резкий мужской голос, доносившийся из комнаты: «Кристина, вы должны любить меня».

И голос Кристины, дрожащий и полный слез, ответил:

«Как вы можете говорить это мне? Ведь я пою только для вас!» Услышав эти слова, Рауль вынужден был прислониться к двери. Его сердце, которое, казалось, исчезло навсегда, вернулось к нему вновь и колотилось так громко, что слышно было во всем коридоре. Если его сердце так стучит, его же могут услышать, мелькнула мысль, дверь отворится, и его постыдно пошлют прочь. Боже, что за положение: он, де Шаньи, подслушивает у двери! Рауль положил обе руки на сердце, чтобы успокоить его. Но сердце – не собачья пасть, и даже если вы держите собаку обеими руками с закрытой пастью, чтобы заставить ее прекратить невыносимый лай, вы все равно слышите, как она рычит.

Мужской голос заговорил опять:

– Вы, должно быть, устали.

– О да! Сегодня я отдала вам душу, и я мертва.

– Ваша душа прекрасна, дитя мое, – произнес мужчина, – и я благодарю вас. Ни один император не получал такого подарка. Даже ангелы плакали сегодня.

Больше Рауль ничего не слышал. Опасаясь, что его увидят, он вернулся к темному дверному проему и решил ждать там, пока мужчина не покинет комнату. Только что он познал любовь и ненависть. И все это в один вечер. Он знал, кого любит, теперь оставалось узнать, кого он ненавидит.

К его удивлению, дверь открылась, и Кристина, одетая в меха, с лицом, скрытым под кружевной вуалью, вышла одна. Рауль заметил, что она закрыла дверь, но не заперла ее. Он, даже не проводив ее взглядом, не отрываясь, смотрел на дверь. Она не открывалась. Когда Кристина скрылась в конце коридора, Рауль пересек его, открыл дверь комнаты и вошел внутрь. Он оказался в полной темноте. Газовый свет был выключен.

– Есть здесь кто-нибудь? – спросил он вибрирующим голосом. «Почему он скрывается?» – подумал юноша.

Он стоял спиной к закрытой двери. Темнота и тишина. Он слышал только звук собственного дыхания. Рауль даже не сознавал, насколько неосторожным было его поведение.

– Вы не уйдете отсюда, пока я не выпущу вас, – резко сказал он. – Отвечайте, вы, если вы не трус! Но я разоблачу вас!

Рауль зажег спичку. Пламя на секунду осветило комнату. Никого! Заперев дверь, он зажег газовый свет, открыл стенные шкафы, поискал, заглянул в ванную, ощупал стены влажными руками. Пусто!

– Я теряю разум? – громко произнес он. Минут десять юноша стоял, прислушиваясь к шипению газа, в полной тишине опустевшей комнаты; хотя он был влюблен, ему даже не пришло в голову взять ленту на память о любимой женщине. Он вышел совершенно потерянный, не понимая, что делает и куда идет.

Лишь почувствовав холодный воздух на лице, Рауль увидел, что находится на нижней площадке узкой лестницы. За ним двигалась группа рабочих, которые несли некое подобие носилок, покрытых белой материей.

– Скажите, пожалуйста, где здесь выход? – спросил он.

– Прямо перед вами, – ответил один из рабочих. – Вы видите, дверь открыта. Но разрешите сначала нам пройти.

Рауль показал на носилки и спросил без особого интереса:

– Что это?

– Жозеф Бюке. Его нашли повешенным в третьем подвале между задником и декорациями из «Короля Лахора».

Рауль отступил в сторону, пропуская рабочих вперед, затем поклонился и вышел.

Глава 3. В которой Дебьенн и Полиньи по секрету раскрыли Арману Мушармену и Фирмену Ришару, новым директорам, действительную причину их ухода из Оперы

Между тем прощальная церемония началась. Как я уже говорил, это великолепное торжество было устроено Дебьенном и Полиньи по случаю их ухода из Оперы. Употребляя банальное выражение, они хотели уйти в блеске славы. Все, кто хоть что-то значил в парижском обществе и искусстве, помогли импресарио организовать эту идеальную программу.

Все собрались в комнате отдыха танцовщиц. Ла Сорелли ждала Мушармена и Ришара с бокалом шампанского в руке и приготовленной речью. Танцовщицы кордебалета собрались вокруг нее, негромко обсуждая события дня. Возле столиков с едой, поставленных между картинами Буланже «Танец воина» и «Танец крестьян», уже образовалась гудящая толпа.

Некоторые балерины успели переодеться, но большинство все еще оставались в легких газовых одеждах. Все девушки сохраняли серьезный вид, который они считали подходящим случаю, – все, кроме маленькой Жамме, казалось, уже забывшей о привидении и смерти Жозефа Бюке. Она болтала, пританцовывая и подшучивая над своими друзьями, что, собственно, неудивительно, когда тебе пятнадцать лет. Раздраженная Ла Сорелли строго призвала ее к порядку, едва Дебьенн и Полиньи появились в комнате.

Оба уходящих директора казались веселыми. В провинции это показалось бы неестественным, но в столице считалось проявлением хорошего вкуса. Никто не мог бы слыть настоящим парижанином, не научившись надевать маску веселья на свои печали и маску уныния, скуки и безразличия на свои внутренние радости. Если вы знаете, что у одного из ваших друзей горе, не пытайтесь утешать его: он скажет, что дела уже поправляются. Если же его посетила удача, не поздравляйте его: он только удивится тому, что кто-то вспомнил об этом. Парижане всегда чувствуют себя, как на маскараде, и двое столь утонченных мужчин, как Дебьенн и Полиньи, конечно же не могли позволить себе демонстрировать перед обществом свое подлинное настроение.

Они несколько нарочито улыбались, когда Ла Сорелли начала свою речь. Затем восклицание этой легкомысленной Жамме заставило их улыбки исчезнуть столь внезапно, что окружающие не могли не уловить печаль и страх, которые они скрывали.

– Призрак Оперы! – Жамме произнесла эти слова со страхом и указала на лицо, бледное, печальное и искаженное, как сама смерть.

– Призрак! Призрак Оперы!

Все засмеялись и, толкая друг друга, пытались подойти поближе к призраку, чтобы предложить ему что-либо выпить. Но он исчез, очевидно ускользнув в толпу. Его безуспешно искали, в то время как оба старых господина пытались успокоить малюток Жамме и Жири.

Ла Сорелли была взбешена: она не смогла закончить свою речь. Дебьенн и Полиньи поцеловали ее, поблагодарили и ушли как же быстро, как привидение. Никто этому не удивился – все знали, что им предстоит еще пройти такую же церемонию в комнате отдыха певцов этажом выше и что потом они будут принимать в последний раз своих близких друзей в большом вестибюле рядом со своим кабинетом, где их ждал настоящий ужин.

Там-то мы и нашли их теперь с новыми директорами Арманом Мушарменом и Фирменом Ришаром. Они едва знали друг друга, но обменивались громкими комплиментами и заверениями в дружбе, в результате чего у гостей, которые опасались провести довольно скучный вечер, заметно поднялось настроение. Во время ужина атмосфера была почти праздничной. Было произнесено несколько тостов, и представитель правительства продемонстрировал такие способности в этой области, что вскоре сердечность уже царила среди гостей.

Передача административных полномочий состоялась накануне в неофициальной обстановке, и вопросы, которые необходимо было разрешить между новыми и старыми администраторами, были разрешены при посредничестве представителя правительства с таким большим желанием обеих сторон прийти к согласию, что никто теперь не удивлялся, увидев теплые улыбки на лицах импресарио.

Дебьенн и Полиньи вручили Мушармену и Ришару два маленьких универсальных ключа, которые отпирали все несколько тысяч дверей Национальной академии музыки. Собравшиеся с любопытством рассматривали эти ключи. Их передавали из рук в руки, как вдруг внимание некоторых гостей привлекла странная фигура с бледным, фантастическим лицом, которая уже появлялась в комнате танцовщиц и которую маленькая Жамме встретила восклицанием: «Призрак Оперы!» Человек сидел в конце стола и вел себя совершенно естественно, за исключением того, что ничего не ел и не пил.

Те, кто улыбался, впервые увидев его, вскоре отводили взгляд, потому что его вид вызывал болезненные мысли. Никто здесь не воспринимал его появление как шутку, как это было у танцовщиц, никто не кричал: «Вот он, призрак Оперы!» Человек ничего не говорил. Даже сидевшие рядом с ним не могли сказать точно, когда он пришел, но каждый думал, что, если мертвые иногда возвращаются и сидят за столом живых, они не могут иметь более ужасного лица, чем это. Друзья Мушармена и Ришара думали, что этот бестелесный гость был другом Дебьенна и Полиньи, а друзья Дебьенна и Полиньи считали, что он друг Мушармена и Ришара. Потому никто не спрашивал объяснений и не отпускал никаких неприятных замечаний или шуток дурного вкуса, которые могли обидеть этого ужасного человека.

Некоторые гости, которые слышали легенду о призраке и его описание, данное главным рабочим сцены (они еще не знали о смерти Жозефа Бюке), думали, что человек в конце стола мог сойти за материализацию какого-то воображаемого лица, созданного неисправимым суеверием персонала Оперы. По легенде, у призрака нет, носа, а у этого мужчины он был. Мушармен пишет в своих мемуарах, что нос был прозрачным. Вот его точные слова: «Его нос был длинным, тонким и прозрачным». И позволю себе добавить, что это, видимо, был фальшивый нос. Мушармен, возможно, принял отблеск за прозрачность. Каждый знает, что наука может сделать отличные искусственные носы для людей, которые были лишены носа природой или в результате какой-либо операции.

Действительно ли в ту ночь привидение пришло и сидело за столом на банкете без приглашения? И можем ли мы быть уверенными, что лицо, о котором идет речь, было лицом самого призрака Оперы? Кто осмелится утверждать это? Я упомянул об этом инциденте не потому, что хотел убедить моих читателей в том, что привидение действительно способно на такую дерзость, а лишь потому, что, по моему мнению, вполне возможно, что это так. У меня есть достаточные основания думать так. Мушармен пишет в одиннадцатой главе своих мемуаров:

«Когда я вспоминаю этот первый вечер, я не могу отделить присутствие на нашем ужине этой похожей на привидение личности, которой никто у нас не знал, от того, что мсье Дебьенн и мсье Полиньи сообщили нам по секрету в своем кабинете». Случилось же следующее.

Дебьенн и Полиньи, сидя в центре стола, еще не видели мужчину с ужасной головой, похожей на смерть, когда тот вдруг начал говорить.

— Танцовщицы правы, — сказал он. — Смерть бедного Бюке, возможно, не такая естественная, как думают. Дебьенн и Полиньи вздрогнули и разом воскликнули:

— Бюке мертв?

— Да, — спокойно ответил мужчина или привидение. — Этим вечером его нашли висющим в третьем подвале между задником и декорациями из «Короля Лахора».

Оба директора, или, скорее, бывших директора, встали и странно посмотрели на говорящего. Они пребывали в большем волнении, чем можно было ожидать от людей, которые узнали, что повесился рабочий сцены. Они переглянулись, став бледнее белых скатертей. Наконец Дебьенн кивнул Мушармену и Ришару, Полиньи сказал несколько слов извинений гостям, и четверо мужчин удалились в директорский кабинет. Далее я цитирую мемуары Мушармена:

«Мсье Дебьенн и Полиньи выглядели очень взволнованными, казалось, что они хотят что-

то сообщить нам, но не решаются. Сначала они спросили, знаем ли мы человека, сказавшего о смерти Жозефа Бюке, и когда мы ответили отрицательно, их волнение еще больше усилилось. Они взяли у нас универсальные ключи, покачали головой и посоветовали тайно сменить замки во всех комнатах, стальных шкафах и местах, которые мы хотели бы надежно запереть. Полиньи и Дебьенн выглядели так комично, что Ришар и я рассмеялись. Я спросил, есть ли в Опере воры. Полиньи ответил, что есть нечто похуже воров: призрак. Мы засмеялись опять, думая, что они разыгрывают с нами шутку, которая должна увенчать вечерние празднества.

Но в конце концов по их просьбе мы опять стали «серьезными», готовые посмеяться вместе, принять участие в их игре. Они сказали, что молчали бы, если бы призрак сам не приказал им убедить нас обращаться с ним учтиво и предоставлять все, о чем бы он ни попросил. Обрадованные, что вскоре отделаются от привидения, они колебались до последнего момента, говорить ли нам об этой странной ситуации, к которой наш скептический разум, определенно, не был подготовлен. Но затем объявление о смерти Жозефа Бюке напомнило милейшим Полиньи и Дебьенну, что как бы они ни противились желаниям привидения, фантастические или ужасные происшествия быстро возвратят их к осознанию зависимости от него.

Пока они рассказывали об этих неожиданных вещах тоном торжественным и доверительным, я смотрел на Ришара. В свои студенческие годы он был известен как мастер различных мистификаций, и консьержи бульвара Сен-Мишель могли засвидетельствовать, что он заслужил эту репутацию. Казалось, он получал удовольствие от блюда, которое ему предлагали. Он не упустил ни одного кусочка этого блюда, хотя приправа к нему была немного мрачной из-за смерти Бюке. Ришар уныло покачал головой, и, по мере того как Дебьенн и Полиньи говорили, его лицо принимало выражение испуга. Казалось, он горько сожалеет, что стал директором Оперы теперь, узнав о привидении. Я бы не смог лучше сымитировать это выражение отчаяния. Но в конце концов, несмотря на все наши усилия, мы не смогли не рассмеяться в лицо Дебьенну и Полиньи. Видя, как мы перешли от глубокого уныния к дерзкому веселью, они повели себя так, будто решили, что мы сошли с ума.

Ришар, почувствовав, что шутка слишком затянулась, полусерьезно спросил:

– Но чего хочет этот призрак?

Полиньи подошел к своему столу и вернулся с копией инструкций для администрации Оперы.

Они начинаются словами: «Администрация должна придавать представлениям Национальной академии музыки блеск, который приличествует лучшему французскому оперному театру» и заканчиваются статьей 98: «Администратор может быть отстранен от своего поста: 1. Если он действует вопреки положениям, предусмотренным в инструкции...» Инструкция была написана черными чернилами и казалась совершенной копией той, что была у нас, однако в конце был добавлен параграф, написанный красными чернилами странным, неровным почерком. Он наводил на мысль о ребенке, который еще учился писать и не умел соединять буквы. Этот параграф был пятым пунктом, добавленным к четвертому в статье 98: «5. Если директор задерживает больше чем на две недели ежемесячную плату, которая полагается призраку Оперы, выплаты должны продолжаться до дальнейшего уведомления в размере 20 000 франков в месяц, или 240 000 франков за год».

Полиньи, поколебавшись, указал на этот последний пункт, который для нас, конечно же, явился неожиданностью.

– Это все? Он не хочет чего-нибудь еще? – спросил Ришар с абсолютным хладнокровием.

– Да, хочет, – ответил Полиньи.

Он полистал инструкции и громко прочитал:

– «Статья 63. Ложа No 1 в первом правом ярусе резервируется на все представления для главы государства.

Ложа No 20 бенуара по понедельникам и ложа No 30 первого яруса по средам и пятницам предоставляется в распоряжение министров. Ложа No 27 второго яруса резервируется каждый день для использования префектом Сены и главным комиссаром парижской полиции».

Затем он показал параграф, приписанный красными чернилами:

«Ложка No 5 первого яруса предоставляется в распоряжение призрака Оперы на все представления».

В этот момент Ришар и я встали, тепло пожали руки своим предшественникам и поздравили их с очаровательной шуткой, которая показывала, что старое французское чувство юмора по-прежнему живо. Ришар даже добавил, что теперь он понимает, почему Дебьенн и Полиньи покидают свои посты: невозможно вести дела Оперы и бороться с таким требовательным призраком.

– Конечно, – серьезно ответил Полиньи. – 240 000 франков не растут на дереве. И вы понимаете, во что нам обходится зарезервированная для призрака ложка номер пять первого яруса. Мы не можем продать абонемент на нее и вынуждены вернуть деньги, которые постоянный зритель заплатил за нее. Это ужасно! Мы не хотим работать, чтобы не поддерживать призрака! Мы предпочитаем уйти.

– Да, мы предпочитаем уйти, – повторил Дебьенн. – И давайте сделаем это сейчас. – Он встал.

– Но мне кажется, вы слишком добры к этому призраку, – сказал Ришар. – Если бы я имел такое беспокойное привидение, я бы не колеблясь приказал арестовать его.

– Где? Как? – воскликнул Полиньи. – Мы его никогда не видели.

– Даже когда он приходит в свою ложу?

– Мы его никогда не видели в ложе.

– Тогда почему бы не продать абонемент на нее?

– Абонемент на ложу призрака Оперы? Вот, мсье, вы и попробуйте!

Мы наконец покинули кабинет. Ришар и я никогда так не смеялись».

Глава 4. Ложка номер пять

Арман Мушармен написал такие обширные мемуары, что может возникнуть вопрос, когда он находил время заниматься делами театра. Он не знал ни одной ноты, но был в тесных отношениях с министром общественного образования и изящных искусств, немного писал как репортер, кроме того, у него было довольно большое состояние. Он обладал немалым обаянием, был умен, поскольку своим партнером в Опере выбрал человека весьма достойного: он пошел прямо к Фирмену Ришару.

Ришар был выдающимся композитором и настоящим джентльменом. Вот его характеристика, опубликованная в «Театральном ревю» в период, когда он стал одним из директоров Оперы:

«Фирмену Ришару около пятидесяти лет. Он высок ростом и широк в плечах, но у него нет ни единой унции жира. Он обладает ярко выраженной индивидуальностью и внушительной внешностью. Цвет его лица всегда свеж. Волосы спадают довольно низко на лоб, и он их коротко стрижет. Лицо выглядит слегка печальным, что смягчается откровенным взглядом и прекрасной улыбкой.

Фирмен Ришар – известный композитор, весьма искусный в гармонии и контрапункте. Характерная черта его музыки – монументальность. Он опубликовал несколько высоко оцененных критикой камерных пьес, фортепьянных сонат и небольших сочинений, полных оригинальности. Наконец, его «Смерть Геркулеса», исполняемая на концертах в консерватории, несет эпическое влияние Глюка, мастера, перед которым мсье Ришар испытывает благоговение. Хотя он обожает Глюка, однако Пиччинни любит не меньше. Преисполненный преклонения перед Пиччинни, он отдает дань уважения и Мейерберу, восхищается Чимарозой, кроме того, никто другой так высоко не ценит гений Вебера. Что же касается Вагнера, мсье Ришар не далек от того, чтобы считаться первым и, вероятно, единственным человеком во Франции, который понимает его музыку».

На этом закончу цитату. Она явно подразумевает, как мне кажется, что если Фирмен Ришар любит почти всех композиторов то обязанность всех композиторов – любить Фирмена Ришара. Чтобы довершить этот набросок, добавлю, что характер его был далеко не ангельским – иначе говоря, он отличался довольно крутым нравом.

На протяжении тех первых дней, которые партнеры провели в Опере, они были поглощены

удовольствием ощущать себя хозяевами такого громадного и великолепного предприятия и, без сомнения, забыли об истории с привидением. Однако вскоре произошел инцидент, который напомнил им, что шутка – если это было то, что было, – еще не закончилась.

В это утро Ришар прибыл в свой кабинет в одиннадцать часов. Его секретарь, мсье Реми, показал ему полдюжины писем, которые не вскрывал, так как на них было написано: «Лично». Одно письмо немедленно привлекло внимание Ришара не только потому, что надпись на конверте была сделана красными чернилами, но и потому, что, как ему показалось, он видел этот почерк раньше. Он быстро понял, что этим неуклюжим почерком был написан параграф, которым так странно заканчивалась книга инструкций. Ришар вскрыл конверт и прочел:

«Дорогие импресарио!

Извините меня за беспокойство и за то, что отнимаю у вас дорогое время в тот момент, когда вы решаете судьбу исполнителей в Опере, возобновляете важные ангажементы и заключаете новые, делая все это авторитетно, с прекрасным пониманием театрального дела, знанием публики и ее вкусов, что я с моим долгим опытом нахожу просто поразительным. Я знаю, что вы сделали для Карлотты, Ла Сорелли и маленькой Жамме и некоторых других, чей талант вы rozpoznали. (Вы знаете, кого я имею в виду под некоторыми другими, совершенно очевидно, что это не Карлотта, которая поет, как мартовская кошка, и которой лучше никогда не покидать бы кафе «Жакен»; что это не Ла Сорелли, которая своим успехом обязана главным образом телу; не маленькая Жамме, которая скачет, словно теленок на лугу. Это и не Кристина Доз: хотя ее гений неоспорим, вы с ревностной заботливостью отстранили ее от всех ведущих спектаклей.) Вы, конечно, свободны управлять оперными делами, как считаете необходимым. Однако я воспользуюсь, тем, что вы еще не выбросили Кристину Доз, прослушав ее сегодня в роли Зибеля, поскольку роль Маргариты сейчас запрещена ей, и это после триумфа накануне. Прошу вас не располагать моей ложей сегодня вечером и в другие вечера. Не могу закончить это письмо, не признавшись в том, как неприятно был я удивлен, придя в Оперу и узнав, что на мою ложу продан абонемент по вашему приказу.

Я не протестовал, во-первых, потому что не люблю устраивать сцены, а также потому, что думал, что ваши предшественники мсье Дебьенн и Полиньи, которые всегда были добры ко мне, не сказали вам перед уходом о моей повышенной чувствительности. Но в ответ на мою просьбу объяснить они прислали мне письмо, которое доказывает, что вы знакомы с моей книгой инструкций. Поэтому считаю, что вы проявляете ко мне нетерпимое неуважение. Если вы хотите, чтобы мы жили в мире, вам не должно начинать с того, с чего начали вы – отобрали у меня мою ложу!

Сделав эти маленькие замечания, я прошу вас считать меня вашим покорным слугой. Призрак Оперы».

В конверт была вложена вырезка из «Театрального ревю»:

«П. О.: Р, и М, нельзя простить. Мы предупредили их об этом и оставили вашу книгу инструкций. С уважением».

Едва Фирмен Ришар закончил читать письмо, как дверь его кабинета отворилась и вошел Арман Мушармен, держа в руках точно такой же конверт. Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Шутка продолжается, – сказал Ришар, – и это уже не смешно.

– Что все это означает? – спросил Мушармен. – Неужели они думают, что мы позволим им сохранить ложу за собой навсегда лишь потому, что они были директорами Оперы?

– Я не намерен позволять им продолжать свой обман дальше, – заявил Ришар.

– Это все довольно безобидно, – заметил Мушармен. – В сущности, чего они хотят? Ложу на сегодня?

Ришар приказал своему секретарю послать Дебьенну и Полиньи билеты в ложу номер пять первого яруса, если она еще не зарезервирована. Ложка оказалась свободной, и билеты были отправлены немедленно. Дебьенн жил на углу улицы Скриба и бульвара Капуцинов, Полиньи – на улице Обера. Оба письма, подписанных призраком, были отправлены из почтового отделения на бульваре Капуцинов. Мушармен заметил это, рассматривая конверты.

– Вот видишь, – сказал Ришар.

Они пожали плечами и выразили сожаление, что такие почтенные люди, как Дебьенн и Полиньи, до сих пор забавляются детскими проказами.

– По крайней мере, они могли бы быть повежливее, – произнес Мушармен.

– Заметил, что они написали о Карлотте, Ла Сорелли к маленькой Жамме?

– Мой друг, эти люди больны завистью! Подумай только: они пошли даже на то, что заплатили за объявление в «Театральном ревю». Что, им больше нечего делать?

– Кстати, – добавил Мушармен, – они, похоже, проявляют интерес к маленькой Кристине Доз – Ты же знаешь, что у нее репутация целомудренной девушки?

– Репутации часто бывают незаслуженными, – сказал Мушармен. – Я, к примеру, пользуюсь репутацией знатока музыки, но не отличу скрипичный ключ от басового.

– Не беспокойся, у тебя никогда не было такой репутации, – заверил его Ришар. Он приказал швейцару пригласить в комнату артистов, которые расхаживали взад и вперед в коридоре, ожидая, когда откроются директорские двери, двери, за которыми они найдут славу, деньги, а может быть, и увольнение.

Весь день прошел в дискуссиях и переговорах, в подписании и расторжении контрактов. Поэтому вы можете быть уверены, что этой ночью, ночью 25 января, оба наших импресарио, уставших от трудного дня, легли в постель, даже не заглянув в ложу номер пять, чтобы узнать, понравилось ли Дебьенну и Полиньи вечернее представление.

На следующее утро Ришар и Мушармен нашли в своей почте открытку:

«Дорогие импресарио! Благодарю вас. Восхитительный вечер. Доз прелестна. С хорами необходимо поработать. Карлотта изумительна. Скоро напишу вам о 240 000 франков или, точнее, о 243 424 франках 70 сантимам. Дебьенн и Полиньи прислали мне 6575 франков за первые десять дней выплаты в счет этого года, поскольку они прекратили свою деятельность вечером десятого. Ваш покорный слуга П. О.» Они получили также письмо от Дебьенна и Полиньи:

«Мсье! Благодарим вас за доброту, во вы легко поймете, что перспектива вновь послушать „Фауста“, какой бы приятной она ни была для бывших директоров Оперы, не может заставить нас забыть, что мы не имеем права занимать ложу номер пять первого яруса. Вы знаете, кому эта ложа принадлежит, ибо мы говорили о ней с вами, когда перечитывали книгу инструкций последний раз. Посему отсылаем вас к последнему параграфу статьи 63. Примите, мсье...» – Они начинают действовать мне на нервы! – грубо сказал Ришар, вырывая письмо из рук Мушармена.

В этот же вечер ложа номер пять была сдана.

Придя в свой кабинет на следующий день, Ришар и Мушармен нашли на столе отчет контролера Оперы относительно событий, которые имели место накануне вечером в ложе номер пять. Вот наиболее существенный отрывок из этого короткого отчета:

«Дважды в этот вечер, в начале и в середине второго акта, мне пришлось вызывать полицейского, чтобы удалить лиц, занимавших ложу No 5 первого яруса, которые прибыли в начале второго акта. Они нарушали порядок своим громким смехом и глупыми замечаниями. Раздавались крики „Тише!“, и публика начинала протестовать. Я пошел в ложу и сделал необходимые замечания. Занимавшие ложу люди вели себя крайне глупо и казались не в своем уме. Я предупредил их, что, если нарушение порядка повторится, мне придется удалить их. Выйдя из ложи, я опять услышал смех и протесты публики. Я вернулся обратно с полицейским, который заставил этих людей покинуть ложу. Все еще смеясь, они сказали, что останутся в холле до тех пор, пока им не вернут деньги. В конце концов они успокоились, и я позволил им вернуться в ложу. Смех немедленно возобновился, и я удалил их на этот раз окончательно».

– Пошлите за контролером, – сказал Ришар своему секретарю, который первым прочитал отчет и уже сделал на нем пометки синим карандашом.

Секретарь, мсье Реми, понятливый и робкий в присутствии директора, был интеллигентным, элегантным молодым человеком двадцати четырех лет. Он носил тонкие усы, одевался безупречно (даже днем носил сюртук) и получал жалованье в две тысячи четыреста франков в год. Он выискивал в газетах полезную информацию, отвечал на письма, распределял ложи и приглашительные билеты, назначал встречи, говорил с людьми, ожидавшими директора, навещал боль-

ных артистов, подыскивал дублеров, вел переписку с главами департаментов, но его главной обязанностью было служить своего рода замком дверей кабинета директора.

Реми уже послал за контролером. Немного обеспокоенный, тот вошел в кабинет Ришара.

– Расскажите нам, что же все-таки произошло, – грубо сказал Ришар.

Контролер смутился и показал на свой отчет.

– Почему эти люди смеялись? – спросил Мушармен.

– Вероятно, хорошо пообедали с вином, мсье, и были больше настроены развлекаться, чем слушать серьезную музыку. Едва войдя в ложу, они сразу же вышли и позвали билетершу. Она спросила, что им угодно. Тогда один из мужчин сказал: «Осмотрите ложу – там никого нет, не правда ли?» Билетерша ответила: «Нет», а мужчина произнес: «Хорошо, когда мы вошли, то услышали, как кто-то сказал, что ложа занята».

Мушармен не мог сдержать улыбки, но Ришар не улыбался. Он имел слишком большой опыт в такого рода вещах и не верил в истории, подобные той, что ему рассказывал сейчас контролер, видя в ней все признаки злобной мистификации.

Глядя на Мушармена, который все еще улыбался, контролер решил, что тоже должен улыбнуться. Но Ришар бросил на него испепеляющий взгляд. Контролер тут же попытался придать лицу подходящее случаю выражение.

– Когда эти люди прибыли, – грозно спросил Ришар, – кто-нибудь был в ложе?

– Никого, мсье, совершенно никого! И никого не было в ложах по обе стороны от нее. Клянусь, ложа была пуста, готов биться об заклад! Убежден – все это только шутка.

– А что сказала билетерша?

– О, что касается ее, то тут все просто: она сказала, это был призрак. Что еще можно от нее ожидать?

Контролер хихикнул, но понял, что опять совершил ошибку, ибо, услышав упоминание о призраке, Ришар точно взбесился.

– Я хочу видеть билетершу, – крикнул он. – Немедленно! Приведите ее сюда! И пошлите прочь этих людей.

Контролер пытался протестовать, но Ришар угрожающим «Молчите!» заставил его замолчать. Затем, когда губы его несчастного служащего, казалось, сомкнулись навсегда, Ришар потребовал, чтобы он их вновь разомкнул.

– Что это за призрак в Опере? – спросил он с выражением недовольства.

Но контролер был теперь не способен вымолвить и слова. Отчаянными жестами он дал Ришару понять, что не знает.

– Вы-то сами видели призрака? Контролер энергично покачал головой.

– Тем хуже для вас, – холодно отрезал Ришар. Глаза контролера открылись так широко, что, казалось, готовы были выскочить из орбит, и, обретя вновь способность говорить, он спросил директора, почему тот произнес эти зловещие слова.

– Потому что я намерен уволить каждого, кто его не видел! – ответил Ришар. – Этот призрак появляется повсюду, и недопустимо, что его нигде не видели. Я хочу, чтобы мои служащие делали свое дело, и делали его хорошо!

Глава 5. Продолжение «Ложи номер пять»

Сказав это, Ришар, не обращая больше внимания на контролера, начал обсуждать текущие дела со своим администратором, который только что вошел. Контролер решил, что может уйти, и медленно стал отступать к двери. Однако Ришар, увидев это, топнул ногой и оглушительно рявкнул:

– Не двигаться!

Вскоре появилась билетерша, которая работала также консьержкой на улице Прованс, недалеко от Оперы.

– Как вас зовут?

– Мадам Жири. Вы меня знаете, мсье. Я мать Мег Жири, или маленькой Мег, как ее еще

называют.

Ришар посмотрел на женщину (выцветшая шаль, стертые туфли, старое платье из тафты, потемневшая шляпа), и по выражению его лица стало очевидно, что он или никогда не встречался с ней, или забыл о встрече. Но все билетеры одинаковы – они абсолютно уверены, что их знает буквально каждый..

– Нет, я вас не припоминаю, – заявил Ришар. – Но все же я хотел бы, чтобы вы рассказали, что случилось вчера вечером, почему вам и контролеру пришлось позвать полицейского.

– Да, я сама хотела поговорить с вами об этом, мсье, чтобы у вас не было таких же неприятностей, как у мсье Дебьенна и мсье Полиньи. Вначале они тоже не хотели слушать меня и...

– Я не спрашиваю вас обо всем этом, – прервал ее Ришар. – Расскажите, что произошло вчера вечером.

Мадам Жири покраснела от возмущения – никто раньше не говорил с ней таким тоном. Она встала, будто намеревалась уйти, с достоинством разглаживая складки юбки и встряхивая перьями своей поблекшей шляпы, затем, видимо передумав, опять села и сказала высокомерно:

– Случилось то, что кто-то опять раздражал привидение! В этот момент, видя, что Ришар вот-вот разразится гневом, Мушармен вмешался и сам стал расспрашивать билетершу. Оказалось, для мадам Жири было совершенно нормальным, что люди слышали голос в ложе, хотя там никого не было. Она объясняла этот феномен только действиями привидения. Его никто никогда не видел, но многие слышали, поведала мадам Жири присутствующим. Она слышала его часто, и на ее слово можно положиться, потому что она никогда не лжет и они могут спросить у мсье Дебьенна и мсье Полиньи или кого-либо другого, кто знает ее, включая Исидора Саака, которому призрак сломал ногу.

– Даже так? – спросил Мушармен. – Призрак сломал ногу бедному Исидору Сааку?

Глаза мадам Жири выразили изумление по поводу такого невежества. Наконец она согласилась просветить этих двух несчастных простаков. Инцидент произошел во времена Дебьенна и Полиньи и так же, как вчера, в ложе номер пять во время представления «Фауста».

Мадам Жири откашлялась и прочистила горло, как будто собиралась спеть всю оперу Гуно.

– Вот как это было, мсье, – начала она. – В тот вечер мсье Маньера и его жена, они торговцы драгоценными камнями с улицы Могадор, сидели в первом ряду ложи.

Сзади мадам Маньера расположился их близкий друг Исидор Саак. На сцене пел Мефистофель. – И мадам Жири запела: «Вы так крепко спите...» – Затем своим правым ухом (а его жена сидела слева) мсье Маньера услышал голос: «Ха, ха, кто-кто, а Жюли не так уж крепко спит...» А его жену звали Жюли. Он повернул голову направо, чтобы посмотреть, кто сказал эти слова. Никого! Мефистофель все еще пел... Но, может быть, вам скучно слушать это, мсье?

– Нет-нет, продолжайте.

– Вы очень добры, – сказала мадам Жири жеманно. – Итак, Мефистофель все еще пел. – Она запела:

«Катрин, я обожаю вас, молю, не откажите в сладком поцелуе...» – И опять мсье Маньера услышал голос справа:

«Ха, ха, уж кто-кто, а Жюли не откажет Исидору в сладком поцелуе». Маньера опять повернул голову, и на этот раз в сторону жены и Исидора. И что же он видит? Исидор взял руку мадам Маньера и целует ее через небольшое отверстие в перчатке, вот так, мсье. – И мадам Жири поцеловала кусочек кожи, который просматривался сквозь ее шелковую перчатку. – Смею вас уверить, что все трое не сидели после этого тихо! Бах, бах! Мсье Маньера, который был таким же большим и сильным, как вы, мсье Ришар, дал пару пощечин Исидору Сааку, который был худым и слабым, как вы, мсье Мушармен, при всем моем к вам уважении. Началась суматоха. Люди в зале стали кричать: «Он убьет его, убьет!» Наконец Исидор смог убраться.

– Так призрак не сломал ему ногу? – спросил Мушармен, немного раздосадованный замечанием мадам Жири по поводу его внешности.

– Там – нет, мсье, – ответила она надменно. – Он сломал ее прямо на большой лестнице, по которой Исидор Саак спускался слишком быстро, и сломал ее так сильно, что пройдет довольно

много времени, прежде чем бедный Исидор сможет опять подняться по этой лестнице.

– И призрак сам сказал вам, что шептал в правое ухо мсье Маньера? – спросил Мушармен серьезно, как судья.

– Нет, мсье, это сказал мне Маньера.

– Но вы говорили с призраком, не правда ли, мадам?

– Да, так же как сейчас с вами, любезный мсье.

– И что же этот призрак обычно говорит вам, позвольте спросить?

– Он просит, чтобы я принесла скамеечку для ног. После этих слов мадам Жири, которые она произнесла торжественным тоном, и при виде ее серьезного, полного значительности лица Ришар, Мушармен и Реми, секретарь, уже не могли сдерживаться – все разом они расхохотались. Контролер, исходя из своего предыдущего опыта, не присоединился к ним. Прислонившись к стене и нервно играя ключами в кармане, он гадал, чем это все может кончиться. Чем вышемерно становилась мадам Жири, тем больше он боялся, что раздражение Ришара вернется. Однако, видя веселье импресарио, билетерша посмела даже прибегнуть к угрозе.

– Вместо того чтобы смеяться, – возмутилась она, – лучше бы поступили, как мсье Полиньи.

– И как же? – спросил Мушармен, который никогда так не забавлялся.

– Я постоянно пытаюсь объяснить вам... Послушайте. – Мадам Жири вдруг успокоилась, чувствуя, видимо, что настал ее час. – Я помню все, как будто это было вчера. В тот вечер давали «Иудейку». Мсье Полиньи сидел один в ложе призрака. Мадемуазель Краусс была великолепна. Она только что спела, вы знаете, это место во втором акте. – И мадам Жири затянула: «Я хочу жить и умереть рядом с человеком, которого люблю...» – Да – да, я знаю это место, – прервал ее Мушармен с улыбкой. Но она продолжала петь, встряхивая перьями своей шляпы «Уйдем, уйдем! Здесь и на небесах одна судьба ждет нас...» – Да-да, мы знаем это место, – повторил Ришар, снова теряя терпение. – Что из того?

– Так вот, это как раз, когда Леопольд воскликнул:

«Бежим!», а Элеазар останавливает их: «Куда вы бежите?» Именно в этот момент мсье Полиньи, я наблюдала за ним из соседней ложи, которая не была занята, именно тогда он вдруг неожиданно встал и вышел, негнувшийся, как статуя. Я едва успела спросить, куда он идет, совсем как Элеазар? Но мсье Полиньи не ответил мне и был бледнее трупа. Я видела, как он спустился по лестнице. Он не сломал себе ногу, но шел как во сне, как будто ему приснился кошмар. Он даже не мог найти дорогу – а ведь ему платили за то, чтобы он знал Оперу как свои пять пальцев. Высказав все это, мадам Жири сделала паузу, чтобы посмотреть на эффект, который она произвела.

Но Мушармен лишь покачал головой.

– Все это еще не объясняет, как и при каких обстоятельствах призрак просил у вас скамеечку для ног, – настаивал он, глядя прямо в глаза мадам Жири.

– После этого вечера призрака оставили в покое и никто не пытался отобрать у него ложу. Месье Дебьенн и мсье Полиньи отдали приказ, чтобы ложу оставляли свободной для него на все представления. И каждый раз, приходя, он просил у меня скамеечку для ног. – Итак, призрак, который просит скамеечку для ног... Ваш призрак – женщина?

– Нет, призрак – мужчина.

– Откуда вы это знаете?

– У него голос мужчины, красивый мужской голос. Вот так это происходит. Обычно он появляется в Опере в середине первого акта, трижды стучится в дверь ложи номер пять. Можете представить, в каком недоумении я была, услышав эти стуки, а я знала очень хорошо, что в ложе никого нет. Я открыла дверь, я слушала, я смотрела – никого! И вот я услышала, как какой-то голос сказал мне:

«Мадам Жюль (это фамилия моего покойного мужа), вы не принесете мне скамеечку для ног?» Я стала, извините меня, директор, как помидор. Но голос продолжал: «Не бойтесь, мадам Жюль, это я, призрак Оперы!!!» Это был такой добрый, дружеский голос, что я почти перестала бояться. Я посмотрела в ту сторону, откуда он раздался. Голос, мсье, шел с первого места справа

в первом ряду. За исключением того, что я никого не видела там, было точно так, как будто кто-то сидел на этом месте и говорил со мной, кто-то очень вежливый.

– А ложка справа от ложи номер пять была занята? – спросил Мушармен.

– Нет. Седьмая и третья ложи были еще пусты. Представление только что началось.

– И что же вы сделали?

– Я принесла скамеечку, что же еще? Она, разумеется, была нужна не для него. Она была нужна для его дамы. Но я никогда не слышала и не видела ее...

Что? У привидения к тому же была жена? Мушармен и Ришар перевели взгляд с мадам Жири на контролера, который стоял позади нее и размахивал руками, чтобы привлечь к себе внимание директоров. Он с отчаянием указал пальцем на лоб, показывая, что мадам Жири сумасшедшая, что заставило Ришара принять окончательное решение уволить контролера, который держал на работе помешанную. Но она продолжала рассказывать, полностью погруженная в мысли о призраке: теперь она восхваляла его щедрость.

– В конце спектакля он обычно давал мне монетку в сорок су, иногда в сто су, а иногда даже в десять франков, если несколько дней подряд не приходил. Но теперь вот, когда они начали опять раздражать его, он больше мне ничего не дает» – Извините, славная женщина! – Мадам Жири снова сердито встряхнула перьями своей шляпки от такой настойчивой фамильярности. – Извините, но как призрак передает вам эти деньги? – спросил Мушармен, который от рождения был любопытным.

– Он просто оставляет их на перилах ложи. Я их нахожу там вместе с программой, которую всегда приношу ему. Иногда я нахожу в ложе цветы, розу, например, которая, видимо, выпала из корсажа его дамы. Он, должен быть, приходит иногда с дамой, поскольку однажды они оставили веер.

– Ха, ха. Призрак оставил веер? И что же вы с ним сделали?

– Конечно, я принесла его в следующий раз. В этот момент раздался голос контролера:

– Вы не придерживаетесь правил, мадам Жири. Я вас оштрафую.

– Замолчите, болван! – прозвучал глубокий голос Ришара. – Итак, вы принесли обратно веер. Что случилось потом?

– Они его забрали, мсье. Я не нашла веер после представления, а на этом месте они оставили коробку с английскими конфетами, я их так люблю, мсье директор. Это одна из любезностей призрака.

– Хорошо, мадам Жири. Вы можете идти.

Когда матушка Жири оставила кабинет, почтительно, но с достоинством, которое никогда не покидало ее, поклонившись обоим директорам, Ришар сказал контролеру, что решил освободиться от услуг этой старой сумасшедшей. Затем добавил, что он тоже уволен.

И хотя тот заявил о своей привязанности к Опере, директора сказали секретарю, что контролер должен быть рассчитан и уволен. Когда секретарь ушел и они остались одни, каждый выразил мысль, пришедшую им обоим в одно и то же время: надо пойти и посмотреть ложу номер пять.

Мы вскоре также последуем за ними.

Глава 6. Зачарованная скрипка

Из-за интриг, о которых мы расскажем позже, Кристине Доз не удалось повторить в Опере успех, который она имела на том знаменитом гала-концерте. Однако у Кристины была возможность появиться в доме герцогини Цюрихской, где она спела лучшие произведения из своего репертуара. Вот что писал о ней известный критик Х., который был среди гостей:

«Когда вы слышите ее в „Гамлете“ Амбруаза Тома, невольно задаетесь вопросом: не пришел ли Шекспир на Елисейские поля, чтобы отрепетировать с ней роль Офелии? Это правда, что, когда она надевает звездную диадему Царицы ночи, Моцарт, казалось бы, должен покинуть свое вечное убежище, прийти и послушать ее. Но ему нет необходимости делать это, потому что сильный, вибрирующий голос неподражаемого интерпретатора „Волшебной флейты“ достигает

гения, легко поднимаясь в небеса, так же как она сама без усилий дошла от крытой соломой хижины в деревне Скотеллоф до золотого и мраморного дворца, построенного мсье Гарнье».

Однако после вечера в доме герцогини Цюрихской Кристина не пела на публике. Она отклоняла все приглашения и предложения платных выступлений. Без какого-либо благовидного объяснения она отказалась выступить на благотворительном концерте, в котором предварительно обещала принять участие. Она вела себя так, как будто больше не контролировала свою жизнь, как будто боялась нового триумфа.

Кристина узнала, что граф Филипп де Шаньи, желая угодить своему брату, предпринимал активные усилия в ее интересах, даже обращался к мсье Ришару. Она написала графу, поблагодарила его и попросила ничего не говорить о ней с директорами Оперы. Что за причины могли быть у певицы для такого странного поведения? Одни приписывали это беспредельной гордыне, другие – божественной скромности. В действительности же наиболее вероятным объяснением подобного поведения был страх. Да, Кристина Доз была напугана тем, что случилось с ней, и в такой же степени удивлена, как, впрочем, и все, кто ее окружал. Удивлена? У меня есть одно из ее писем (из коллекции перса), и, прочитав это письмо, я уже не могу писать, что она была удивлена или даже напугана своим триумфом – она была в ужасе. «Я не узнаю себя больше, когда пою», – писала она. Бедное, милое, чистое дитя!

Кристина нигде не показывалась, и виконт Рауль де Шаньи тщетно пытался встретиться с ней: писал, спрашивал разрешения прийти, умолял. Рауль уже начинал терять всякую надежду, когда однажды утром получил следующую записку:

«Я не забыла маленького мальчика, который вошел в море, чтобы достать мой шарф. Я не могла не написать вам об этом, особенно теперь, собираясь поехать в Перрос-Герек, чтобы выполнить свой долг. Ведь завтра годовщина смерти моего отца. Вы знали его, и он любил вас. Похоронен он вместе со своей скрипкой на кладбище, которое окружает маленькую-церковь у подножия холма. Отец так часто играл в этой церкви, когда мы с вами были детьми. Он похоронен у дороги, где, повзрослев, мы сказали друг другу „до свидания“ в последний раз».

Прочитав записку, Рауль тут же справился о железнодорожном расписании, быстро оделся, написал несколько строк брату и вскочил в экипаж. Однако он опоздал на утренний поезд, к которому так надеялся успеть.

Виконт провел тоскливый день. Хорошее настроение вернулось к нему только вечером, когда он наконец сел в поезд. Он перечитывал записку Кристины, вдыхал ее аромат, оживляя в памяти милые образы своих отроческих лет. Иногда Рауль забывался в беспокойном сне, который начинался и кончался его Кристиной.

Уже рассвело, когда Рауль сошел с поезда в Ланньоне и сел в карету до Перрос-Герек. Он был единственным пассажиром. У кучера он узнал, что накануне вечером молодая женщина, кажется, парижанка, приехала в Перрос и остановилась в гостинице «Заходящее солнце». Это могла быть только Кристина. Рауль глубоко вздохнул: наконец ему удастся поговорить с ней спокойно. Он так сильно любил ее, что это почти лишало его дыхания. Этот сильный молодой человек, который совершил кругосветное путешествие, вел себя, как девственница, никогда не покидавшая дома матери.

Он ехал к Кристине, перебирая в памяти страницы биографии певицы. Многие детали ее истории до сих пор неизвестны публике.

В маленьком шведском городке неподалеку от Упсала жил крестьянин с семьей. В поте лица работая в течение недели, по воскресеньям он пел в церковном хоре. Свою маленькую дочь он обучил нотам до того, как она стала читать. Возможно, не сознавая этого, отец Кристины был великим музыкантом. Он играл на скрипке и считался лучшим маэстро в округе. Слава о нем распространилась повсюду, и его наперебой звали играть на свадьбах и праздниках.

Мать Кристины умерла, когда девочке шел шестой год. Доз, который любил только дочь и музыку, продал землю и отправился искать счастья в Упсала. Но нашел там одну бедность. Тогда он вернулся в свой городок и стал ходить с ярмарки на ярмарку, играя скандинавские мелодии, а девочка, которая никогда не покидала отца, пела под аккомпанемент его скрипки. Услышав однажды их обоих на ярмарке в Лимби, профессор Валериус пригласил их в Гетеборг. Он

утверждал, что отец был лучшим скрипачом в мире, а дочь имела задатки стать великой певицей. Профессор взял на себя заботу о ее образовании и обучении. Все, кто ни встречался с Кристиной, были пленены ее красотой, очарованием, стремлением к совершенствованию. Ее успехи были потрясающими.

Когда профессор и его жена уезжали во Францию, они взяли старого Доз и Крестину с собой. Жена Валериуса относилась к Крестине как к родной дочери. Что же касается Доз, то он начал чахнуть от ностальгии. Он никогда не выходил из дому, живя словно в какой-то мечте, которую лелеял с помощью своей скрипки. Много времени Доз проводил с Крестиной, играя на скрипке и что-то напевая. Иногда жена профессора приходила послушать их через дверь, тяжело вздыхала, вытирая слезы, и уходила на цыпочках. Она тоже тосковала по неяркому скандинавскому небу.

Энергия возвращалась к Доз только летом, когда они выезжали в Перрос-Герек – часть Бретани, тогда еще мало знакомую парижанам. Доз нравилось смотреть на море, потому что оно напоминало ему родину. Часто, сидя на берегу, он играл свои наиболее жалобные мелодии и утверждал, что море затихало, чтобы послушать их.

После долгих уговоров Доз убедил жену Валериуса позволять ему во время религиозных процессий, деревенских праздников играть на скрипке, как он делал это раньше, и даже брать с собой Крестину. Крестьяне никогда не уставали слушать их. Музыканты отказывали себе в гостинице и спали прямо в сарае на соломе, тесно прижавшись друг к другу, как это делали когда-то в Швеции.

Доз и Кристина одевались соответствующим образом, отказывались от денег, которые им предлагали за работу, и не брали пожертвований. Местные жители не понимали поведения этого виртуоза-скрипача, который бродил по деревням со своей красавицей дочерью, певицей, словно ангел с небес. Толпы людей шли за ними из деревни в деревню.

Однажды мальчик из Парижа заставит свою гувернантку пройти долгий путь, потому что был восхищен девочкой, чей чистый, мелодичный голос, казалось, приковал его к ней. Они вышли к небольшой бухте. В те дни там не было ничего, кроме неба, моря и золотого песчаного берега. Вдруг поднявшийся ветер сорвал с Кристины шарф и понес его в море. Она с криком протянула руку, но шарф уже плавал на волнах, и тут девочка услышала голос:

– Не беспокойся. Я сейчас достану» Она увидела мальчика, который, несмотря на крики и возмущенные протесты дородной мадам, одетой в черное, бросился прямо в одежде в море и вытащил из воды шарф. Мальчик, конечно, промок насквозь, и его гувернантка, казалось, никогда не успокоится. Однако Кристина радовалась от всего сердца и с благодарностью поцеловала смельчака. Этим мальчиком был виконт Рауль де Шаньи, который жил в то время со своей тетуской в Ланньоне.

На протяжении лета они с Крестиной виделись почти каждый день. По просьбе тетуски, переданной профессором Валериусом, Доз начал давать юному виконту уроки игры на скрипке. Так Рауль полюбил мелодии, которые с детства окружали Крестину.

У них обоих была романтическая душа. Они любили старинные истории, бретонские народные сказки и частенько ходили от дома к дому, прося как нищие: «Расскажите вам что-нибудь интересное, пожалуйста», и им, конечно, почти никогда не отказывали. Существует разве старая бретонка, которая хотя бы раз в жизни не видела домового, танцующего на торфяном болоте при лунном свете?

Но с самым большим нетерпением дети ждали вечера, когда солнце садилось в море и великий покой сумерек опускался над землей. Тогда отец Кристины садился с ними на обочине дороги и тихим голосом, словно боясь спугнуть духов, рассказывал красивые веселые или ужасные легенды и мифы северных стран. Иногда они были такими же прелестными, как сказки Андерсена, иногда грустными, как стихи великого поэта Рунеберга. И когда Доз прекращал рассказ, дети просили: «Еще!» Раулю запомнилась история, которая начиналась так:

«Однажды король сидел в маленькой лодке на берегу одного из тихих глубоких озер, которые открываются, как сияющие глаза, среди гор Норвегии...» Или другая: «Маленькая Лотта думала обо всем и ни о чем. Она парила в золотых лучах солнца, как птица, с венком из цветов

на белокурых локонах. Душа девочки была такой же чистой и голубой, как ее глаза. Она нежно любила свою мать и была верна своей кукле. Лотта тщательно следила за своей одеждой, красными туфельками и скрипкой, но больше всего на свете ей нравилось слушать перед сном Ангела музыки...» Доз рассказывал, а Рауль не отрываясь смотрел на голубые глаза и золотистые волосы Кристины. А Кристина думала о том, как повезло маленькой Лотте, что она могла слышать перед сном Ангела музыки. Детше уставали расспрашивать Доз об этом Ангеле. Доз утверждал, что всех великих композиторов и музыкантов Ангел музыки посещал хотя бы раз в жизни. Иногда он приходил к их постели, как это случилось с Лоттой, и поэтому появлялись вундеркинды, которые в шесть лет играли на скрипке лучше, чем пятидесятилетние мужчины, что, согласитесь, весьма необычно. Иногда он прилетал и к непослушным детям, которые не хотели учить уроки или упражняться. А к детям со злым сердцем и нечистой совестью Ангел музыки вообще не являлся. Его никто никогда не видел, но многие слышали – слышали те, кому это было предопределено. Чаще всего Ангел спускался к людям, когда те меньше всего ждали его, когда они пребывали в унынии или печали. Вдруг они слышали небесные звуки и божественный голос, заминавшийся на всю жизнь. У людей, которых посещал Ангел, в груди загоралось какое-то пламя, они начинали ощущать некую пульсацию, несвойственную другим смертным. Когда же они прикасались к инструменту или открывали рот, чтобы петь, то издавали звуки такой красоты, перед которыми меркли все другие звуки на земле. Те, кто не знал, что этих людей посетил Ангел музыки, называли их гениями.

Маленькая Кристина спросила как-то отца, слышал ли он Ангела. Тот печально покачал головой, затем посмотрел на дочь сияющими глазами и сказал:

– Когда-нибудь ты услышишь его, дитя мое! Когда я буду на небесах, я пошлю его к тебе, обещаю.

Это было как раз в то время, когда Доз начал сильно кашлять.

Пришла осень и разлучила Рауля и Кристину.

Они увиделись вновь только три года спустя. Это случилось опять в Перросе, и впечатление, которое вынес Рауль от встречи с Кристиной, было столь сильным, что осталось с юношей навсегда. Профессор Валериус умер, но его жена не уехала из Франции, занявшись финансовыми делами. Кристина и ее отец тоже остались. Они по-прежнему пели и играли на скрипке, продолжая жить со своей любимой благотельницей. Оказавшись в Перросе, Рауль тотчас отправился в дом покойного профессора.

Старик Доз, увидев молодого человека, встал со своего кресла со слезами на глазах и обнял виконта со словами, что он и Кристина никогда не забывали его. И действительно, редко проходил день, чтобы они не вспоминали Рауля. Старик все еще говорил, когда дверь открылась и в комнату вошла Кристина, как всегда, прелестная. Она несла на подносе чай для отца. Узнав Рауля, она поставила поднос на стол. Легкая краска смущения покрыла очаровательное лицо девушки. Она стояла в нерешительности, ничего не говоря. Рауль подошел к Кристине и поцеловал ее, приветствуя, она не уклонилась от поцелуя. Задав несколько вопросов, мило исполнив свой долг хозяйки, она забрала поднос и унесла его.

Выйдя из комнаты, Кристина уединилась в саду. Чувства, которые она ранее не испытывала, волновали ее юное сердце. Рауль присоединился к ней, и они проговорили до вечера. Оба настолько изменились, что едва узнавали теперь друг друга. Они были осторожны, как дипломаты, и говорили о вещах, не имевших ничего общего с их подлинными чувствами.

Прощаясь с Кристиной, Рауль нежно поцеловал ее дрожащую руку и проговорил:

– Я никогда не забуду вас!

Он ушел, сожалея об этих импульсивных словах, потому что понимал: Кристина Доз никогда не сможет стать женой виконта Рауля де Шаньи.

Что же касается Кристины, то она вернулась к отцу и сказала:

– Тебе не кажется, что Рауль не такой славный, каким был раньше? Он мне больше не нравится!

Она пыталась больше не думать о виконте. Найдя, что сделать это нелегко, девушка вернулась к своим занятиям, которые отнимали теперь все ее время. Ее успехи были удивительными.

Те, кто слышал голос Кристины, предсказывали, что она станет величайшей певицей мира.

Но затем умер старик Доз, и, казалось, потеряв его, Кристина потеряла и свой голос, и свою душу. У нее было достаточно таланта, чтобы поступить в консерваторию, но всего лишь достаточно. Она ничем не отличалась от других, занималась в классе без особого энтузиазма и завоевала приз, чтобы доставить удовольствие старой мадам Валериус, в доме которой продолжала жить.

Увидев Кристину в Опере, Рауль был очарован ее красотой и полон воспоминаний из приятного прошлого. Но она, казалось, отрешилась от всего. Молодой человек пошел за кулисы, ждал ее за декорациями, безуспешно пытаясь привлечь ее внимание. Несколько раз сопровождал ее до двери артистической комнаты, но Кристина не заметила его. Она, казалось, действительно никого не замечала. Она была олицетворенным безразличием. Рауль страдал и не признавался себе в том, что любит ее. Затем настал тот незабываемый вечер, когда словно разверзлись небеса и ангельский голос был услышан на земле, захватив всех, кто внимал ему, и переполнив сердце Рауля.

А потом был этот мужской голос, который он услышал через дверь: «Кристина, вы должны любить меня!» – и никого в артистической комнате.

Почему она, едва открыв глаза, засмеялась, когда он сказал: «Я тот маленький мальчик, который вошел в море, чтобы достать ваш шарф»? Почему она не узнала его? И почему теперь написала ему?

* * *

Холм был таким пологим, таким пологим... Вот распятие у дороги, далее пустынное торфяное болото, замерзшее поле, неподвижный пейзаж под белым небом. Стекла экипажа дребезжали и, казалось, вот-вот вылетят. Карета производила много шума, но двигалась так медленно! Он узнавал дома, фермы, склоны, деревья вдоль дороги. Вот последний поворот дороги; после него карета нырнет вниз, к морю, к широкому заливу Перроса.

Итак, Кристина остановилась в гостинице «Заходящее солнце» – неудивительно, поскольку это единственная здесь гостиница. К тому же достаточно уютная. Он вспомнил, как давным-давно слушал здесь всевозможные истории. Как стучит сердце! Что она скажет, увидев его?

Первой, кого Рауль увидел, войдя в гостиницу, была матушка Трикар. Она узнала его, поприветствовала и спросила, что привело сюда виконта. Он покраснел от смущения и сказал, что, будучи в Ланньоне по делам, решил заехать повидать ее. Матушка Трикар хотела приготовить ему завтрак, но Рауль отказался.

Дверь отворилась, и он вскочил на ноги. Это была Кристина! Она стояла перед ним, улыбаясь и, судя по всему, нимало не удивившись тому, что видит Рауля здесь. Ее лицо было свежим и розовым, как выросшая в тени клубника. Ее дыхание было слегка отрывистым, несомненно, после быстрой ходьбы, грудь, в которой скрывалось честное сердце, мягко поднималась. Глаза, ясные зеркала светло-голубых неподвижных озер, которые лежат, охваченные сном, на далеком Севере, отражали ее светлую душу. Меховая шубка была расстегнута, давая возможность видеть тонкую талию и совершенные линии ее грациозного молодого тела.

Рауль и Кристина долго смотрели друг на друга. Матушка Трикар улыбнулась и благоразумно удалилась. Наконец Кристина заговорила:

– Вы приехали, и это не удивляет меня. Я чувствовала, что найду вас здесь, когда вернусь с обедни. Мне сказали в церкви. Да, мне сказали, что вы приехали.

– Кто сказал? – спросил Рауль, взяв ее маленькую ручку в свои руки. Она не отняла ее.

– Мой отец, мой бедный покойный отец. Помолчав секунду, он спросил:

– Ваш отец не сказал вам, что я люблю вас, Кристина, и что не могу жить без вас?

Она покраснела до корней волос и смущенно отвела от него взор.

– Вы любите меня? – произнесла она неуверенным голосом. – Вы, должно быть, потеряли рассудок, мой друг! – И она вызывающе рассмеялась.

– Не смейтесь, Кристина, прошу вас, это очень серьезно.

– Я не просила вас приезжать сюда, тем более для того, чтобы говорить такие вещи, – ответила Кристина мрачно.

– Неправда. Вы знали, что ваша записка не оставит меня равнодушным и я поспешу в Перрос. Как вы могли знать это, не догадываясь о моей любви?

– Я думала, вы запомнили наши детские игры, в которых часто принимал участие и мой отец... Хотя я не уверена, что я на самом деле думала. Возможно, мне не следовало писать вам. Но ваше неожиданное появление тогда в артистической комнате перенесло меня в прошлое, и я на– писала вам, как маленькая девочка, какой была когда-то, маленькая девочка, которая радуется, что у нее есть друг в то время, когда она так печальна и одинока.

Некоторое время ни один из них не произносил ни слова. Что-то в ее отношении казалось Раулю противоестественным, хотя он не мог сказать точно, что именно. Однако враждебности к себе он не чувствовал. Далеко нет. Печальная нежность, которую он улавливал в глазах Кристины, устраняла любое сомнение, которое у него могло появиться по этому поводу. Но почему она так печальна? Это ставило его в тупик и уже начинало раздражать.

– Скажите, Кристина, до того как вы увидели меня в своей артистической, неужели раньше вы не замечали меня?

Она не смогла солгать.

– Отчего же, – сказала она. – Я уже видела вас несколько раз в ложе вашего брата, а также за кулисами.

– Я так и думал! – воскликнул Рауль. – Но почему тогда в артистической, почему вы отвечали так, будто не знали меня, и чему вы смеялись?

Вопрос Рауля прозвучал так резко, что Кристина лишь посмотрела на него в изумлении и ничего не ответила. Он и сам был удивлен, что действует так, как будто хочет поссориться с ней, а ведь несколько минут назад он намеревался говорить с ней о любви. Он выглядел, как супруг или давний любовник, говоривший с женой или любовницей, которая оскорбила его. Но сознание своей неправоты сердило молодого человека еще больше. Прицая себя за глупость, он тем не менее не мог найти лучшего выхода из этой смехотворной ситуации, как упорствовать в своей неистовой решимости вести себя отвратительно.

– Вы не ответили мне, – сказал он, рассерженный и жалкий. – Хорошо, тогда я отвечу за вас! Вы поступили так потому, что в артистической был кто-то, чье присутствие беспокоило вас, кто-то, кому вы не хотели показать, что можете интересоваться кем-либо, кроме него.

– Если кто-то и беспокоил меня, – ответила Кристина ледяным тоном, – то это могли быть только вы, поскольку вас одного я попросила уйти.

– Да, чтобы остаться наедине с другим мужчиной!

– Что вы говорите? – Кристина пришла в необыкновенное волнение. – О каком другом мужчине вы ведете речь?!

– О том, которому вы сказали; «Я пою только для вас! Сегодня я отдала вам свою душу и я мертва».

Она схватила его руку и сжала ее с такой силой, какую трудно было заподозрить в хрупкой молодой женщине.

– Так вы подслушивали у двери?

– Да, потому что люблю вас. И я слышал все.

– Что, что вы слышали? – Став странно спокойной, Кристина отпустила руку Рауля.

– Я слышал слова: «Вы должны любить меня». Едва он произнес это, смертельная бледность покрыла лицо Кристины, она пошатнулась и, казалось, вот-вот упадет. Рауль бросился к ней, но она, преодолев свою минутную слабость, произнесла едва слышно:

– Продолжайте, повторите мне все, что вы слышали. Он посмотрел на нее, колеблясь, озадаченный ее реакцией.

– Продолжайте, – повторила она. – Разве вы не видите, я умираю от желания знать это?

– Когда вы сказали, что отдали ему душу, я слышал, как он ответил: «Ваша душа прекрасна, дитя мое, и я благодарю вас. Ни один император не получал такого подарка! Ангелы плакали сегодня вечером».

Кристина положила руку на сердце и смотрела на Рауля в неопишемом волнении. Она казалась почти безумной. Молодой человек был в смятении. Но затем глаза ее увлажнились и две жемчужины, две тяжелые слезы, покатались по щекам.

– Кристина!

– Рауль!

Он попытался обнять ее, но она вырвалась и убежала в необъяснимом замешательстве в свою комнату.

Рауль горько упрекал себя за грубость, но ревность все еще не покидала его. Поскольку Кристина выказала такое волнение, узнав, что он раскрыл ее секрет, вероятно, это очень важный секрет! Однако несмотря ни на что, Рауль ни на минуту не сомневался в ее чистоте. Он знал, какая у нее безупречная репутация, и не был настолько наивным, чтобы не сознавать, что красивой молодой певице иногда приходится выслушивать слова любви. Правда, Кристина ответила, что отдала свою душу, но, очевидно, она имела в виду только свое пение. Очевидно? Тогда почему же она так расстроилась сейчас? Бедный Рауль был так несчастен! И если бы он только мог найти того человека, он потребовал бы от него объяснений.

Почему Кристина убежала? Почему она заперлась в своей комнате? Рауль был глубоко опечален этим. Он так надеялся провести с ней все время здесь. Почему она не хочет спуститься вниз и пойти с ним побродить по местам, с которыми их связывает так много общих воспоминаний? И почему, если ей нечего больше делать в Перросе, почему она не возвращается обратно в Париж? Рауль узнал, что утром Кристина заказала службу за упокой души ее отца и долго молилась сначала в маленькой церквушке, а потом на его могиле.

Опечаленный, Рауль отправился на кладбище, которое окружало церковь. Он бродил среди могил, читая надписи, пока не оказался позади апсиды. Могила, которую он искал, была усыпана яркими розами, покрывавшими гранитное надгробье и запорошенную снегом землю. Запах цветов наполнял ледяной воздух. Эти сверхъестественные красные розы, которые, казалось, цвели на снегу, были единственными островками жизни среди этого царства мертвых. Смерть была здесь повсюду. Груды костей и черепов были свалены у стены церкви, скрепленные только сеткой из тонкой проволоки, которая оставляла все это мрачное сооружение на виду у живущих. Черепа, положенные рядами, как кирпичи, казалось, создавали основание, на котором были возведены стены ризницы. У многих старых бретонских церквей до сих пор сохранились такие нагромождения костей.

Рауль помолился за отца Кристины. Затем, окончательно потеряв присутствие духа из-за вечных улыбок белых черепов, покинул кладбище, взобрался на склон холма и сел на краю торфяного болота, с которого открывался вид на море. Ветер злобно носился по берегу, преследуя скудные остатки дневного света, которые в конце концов сдались, став лишь бледной полоской на горизонте. Затем ветер замер. Спустился вечер.

Рауль не чувствовал холода, весь погруженный в воспоминания. Он и Кристина часто приходили в сумерки сюда, на эти безлюдные торфяные болота, посмотреть, как танцуют домовые, когда поднимается луна. Он никогда не видел никаких домовых, хотя у него были зоркие глаза, однако Кристина, немного близорукая, утверждала, что видела их много раз. Виконт улыбнулся при этом воспоминании, затем вдруг вздрогнул: прямо возле себя он заметил очертания человеческой фигуры и услышал голос:

– Вы думаете, домовые придут сегодня ночью? Кристина! Он было собрался ответить ей что-то, но она закрыла его рот рукой в перчатке.

– Послушайте меня, Рауль. Я решила сказать вам нечто серьезное, очень серьезное. – Ее голос задрожал. Он молча ждал. – Вы помните легенду об Ангеле музыки?

– Конечно, помню, – ответил Рауль. – И, думаю, именно здесь ваш отец рассказал нам ее впервые.

– Да, и здесь он сказал мне: «Когда я буду на небесах, я пошлю его к тебе, обещаю». Рауль, мой отец теперь на небесах, и меня посетил Ангел музыки.

– Не сомневаюсь, что это так, – сказал молодой человек мрачно, предполагая, что она связывает память об отце со своим последним триумфом.

Кристина, казалось, немного удивилась спокойствию, с которым он воспринял новость о том, что ее посетил Ангел музыки.

– Как вы это объясняете? – спросила она, приближая свое бледное лицо так близко к Раулю, что он даже подумал, не хочет ли она поцеловать его. Но Кристина только пыталась прочесть что-то в его глазах, несмотря на темноту.

– Я считаю, что человеческое существо не может петь так, как вы пели в тот вечер, если не произошло какое-то чудо, если в это не вовлечены каким-то образом небеса. Ни один учитель на земле не мог научить вас таким звукам. Вы слышали Ангела музыки, Кристина.

– Да, – сказала она торжественно. – В моей артистической комнате. Он приходит туда каждый день и дает мне уроки.

Она говорила с такой необычной силой, что виконт посмотрел на нее с опаской, как будто она сказала что-то ужасное или была безумицей, описывающей дикое видение, в которое верила всей силой своего больного рассудка. Кристина сделала несколько шагов в сторону и стала неподвижной тенью ночи.

– В вашей артистической комнате? – повторил он, как бессмысленное эхо.

– Да, вот где я слышала его, и я не единственная, кто слышал его.

– Кто же еще?

– Вы, Рауль.

– Я слышал Ангела музыки?

– Да, это он говорил со мной в тот вечер. Это его слова:

«Вы должны любить меня!» Я думала, никто, кроме меня, не может слышать его голос, и вы видели, как я удивилась утром, узнав, что и вы слышали его.

Рауль рассмеялся. Свет луны высветил фигуры молодых людей. Кристина резко повернулась к нему, глаза ее, обычно такие добрые, метали молнии.

– Почему вы смеетесь? Неужели вы думаете, что я говорила с обыкновенным мужчиной?

– Ну-, да, конечно, – кивнул Рауль, мысли которого стали путаться от всего происходящего.

– Как вы можете говорить мне это, Рауль? Вы, друг моего детства, друг моего отца! Как вы изменились! Во что вы верите? Я честная девушка, виконт де Шаньи, и не запираюсь в своей артистической комнате с мужчинами. Если бы вы открыли дверь, то увидели бы, что там никого не было!

– Я знаю. После того как вы ушли, я действительно открыл дверь и никого не нашел в комнате.

– Вот видите!

Рауль собрался с духом:

– Кристина, по-моему, кто-то сыграл с вами злую шутку.

Она вскрикнула и бросилась бежать. Он кинулся за ней, но Кристина бросила ему гневно:

– Оставьте меня! Оставьте меня одну! – и исчезла в темноте.

Рауль вернулся в гостиницу усталый и обескураженный. Он узнал, что Кристина поднялась в свою комнату, сказав, что не спустится к ужину. Он спросил, не больна ли она. Добродушная хозяйка гостиницы ответила с улыбкой, что если она и больна, то такая болезнь не бывает слишком серьезной. Затем, подумав, что влюбленные поссорились, добрая женщина ушла, пожимая плечами и бормоча что-то по поводу молодых людей, которые тратят время на глупые препирательства, когда Господь Бог отвел им столь малое количество дней для жизни на земле.

Рауль поужинал, сидя один у камина, и, можете себе представить, в какие мрачные мысли он был погружен. В своей комнате он пытался читать, затем лег в постель, тщетно пытаясь заснуть. За стеной было тихо. Что делает Кристина? Спит? Если нет, то о чем она думает сейчас? А о чем думал он? Раулю трудно было сказать. Станный разговор с Кристиной смутил его. Он думал не столько о ней, сколько о том, что происходило вокруг нее, и это «вокруг» было таким расплывчатым, таким туманным, таким неуловимым, что он испытывал странное, необъяснимое беспокойство.

Время шло очень медленно. Было около половины двенадцатого ночи, когда он совершен-

но отчетливо слышал легкие шаги в соседней комнате. Кристина еще не спала? Не сознавая, что делает, Рауль быстро оделся, стараясь не шуметь. Затем, готовый ко всему, стал ждать. Готовый к чему? Рауль этого не знал. Его сердце неистово застучало, когда он услышал, как дверь комнаты Кристины скрипнула. Куда она идет в такое время?

Виконт слегка приоткрыл свою дверь и при свете луны увидел белую фигуру Кристины, осторожно двигавшуюся по коридору. Девушка дошла до лестницы и спустилась вниз. Он перегнулся через перила лестницы и вдруг услышал голоса. Он разобрал только одну фразу: «Не потеряйте ключ». Это был голос хозяйки. Дверь, выходящая к морю, открылась, потом закрылась, и воцарилась тишина.

Рауль вернулся в свою комнату, подошел к окну и распахнул его: Кристина стояла на пустынной набережной.

Второй этаж гостиницы «Заходящее солнце» был не очень высоким. Дерево, растущее напротив стены, протянуло свои ветви к нетерпеливым рукам Рауля и дало ему возможность спуститься вниз незаметно для хозяйки. Поэтому добрая женщина была поражена, когда утром виконта принесли в гостиницу замерзшим, скорее мертвым, чем живым, и она узнала, что его нашли лежащим на ступенях высокого алтаря церкви в Перросе. Матушка Трикар немедленно отправилась сообщить об этой Кристине, которая сбежала вниз и с помощью хозяйки стала приводить Рауля в чувство. Наконец он открыл глаза и полностью пришел в себя, увидев перед собой склоненное очаровательное лицо Кристины.

Что же случилось? Несколько недель спустя, когда трагические события в Опере потребовали вмешательства прокурора, полицейский комиссар Мифруа имел повод допросить виконта де Шаньи о событиях той ночи. Вот как его свидетельские показания были воспроизведены в стенографической записи расследования:

«Вопрос: Мадемуазель Доз видела, как вы спустились из своей комнаты таким необычным способом?

Ответ: Нет, мсье. Но я шел за ней, не пытаюсь заглушить звук моих шагов. Все, чего я хотел, это чтобы она обернулась, увидела и узнала меня, потому что понимал: то, как я веду себя, недостойно дворянина. Но она, казалось, ничего не слышала. Она миновала набережную и стала быстро подниматься вверх по дороге. Церковные часы пробили без четверти двенадцать, и мне показалось, что, услышав это, она зашагала еще быстрее, почти побежала. Вскоре мадемуазель Доз подошла к воротам кладбища.

Вопрос: Ворота были открыты?

Ответ: Да, и это удивило меня, хотя, кажется, это совсем не удивило мадемуазель Доз.

Вопрос: Кто-нибудь был на кладбище?

Ответ: Я не видел. Но если бы там кто-то был, я бы его заметил. Ярko светила луна, и снег отражал ее свет, делая его еще ярче.

Вопрос: Не мог ли кто-нибудь скрываться за надгробным камнем?

Ответ: Нет. Надгробья там маленькие. Они были полностью покрыты снегом. Единственные тени падали от крестов, мадемуазель Доз и от меня. Церковь выглядела ослепительной при лунном свете. Я никогда не видел раньше такой ясной ночи. Было очень красиво, очень светло и очень холодно. Я впервые был на кладбище ночью и не предполагал, что может быть такой свет.

Вопрос: Вы суеверны?

Ответ: Нет, я верующий христианин.

Вопрос: В каком состоянии находился в то время ваш разум?

Ответ: У меня была очень ясная голова. Не скрою, я встревожился, увидев, что мадемуазель Доз вышла одна посреди ночи, но когда я понял, что она идет на кладбище, я успокоился. Я подумал, что она намеревается выполнить обет на могиле отца, и это показалось мне совершенно естественным, имея в виду ее любовь к отцу. Меня только удивило, что она не слышит, что я иду позади нее, хотя снег скрипел под моими ногами. Ее, должно быть, полностью поглотили благочестивые мысли. Я решил не беспокоить ее и, когда она остановилась у могилы отца, встал в нескольких шагах от нее. Мадемуазель опустила на колени, прекрестилась и стала молиться.

В это время часы пробили полночь. Двенадцатый удар все еще звучала в моих ушах, когда

я увидел, что она смотрит на небо, воздев руки к луне. Она, казалось, впала в экстаз, и я не мог понять, что его вызвало. Я тоже поднял голову, осмотрелся в замешательстве, и все мое существо приковало что-то невидимое, издававшее звуки музыки. И какой музыки! Кристина и я знали эту мелодию – мы слышали ее в детстве. Но на скрипке ее отца эта музыка никогда не исполнялась с таким потрясающим мастерством. Я не мог не вспомнить, что Кристина говорила об Ангеле музыки, и не знал, что думать об этих незабываемых звуках: хотя они шли не с неба, было легко поверить, что они божественного происхождения, поскольку я не видел ни скрипки, ни смычка, ни скрипача.

Я ясно помню эту изумительную мелодию – «Воскрешение Лазаря». Отец Кристины обычно играл нам ее, когда был чем-то опечален. Если бы Ангел Кристины существовал, он не мог бы сыграть лучше. Призыв Иисуса приподнимал нас над землей, и я почти ожидал увидеть, как надгробный камень с могилы ее отца поднимется в воздух. У меня возникла мысль, что скрипка похоронена с ним, но я не могу сейчас сказать, как далеко уводило меня мое воображение в эти лучезарные моменты, на этом маленьком провинциальном кладбище, рядом с белеющими черепами, ухмыляющимися своими обнаженными челюстями. Затем музыка прекратилась, и я пришел в себя. Мне показалось, что звуки шли со стороны груды костей и черепов. Вопрос: Так вы слышали звуки именно оттуда?

Ответ: Да, мне почудилось, что черепа смеются над нами. Я не мог не содрогнуться.

Вопрос: А вам не пришло в голову, что небесный музыкант, который так сильно увлек вас, возможно, скрывался за кучей костей?

Ответ: Да, мне приходила такая мысль, и она настолько овладела мной, что я уже не думал о том, чтобы преследовать Кристину, когда она поднялась с колен и спокойно покинула кладбище. Она так глубоко погрузилась в свои мысли, что не было ничего удивительного в том, что она не заметила меня. Я не двигался с места, разглядывая груды костей и решив довести эту невероятную авантюру до конца, а также узнать, что за всем этим скрывается.

Вопрос: Как же случилось, что утром вас нашли полумертвым на ступенях алтаря?

Ответ: Все произошло очень быстро.» Череп скатился ко мне, затем другой и еще один. Казалось, я стал мишенью в жуткой игре шаров. Я подумал, что музыкант, скрывающийся за грудой костей, случайно толкнул ее. Эта версия показалась мне еще более правдоподобной, когда я неожиданно увидел какую-то тень, двинувшуюся вдоль ярко освещенной стены ризницы.

Я бросился вслед. Тень уже открыла дверь церкви и вошла внутрь. Я бежал изо всех сил и успел ухватиться за край плаща. Мы оказались перед высоким алтарем, и лунный свет, проходя через цветное стекло окна апсиды, упал прямо на нас. Я все еще держал тень за плащ. Тень повернулась, и я увидел так же ясно, как вижу вас, мсье, ужасную голову мертвеца, пристально смотрящую на меня глазами, в которых горел огонь ада. Я подумал, что это сам Сатана! При виде этого призрака я, вероятно, потерял сознание и ничего не помню до того времени, пока не очнулся утром в гостинице «Заходящее солнце».

Глава 7. Визит в ложу номер пять

Мы оставили Фирмена Ришара и Армана Мушармена как раз в тот момент, когда они решили посетить ложу номер пять в первом ярусе.

Они спустились по широкой лестнице, которая ведет к сцене и прилегающим к ней помещениям, пересекли сцену, вошли в зрительный зал через вход для подписчиков и пошли налево по первому коридору. Затем миновали первые ряды партера, остановились и посмотрели на ложу номер пять в первом ярусе. Они не могли видеть ее ясно, потому что зал был в полутьме и защитные чехлы покрывали красные бархатные перила.

Ришар и Мушармен были сейчас одни в огромном затемненном зале. Было тихо, рабочие отправились выпить рюмочку вина. Они покинули сцену, оставив задник лишь частично закрепленным. Несколько лучей света (бледный тусклый свет, который, казалось, украли у умирающей звезды) проскальзывали в зал через какие-то щели и сияли на старой башне, увенчанной картонной зубчатой стеной, которая стояла на сцене. В этой искусственной ночи или, скорее, в обман-

чивом дневном свете вещи принимали странные очертания. Полотно, закрывавшее кресла в партере, выглядело, как рассерженное море, зелено-голубые волны которого в мгновение остановились по приказу гиганта, чье имя, как всем известно, Адамастор.

Мушармен и Ришар были словно моряки потерпевшего аварию корабля в пучине неподвижно возмущенного полотняного моря. Как будто, оставив свою лодку и пытаясь доплыть до берега, они проложили путь к ломам левой стороны. Восемь больших колонн из полированного камня возвышались в тени, подобно громадным сваям, предназначенным поддерживать угрожающе шатающиеся выпуклые утесы, чьи основания были представлены изогнутыми параллельными линиями перил лож первого, второго и третьего ярусов. На самой вершине утеса, потерянного в медном небе Ленеппе <Ж. Ленеппе – французский художник, автор росписи на потолке Парижской оперы.>, гримасничали, смеясь и забавляясь над опасениями Мушармена и Ришара, фигуры, хотя обычно они были очень серьезными: Геба, Флора, Пандора, Психея, Фетида, Помона, Дафна, Галатея... Да, сама Пандора, известная каждому из-за ящика, смотрела вниз на двух новых директоров Оперы, которые теперь молча рассматривали ложу номер пять первого яруса.

Я уже сказал, что они были полны страха. По крайней мере, я предполагаю, что они боялись. Вот что Мушармен пишет в своих мемуарах:

«Трескучая болтовня о привидении в Опере, которой нас кормили (каким изысканным стилем был Мушармен!) с тех пор, как мы заменили Полиньи и Дебьенна, должно быть, ухудшила баланс моих наделенных богатым воображением способностей и, рассматривая все вместе, моих зрительных способностей тоже. Может быть, виновата обстановка, в которой мы оказались и которая так сильно обеспокоила нас; может быть, мы стали жертвами каких-то галлюцинаций, возникших в полутьме зрительного зала и даже еще более глубоких теней в пятой ложе. Но в один и тот же миг Ришар и я увидели в ложе какие-то очертания. Ни один из нас не сказал ничего, но мы схватили друг друга за руки. Затем подождали несколько минут, не двигаясь, пристально глядя в одну и ту же точку. Но очертания исчезли.

Мы вышли из зала и в коридоре рассказали друг другу о своих впечатлениях. К сожалению, очертания, которые видел я, не совпадали с тем, что видел Ришар. Мне привиделся череп на перилах ложи, в то время как Ришар различил очертания старой женщины, которая выглядела, как мадам Жири. Мы поняли, что стали жертвами иллюзии. Громко рассмеявшись, мы немедленно поспешили в пятую ложу, вошли туда и, естественно, никого там не нашли.

И теперь мы в ложе номер пять. Эта ложа такая же, как и все остальные ложи в первом ярусе. Ничто не отличает ее от соседних».

Смеясь друг над другом, Мушармен и Ришар потрогали мебель в ложе, подняли чехлы и тщательно осмотрели кресло, в котором обычно «сидел голос». Убедились, что это настоящее кресло и в нем не было ничего магического. Ложа выглядела совершенно обычной во всех отношениях – с красными портьерами, креслами, коврами и перилами, обитыми красным бархатом. Исследовав все, что возможно, директора пошли вниз в ложу бенуара, расположенную прямо под пятой ложей. В ложе бенуара, которая находится как раз на углу первого входа из партера, они также не смогли обнаружить чего-либо достойного внимания.

– Эти люди пытаются сделать из нас дураков! – сказал наконец Фирмен Ришар сердито. – В субботу представление «Фауста», и мы оба будем смотреть его из ложи номер пять первого яруса.

Глава 8. В которой Фирмен Ришар и Арман Мушармен осмелились дать представление «Фауста» в «проклятой» Опере и в которой мы увидим, что из этого вышло

Придя в свой кабинет в субботу утром, оба директора нашли письмо следующего содержания:

«Мои дорогие импресарио!

Мы в состоянии войны? Если вы все еще желаете мира, вот мой ультиматум. Он содержит

четыре условия:

1. Вы возвращаете мне мою ложу, а я хочу, чтобы она была предоставлена в мое распоряжение немедленно.

2. Партию Маргариты должна петь сегодня Кристина Доз. Не беспокойтесь о Карлотте – она будет больна.

3. Я настаиваю на том, чтобы добрая и верная мадам Жири, моя билетерша, продолжала работать. Вы восстановите ее в прежнем положении безотлагательно.

4. В письме, которое будет доставлено мадам Жири, вы, как и ваши предшественники, примите положения книги инструкций, касающиеся моего месячного содержания. Позже я дам вам знать, в какой форме вы станете выплачивать его мне.

Если вы не выполните эти условия, сегодня вечером представление «Фауста» в проклятом театре не состоится.

Ваш П. О.» – С меня этого достаточно! – закричал Ришар, энергично барабанил по столу обеими руками. Вошел Мерсье, администратор.

– Лахеналь хочет видеть одного из вас, мсье, – сказал Мерсье. – Он говорит, что это крайне необходимо, и он, кажется, расстроен.

– Кто такой этот Лахеналь?

– Главный конюх.

– Что? Главный конюх?

– Да, мсье, – ответил администратор. – В Опере есть несколько конюхов, и Лахеналь ими руководит.

– И что же он делает?

– Он заведует конюшней.

– Какой конюшней?

– Вашей, мсье. Конюшней Оперы.

– В Опере есть конюшня? Впервые слышу! Где она находится?

– В подвалах. У нас двенадцать лошадей.

– Двенадцать лошадей? Для чего же, во имя Бога?

– Для процессий в «Иудейке», «Пророке» и так далее нам нужны тренированные лошади, которые «знают сцену». Обязанность конюхов – научить их этому. Лахеналь – высококвалифицированный тренер. Он когда-то заведовал конюшнями Франкони.

– Очень хорошо... Но что он хочет от меня?

– Не знаю. Знаю только, что никогда не видел его в таком состоянии.

– Пусть войдет.

Лахеналь вошел и нетерпеливо ударил по своему сапогу плеткой, которую держал в руке.

– Доброе утро, мсье Лахеналь, – сказал немного напуганный Ришар. – Чем обязан вашему визиту?

– Мсье, я пришел просить вас ликвидировать всю конюшню.

– Что? Вы хотите отделаться от наших лошадей?

– Не от лошадей, от конюхов. – Сколько конюхов служат у вас, мсье Лахеналь?

– Шесть.

– Шесть конюхов! Это, по крайней мере, на два больше, чем надо.

– Эти должности, – объяснил Мерсье, были навязаны нам заместителем главы администрации изящных искусств. Они заняты людьми, которым протезирует правительство, и если я рискну...

– Меня не волнует правительство, – подчеркнуто сухо заявил Ришар. – Нам не надо больше четырех конюхов для двенадцати лошадей.

– Одиннадцати, – поправил Лахеналь.

– Двенадцати, – повторил Ришар.

– Одиннадцати, – опять сказал Лахеналь.

– Мсье Мерсье сказал мне, что у вас двенадцать лошадей.

– У меня было двенадцать, но сейчас их осталось только одиннадцать – после того как

украли Цезаря. – И Лахеналь снова сильно ударил себя по сапогу Пясткой.

– Цезаря украли? – изумленно спросил Мерсье. – Цезаря, большую белую лошадь из «Пророка»?

– У нас только один Цезарь, – грубо прервал его Лахеналь. – Я работал десять лет на конюшнях Франкони и видел много лошадей и могу с полным основанием сказать вам, что второго такого Цезаря нет. И его украли!

– Как это случилось?

– Я не знаю. Никто не знает. Вот почему я пришел просить разогнать всех на конюшне.

– А что говорят о краже ваши конюхи?

– Всякие глупости. Некоторые обвиняют каких-то рабочих, другие утверждают, что это сделал бухгалтер.

– Бухгалтер? Я уверен в нем, как в самом себе, – запротестовал Мерсье.

– Но, мсье Лахеналь, – сказал Ришар, – у вас самого должна быть какая-то идея.

– Да, у меня есть идея, – резко произнес Лахеналь, – и я скажу вам, в чем она состоит. Что касается меня, то я не сомневаюсь. – Он подошел ближе и сказал вполголоса: – Это сделал призрак.

Ришар вздрогнул.

– И вы, и вы тоже!

– Что вы имеете в виду под «я тоже»? Это же совершенно естественно – Совершенно естественно, мсье Лахеналь? Что совершенно естественно?

– Сказать вам это после того, что я видел.

– И что же вы видели?

– Я видел так же ясно, как вижу вас, темную фигуру верхом на белой лошади, которая один к одному походила на Цезаря.

– И вы не побежали за этой белой лошадью и темной фигурой?

– Да, я побежал и закричал, но они продолжали идти на большой скорости и исчезли в темноте галереи. Ришар встал.

– Очень хорошо, мсье Лахеналь, можете идти. Мы подадим жалобу на призрак.

– И уволите всех конюхов?

– Да-да, конечно. До свидания.

Лахеналь поклонился и вышел.

Ришар пребывал в крайней степени раздражения.

– Немедленно снимите этого идиота с платежной ведомости, – приказал он Мерсье.

– Он друг представителя правительства, – осмелился вставить тот. – И каждый день выпивает в кафе Тортони с Лажреном, Шоллем и Пертрюсе, который убил льва, – добавил Мушармен. – – Вся пресса навалится на нас! Он начнет болтать о призраке, и мы станем посмешищем. Тогда мы погибли.

– Хорошо, давайте не будем больше об этом говорить, – уступил Ришар.

В этот момент дверь распахнулась и в комнату ворвалась мадам Жири с конвертом в руке:

– Извините меня, мсье, но сегодня утром я получила письмо от призрака Оперы, в котором говорится, чтобы я зашла к вам. У вас есть что-то... Она не закончила свою сентенцию, увидев лицо Ришара. Казалось, он сейчас взорвется. Но пока единственными внешними признаками гнева, кипящего внутри, был цвет его лица и сверкание молний в глазах. Он ничего не сказал. Он был не способен говорить. Неожиданно он перешел к действию. Сначала схватил левой рукой неряшливую мадам Жири и повернул ее таким быстрым, неожиданным полукругом, что та издала отчаянный крик, затем правая нога Ришара оставила отпечаток подошвы на черной тафте юбки, которая, определенно, никогда раньше не подвергалась такому надругательству в таком месте.

Все произошло так быстро, что мадам Жири, оказавшись в коридоре, все еще была ошеломлена и, казалось, не понимала, что случилось. Вдруг она сразу все осознала, и Опера огласилась ее возмущенным визгом, горячими протестами и угрозами. Потребовалось три молодых человека, чтобы спустить ее по лестнице, и два полицейских, чтобы вывести на улицу.

Примерно в это же время Карлотта, которая жила в предместье Сен-Оноре, позвонила служанке и приказала принести почту в постель. В ней она нашла анонимное письмо следующего содержания:

«Если вы будете выступать сегодня вечером, вас ждет большое несчастье, которое поразит вас как раз тогда, когда вы начнете петь, несчастье худшее, чем смерть».

Эта угроза была неуклюже написана красными чернилами. Прочитав ее, Карлотта сразу лишилась аппетита. Отодвинув поднос, на котором служанка принесла горячий шоколад, примадонна сидела в постели и терялась в догадках. Она получала подобные письма и раньше, но это чем-то отличалось от других.

Карлотта считала, что завистники плетут против нее разного рода интриги, и часто говорила о тайных врагах, которые полны решимости погубить ее. Она утверждала, что является объектом злобного заговора, который в конце концов вскроется, но добавляла, что она не из того рода женщин, которые поддаются запугиванию.

Однако единственным заговором был тот, который сама Карлотта организовала против бедной Кристины. Карлотта не простила Кристине ее величайшего триумфа, когда та заменила ее на сцене без предварительного уведомления.

Когда примадонна узнала о необыкновенном приеме, оказанном молодой певице, она сразу же почувствовала себя выздоравливающей от начинающегося бронхита и готовой рассердиться на администрацию. Больше она не проявляла ни малейшего желания уступать своего положения в Опере. С той поры Карлотта работала во всю силу, чтобы «задушить» соперницу, а ее могущественные друзья оказывали давление на директоров, стараясь помешать им дать Кристине еще один шанс для триумфа. Некоторые газеты, которые восторженно писали о таланте Кристины, теперь восхваляли исключительно Карлотту. Знаменитая примадонна позволяла себе возмутительно оскорбительные выпады против молодой певицы и пыталась причинить ей как можно больше неприятностей.

У Карлотты не было ни сердца, ни души. Она была только инструментом, хотя, несомненно, инструментом изумительным. Ее репертуар включал все созданное немецкими, итальянскими и французскими композиторами, что могло удовлетворить честолюбие любой певицы. О ней никогда не говорили, что она спела не в той тональности или что ей не хватило силы голоса, необходимой для какой-то части ее огромного репертуара. Короче, инструмент этот был мощным, замечательно точным и широкого диапазона. Но никто не мог сказать Карлотте то, что Россини сказал Марии Габриэле Краусс, когда та спела для него «Темные леса» на немецком языке: «Вы поете душой, дитя мое, и ваша душа прекрасна».

Где была ваша душа, Карлотта, когда вы танцевали в пользующейся дурной репутацией таверне в Барселоне? Где была она позже, в Париже, когда вы пели непристойные, циничные песенки в сомнительных мюзик-холлах? Где была ваша душа, когда перед мастерами, собравшимися в доме одного из ваших любовников, вы извлекали музыку из своего послушного инструмента, замечательного своей способностью петь о возвышенной любви или низком разврате с одинаковым равнодушным совершенством? Карлотта, если у вас когда-то душа и была, а затем вы потеряли ее, у вас была возможность обрести ее, становясь Джульеттой, Эльвирой, Офелией и Маргаритой, ибо другие поднимались из больших глубин, чем вы, и очищались благодаря искусству.

Наконец Карлотта, заставив себя не думать об угрозе в этом странном письме, встала с постели.

— Мы посмотрим, — сказала она себе и решительно произнесла несколько клятв по-испански.

Первое, что увидела примадонна, подойдя к окну, был катафалк. Это окончательно убедило ее в том, что дело серьезное. Она созвала всех своих друзей, объявила, что заговор, организованный Кристиной Доэ, грозит навредить ей во время сегодняшнего представления, и сказала, что хочет расстроить эти планы, заполнив зал своими поклонниками. А у нее было много поклонников! Она рассчитывала, что они будут готовы ко всему и заставят замолчать ее врагов, если они попытаются сорвать спектакль.

Придя к Карлотте, чтобы узнать о ее здоровье, секретарь Фирмена Ришара вернулся обратно, чтобы сообщить, что она чувствует себя отлично и сплет сегодня партию Маргариты, «даже если будет умирать».

Поскольку секретарь по поручению Ришара настоятельно просил певицу быть осторожной, оставаться весь день дома и избегать сквозняков, после его ухода она не могла не сравнить столь неожиданные рекомендации с угрозой, переданной в письме.

В пять часов Карлотта получила еще одно анонимное письмо, написанное тем же почерком, что и первое. Оно было коротким, в нем говорилось:

«Вы простудились. Если вы благоразумны, то поймете, что для вас будет сумасшествием пытаться петь сегодня вечером».

Карлотта пренебрежительно рассмеялась, пожала своими великолепными плечами и спела два-три пассажа, чтобы успокоиться.

Ее друзья выполнили обещание: они все были в Опере в тот вечер. Но напрасно они осматривались, разыскивая свирепых заговорщиков, против которых должны бороться. За исключением нескольких посторонних – почтенных граждан среднего класса, чьи безмятежные лица не отражали иных намерений, кроме как послушать музыку, публика состояла из постоянных посетителей Оперы, чей элегантный внешний вид и подходящие манеры не давали какого-либо повода подозревать их в планировании беспорядков. Единственное, что казалось необычным, – это присутствие Ришара и Мушармена в пятой ложе. Друзья Карлотты подумали, что, видимо, оба директора узнали о готовящемся срыве представления и хотели быть в зале, чтобы его предотвратить. Но это было необоснованное предположение, как вы помните, Ришар и Мушармен думали сейчас только о призраке.

Напрасно ум
Ответа жадно просит
У творца и у природы всей,
Никто открыть не в силах
Все таинства непонятых путей...

Каролас Фонта, знаменитый баритов, только начал партию – обращение доктора Фауста к силам ада, когда Ришар, который сидел в кресле призрака – первое справа в первом ряду, – наклонился к своему коллеге и весело сказал:

– Как вы? Голос уже сказал вам что-нибудь на ухо?

– Подождите, давайте не будем торопить события, – ответил Мушармен таким же шутливым тоном. – Представление только началось, а призрак, как говорят, обычно не приходит до середины первого акта.

Первый акт прошел без инцидентов, что не удивило друзей Карлотты, поскольку Маргарита в первом акте не поет.

Когда занавес упал, оба директора посмотрели друг на друга и улыбнулись.

– Первый акт закончился, – сказал Мушармен.

– Да, призрак опаздывает, – кивнул Ришар.

– Довольно представительная публика, – заметил Мушармен, все еще продолжая шутить, – для «проклятого театра».

Ришар соизволил вновь улыбнуться и указал своему коллеге на полную безвкусно одетую женщину в черном, сидевшую в партере, в центре зала. По обе стороны от нее расположились двое мужчин вульгарного вида, одетых в сюртуки из черного сукна.

– Кто это? – спросил Мушармен.

– Моя консьержка, ее брат и супруг. – Это вы дали им билеты?

– Да. Моя консьержка никогда не была в Опере. Это ее первое посещение. И поскольку она будет приходить сюда каждый вечер, начиная с сегодняшнего, я хотел, чтобы у нее было хорошее место, по крайней мере, сегодня, прежде чем она начнет показывать другим людям ну, места.

Мушармен попросил объяснений, и Ришар сказал ему, что решил на время взять свою консержку, которой полностью доверяет, на место мадам Жири.

– Кстати, о мадам Жири, – заметил Мушармен. – Она намеревается подать на вас жалобу.

– Кому? Призраку?

Призрак! Мушармен почти забыл о нем, и пока загадочное существо не сделало ничего, чтобы напомнить им о своем существовании.

Вдруг дверь ложи отворилась, и вошел режиссер, который выглядел очень возбужденным.

– Что случилось? – опросили оба директора одновременно, удивленные его приходом в такое время.

– Что случилось?! – воскликнул тот. – Друзья Кристины Доэ замышляют что-то против Карлотты! Карлотта взбешена!

– О чем вы? – Ришар нахмурил брови. Но затем, видя, что занавес уже поднимается, показал жестом режиссеру, чтобы тот оставил их.

Когда режиссер ушел, Мушармен наклонился к уху Ришара и спросил:

– У Доэ есть друзья?

– Да.

– Кто же они?

Ришар кивнул в сторону ложи бенуара, в которой было только двое.

– Граф де Шальи?

– Да. Он говорил о ней так тепло. И если бы я не знал, что он друг Ла Сорелли» – Хорошо, хорошо... – проворчал Мушармен. – А кто этот бледный молодой человек рядом с ним?

– Его брат, виконт.

– Ему следовало быть в постели. Он выглядит больным.

Сцена наполнилась веселым пением. Опыание в музыке. Триумф кубков.

Красное ли белое,
Право, не беда.
Нам без радости нельзя.
Наливай, брат, вина...

Беспечные студенты, бюргеры, солдаты, молодые женщины и матроны кружились перед таверной с богом Бахусом на вывеске. Появился Зибель.

Кристина Доэ была очень привлекательна в мужском платье. Ее свежая юность и меланхоличное обаяние делали ее поистине очаровательной. Поклонники Карлотты предполагали, что молодую певицу будут приветствовать овацией, которая раскроет им намерения ее друзей. Оvation была бы грубой ошибкой, но ее не последовало. Зато Карлотту в роли Маргариты восторженно приветствовали, едва она пересекла сцену и пропела одну единственную фразу во втором акте:

Не блещу я красою
И, право же, не стою
Я рыцарской руки.

Возгласы одобрения были столь неожиданными и неуместными, что те, кто был не в курсе происходящего, недоуменно смотрели друг на друга, пожимая плечами.

Этот акт также закончился благополучно. Поклонники Карлотты предполагали, что беспорядки наверняка начнутся во время следующего акта. Некоторые, вероятно, более осведомленные, говорили, что все начнется с «золотого кубка короля Туле», и поспешили предупредить Карлотту.

Ришар и Мушармен в антракте покинули ложу, чтобы узнать подробности заговора, о котором упомянул режиссер, но вскоре вернулись, сочтя происходящее не чем иным, как глупостью.

Первое, что они заметили, войдя в ложу, была коробка конфет на перилах. Кто положил ее туда? Они спросили билетеров, но те не могли дать ответа. Повернувшись опять к перилам, они увидели на этот раз рядом с коробкой пару оперных биноклей. Они взглянули друг на друга, теперь им уже не хотелось смеяться. Они хорошо помнили все, что сказала им мадам Жири. Вдруг они ощутили в ложе какой-то странный ветерок. Они сидели молча, чувствуя себя крайне неловко.

На сцене благоухал сад Маргариты.

И заверьте ее: моя любовь сильна и чиста,
Расскажите ей о надеждах и страхах...

Когда Кристина пропела это, держа в руках букет роз и сирени, она посмотрела вверх и увидела виконта Рауля де Шаньи. С этого момента всем показалось, что голос ее стал менее твердым, менее чистым, менее прозрачным, чем обычно, как будто что-то притупляло и глушило его. Создавалось впечатление, что певица сильно волнуется или чего-то боится.

– Странная девушка, – заметил один из друзей Карлотты в партере почти во весь голос, – недавно была просто божественна, а сейчас блеет, как коза. Никакого мастерства, никакой школы!

Расскажите вы ей, цветы мои...

Рауль обхватил голову руками: он плакал. Позади него граф Филипп жевал кончики усов и хмурил брови. Если уж граф, обычно такой внешне невозмутимый и холодный, так проявлял свои чувства, он, вероятно, был взбешен. И он на самом деле был взбешен. Он видел, что Рауль вернулся из своей загадочной поездки полным тревоги и совершенно больным. Последовавшие объяснения не успокоили Филиппа. Желая узнать больше о том, что произошло, он попросил Кристину Доз о встрече. Но она имела дерзость ответить, что не может принять ни его, ни его брата. А не интрига ли это, подумал граф. Он считал, что для такой женщины, как Кристина, непростительно заставлять Рауля страдать, но еще более непростительно страдать из-за нее Раулю. Как был он не прав, проявив кратковременный интерес к этой девушке, чей однодневный успех оказался теперь непостижимым для всех!

Расскажите вы ей, цветы мои...

– Хитрая маленькая обманщица, – пробормотал Филипп.

Граф не понимал, чего она хочет, на что надеется. О Кристине говорили, что у нее нет ни друга, ни покровителя. Но этот скандинавский ангел, должно быть, хитер, как лиса!

Все еще сидя в прежней позе, закрыв лицо руками, словно занавесом, Рауль думал только о письме, которое получил от Кристины, вернувшись в Париж.

«Мой дорогой бывший маленький друг! Вы должны иметь смелость никогда не видеть меня или говорить со мной. Если вы любите меня хотя бы немного, сделайте это. Я никогда не забуду вас, мой дорогой Рауль. Но самое главное – никогда не приходите ко мне в артистическую комнату. От этого зависит моя жизнь. И ваша тоже. Ваша маленькая Кристина».

Послышался гром аплодисментов: вышла Карлотта.

Сцена в саду разворачивалась как обычно. Когда Карлотта закончила петь арию о короле Туле, ее приветствовали аплодисментами, то же самое произошло после коронной арии Маргариты.

Уверенная в себе, в своих поклонниках в зале и в своем успехе, не боясь больше ничего, Карлотта отдавалась пению полностью, иступленно. Она не была больше Маргаритой, скорее, это была Кармен. Ей все больше аплодировали, и казалось, что ее дуэт с Фаустом принесет ей новый триумф. Но вдруг случилось нечто ужасное.

Фауст встал на колени:

Позволь взглянуть мне на образ милый!

И Маргарита ответила:

Как, странно, словно чары,
Вечер сковал меня...

И в этот самый момент случилось, как я уже сказал, нечто необъяснимое.

Весь зал встал. Оба директора в своей ложе не могли удержаться от возгласов ужаса. Зрители обменивались недоуменными взглядами, будто спрашивая друг у друга объяснения этого поразительного происшествия. Лицо Карлотты выражало мучительную боль, она казалась безумной. Бедная женщина стояла с полуоткрытым ртом, только что пропев «... с мелодией, обвивающей меня».

Но теперь Карлотта не пела. Она боялась произнести слово или издать хотя бы звук, потому что ее рот, созданный для гармонии, этот искусный инструмент, который никогда не подводил ее, этот великолепный орган, который генерировал очаровательные звуки, труднейшие пассажи, был создан для самых утонченных модуляций, этот механизм, которому, чтобы быть божественным, не хватало только небесного огня, который один только дает подлинное волнение и возвышает души – этот рот... Из этого рта вылезла жаба! Отвратительная, ужасная, шершавая, влажная, квакающая жаба!

Откуда она появилась? Как она прилипла к языку певицы? Жаба предательски выползла из ее гортани и квакнула. Ква! Ква! Ах, это ужасное кваканье!

Как вы, вероятно, поняли, речь идет не о настоящей жабе, во плоти и крови, но о звуках, издаваемых жабой.

Эту жабу не было видно, но благодаря дьяволу ее можно было слышать. Ква!

Зрители в зале чувствовали себя так, будто их забрызгали грязью. Ни одна настоящая жаба на берегу самого последнего пруда никогда не оглашала ночь более отвратительным кваканьем. И, разумеется, это было совершенно неожиданным для всех. Карлотта не могла поверить ни своему горлу, ни своим глазам. Удар молнии на сцене поразил бы ее меньше, чем эта квакающая жаба. И молния, конечно же, не опозорила бы ее так.

Кто бы поверил этому? Примадонна безмятежно пела «... с мелодией, обвивающей меня», пела без усилий, так легко, как вы говорите: «Привет, как поживаете?» Нельзя отрицать, есть самонадеянные певицы, которые совершают большую ошибку, переоценивая свои силы и возможности, пытаясь использовать данный им небесами голос, чтобы произвести эффект и спеть то, что попросту находится вне досягаемости вокального оснащения, с которым они родились. Тогда, чтобы наказать их, небеса неожиданно причиняют им страдания в виде квакающей жабы во рту. Все знают об этом. Но никто не мог допустить мысли, что такое могло случиться с певицей, подобной Карлотте, которая брала по крайней мере две верхние октавы.

Публика помнила ее мощные, высокие ноты и невероятные стаккато в «Волшебной флейте». Помнила тот оглушительный успех, когда однажды, исполняя партию Эльвиры в «Дон Жуане», Карлотта взяла верхнее си-бемоль, которое ее партнерша донна Анна была не в состоянии спеть. Тогда что же означало это кваканье в конце спокойного «с мелодией, обвивающей меня»?

Это было непостижимо. В этом угадывалось колдовство. За жабой явно стояли темные силы. Бедная, отчаявшаяся, подавленная Карлотта!

Шум и крики в зале возрастали. Если бы такое случилось с другой певицей, ее просто бы освистали, но Карлотта». Зная ее совершенный голос, публика проявила скорее тревогу, нежели гнев. Люди как бы впали в оцепенение, словно стали свидетелями катастрофы, в результате которой потеряла руки Венера Милосская. Однако и тогда они могли бы видеть, что случилось, и понять, но теперь.» Несколько секунд Карлотта стояла, не веря, действительно ли она слышала эту ноту. Но мог ли этот звук называться нотой? Мог ли он даже называться звуком? Звук был все же музыкой... Она пыталась убедить себя, что в действительности не слышала этого адского

шума, что она была введена в заблуждение собственным слухом, а не предана своим голосом.

В отчаянии Карлотта смотрела вокруг, как будто ища покровительства, убежища или, может быть, стихийного заверения невинности своего голоса. Она положила негнувшиеся пальцы на горло жестом самозащиты и протеста. Нет-нет, это кваканье вышло не из нее! И казалось, что Каролас Фонта согласен с ней: он смотрел на партнершу с неописуемым выражением бесконечного, детского изумления. Ибо он все еще был рядом, он не покинул ее и, вероятно, мог сказать, как такое стало возможным. Нет, пожалуй, не мог. Фонта смотрел на ее рот в замешательстве, как ребенок, не отрывающий глаз от неистощимой шляпы фокусника. Как мог такой маленький рот издать этот звук?

Все, что я описываю так подробно, – жаба, кваканье, оцепенение, ужас, шум и крики в зале, смущение на сцене и за кулисами, – продолжалось несколько секунд. Несколько ужасных секунд, которые показались бесконечными двум почтенным господам в пятой ложе. Мушармен и Ришар были очень бледны. Этот невероятный, необъяснимый инцидент показался им тем более таинственным, что несколько моментов они находились под прямым влиянием призрака.

Они чувствовали его дыхание. Несколько волосков на голове Мушармена встали дыбом от этого дыхания. Ришар вытащил носовой платок, чтобы вытереть пот со лба. Да, призрак был здесь. Был везде – вокруг них, позади них, рядом с ними. Они ощущали его, не видя. Слышали его дыхание так близко от себя, так близко! Они были уверены, что не одни в ложе. Они дрожали от страха, хотели бежать отсюда, но боялись даже пошевелинуться, боялись сделать неосторожное движение или сказать слово, которое дало бы понять призраку, что он замечен. Что же тогда случится?

Случилось кваканье. Их двойное восклицание влилось в общий единый звук ужаса в зале. Оба директора чувствовали, что призрак наступает. Склонившись над перилами ложи, они смотрели на Карлотту, как будто не узнавали ее. Своим кваканьем эта дьявольская женщина, должно быть, давала сигнал какому-то несчастью. И они ожидали этого несчастья. Призрак обещал им его. Опера была проклятой.

– Продолжайте! Продолжайте!

Но Карлотта не стала продолжать с того места, где остановилась. Смело, героически она возобновила фразу, в конце которой появилась жаба.

Как странно, словно чары,
Вечер сковал меня...

Зал тоже казался очарованным.

Но кваканье возобновилось. Зал взорвался. Тяжело опустившись в кресла, Ришар и Мушармен не нашли в себе мужества и сил обернуться. Призрак смеялся рядом с ними. И наконец они отчетливо услышали его голос, этот невозможный, идущий из глубины голос:

– Того, как она поет сегодня, не выдержит даже люстра!

Они оба посмотрели вверх и издали ужасный крик. Люстра, громадная люстра падала вниз, отвечая на призыв этого сатанинского голоса. Под бесчисленные вопли и крики она рухнула в самый центр партера. Началась паника. Моей целью не является оживить это историческое событие. Те, кто любопытен, могут прочесть об этом в газетах того времени.

Было много ранений и одна смерть. Люстра упала на голову бедной женщины, пришедшей в Оперу впервые в своей жизни, той самой, которую Ришар выбрал, чтобы заменить мадам Жирри, билетершу ложи призрака! Она умерла тотчас же, и на следующий день одна из газет дала следующий заголовок: «Тысяча двести килограммов на голову консьержки!» Это был единственный некролог.

Глава 9. Загадочная, карета

Этот трагический вечер кончился плохо для всех. Карлотта заболела. Кристина Доз исчезла сразу после представления, и две недели ее никто не видел в Опере или где-либо еще. (Это пер-

вое исчезновение не следует путать со знаменитым похищением, которое произошло позже при таких драматических и необъяснимых обстоятельствах.) Разумеется, Рауль был озадачен отсутствием Кристины. Он написал ей по адресу мадам Валериус, но ответа не получил. Вначале он особенно не удивился, поскольку знал ее настроение и решимость порвать с ним все отношения, хотя и не догадывался о причинах этого. Его печаль продолжала расти, в конце концов он обнаружил, что ее имени нет ни в одной из программ. Даже «Фауста» представляли без нее. Однажды около пяти часов пополудни виконт отправился в Оперу, чтобы разузнать что-то о Кристине. Он нашел обоих директоров поглощенными работой. Друзья просто не узнавали их: они утратили бодрое расположение духа и энтузиазм. Частенько их видели на сцене с нахмуренными бровями, наклоненными головами, бледными лицами, как будто их преследовала какая-то отвратительная мысль или они стали жертвой жестокого удара судьбы.

Падение люстры привело ко многим последствиям, за которые они несли прямую ответственность, но было трудно говорить с ними на тему происшедшего. Официальное расследование пришло к заключению, что это был несчастный случай, вызванный износом креплений, но и бывшие директора, и настоящие обязаны были обнаружить и устранить эти неполадки, прежде чем они привели к катастрофе.

И я должен сказать, что Ришар и Мушармен казались такими изменившимися и отстраненными, такими таинственными и непостижимыми, что многие полагали, что что-то даже более страшное, чем падение люстры, изменило состояние их ума.

В своих отношениях с людьми они демонстрировали большую нетерпимость, за исключением мадам Жири, которая была восстановлена в своей должности. Поэтому легко себе представить, как Ришар и Мушармен приняли виконта Рауля де Шаньи, когда тот пришел справиться у них о Кристине. Они просто ответили, что певица в отпуске. Когда же он спросил, как долго будет продолжаться ее отпуск, ему вежливо было сказано, что отпуск неограничен, поскольку Кристина Доз мотивировала его состоянием здоровья.

– Она больна! – воскликнул Рауль. – Что с ней?

– Мы не знаем.

– Вы посылали к ней своего доктора?

– Нет. Она не просила нас об этом, мы полностью доверяем ей и потому поверили мадемуазель Доз относительно ее болезни.

Отсутствие Кристины взволновало Рауля. Мрачный, он покинул Оперу и решил – будь что будет – пойти к мадам Валериус. Он, конечно, помнил, что Кристина запретила ему предпринимать какие-либо попытки увидеть ее, но события в Перросе, а также то, что он слышал через дверь артистической комнаты, их последний разговор у кромки торфяного болота заставили его подозревать какие-то козни, которые, хотя и выглядели дьявольскими, все же строились людьми. Легко возбудимая фантазия Кристины, ее нежная и доверчивая душа, своеобразное воспитание, построенное на сказках и легендах, ее постоянные мысли о мертвом отце и в особенности восторженное состояние, в которое ее повергала музыка, – все это, как казалось виконту, делало ее особенно уязвимой для нечистоплотных действий некоторых неизвестных, неразборчивых в средствах людей. Чьей жертвой она стала? Этот вопрос Рауль снова и снова задавал себе, когда спешил к мадам Валериус.

Хотя Рауль и был поэтом, страстно любил музыку, любил старинные бретонские предания, в которых плясали домовые, и более всего любил скандинавскую нимфу по имени Кристина Доз, но в то же время он верил в сверхъестественное только в делах религии, и самая фантастическая история в мире не могла заставить его забыть, что дважды два – четыре.

Что скажет ему мадам Валериус? Виконт дрожал, когда звонил в маленькую квартирку на улице Нотр-Дам дес Виктор.

Дверь открыла служанка, которую он видел однажды в артистической комнате Кристины. Он спросил, можно ли видеть мадам Валериус. Ему ответили, что она больна, в постели и не принимает посетителей.

– Пожалуйста, возьмите мою карточку, – сказал Рауль.

Ему не пришлось долго ждать. Служанка вернулась и провела его в слабо освещенную и

скупо обставленную гостиную, в которой висели портреты профессора Валериуса и отца Кристины.

– Мадам просит вас извинить ее, мсье, – сказала служанка, – но она может принять вас только в спальне, она больна и не встает.

Через пять минут Рауля ввели в темную спальню, где он сразу же увидел в тени алькова доброе лицо мадам Валериус. Ее волосы поседели, но глаза не состарились, никогда прежде они не были такими по-детски ясными и чистыми.

– Мсье де Шаньи! – воскликнула она радостно, протягивая ему обе руки. – Вас, должно быть, послало небо! Теперь мы можем поговорить о Кристине.

Для Рауля эти последние слова прозвучали зловеще.

– Где она? – спросил он быстро.

– Со своим направляющим духом, – ответила старая женщина спокойно.

– Каким направляющим духом? – вскричал бедный Рауль.

– Ну конечно с Ангелом музыки.

Охваченный тревогой, Рауль опустился в кресло. Кристина была с Ангелом музыки, а мадам Валериус лежала здесь, в постели, улыбаясь ему и приложив пальцы к губам в знак того, чтобы он молчал.

– Но вы не должны никому говорить, – прошептала она.

– Можете положиться на меня, – ответил он, едва понимая, что говорит. Его мысли о Кристине, уже весьма неопределенные, становились все более и более беспорядочными, и ему казалось, что все начинает кружиться вокруг него, вокруг комнаты и вокруг этой необыкновенной седой дамы с ясными небесно-голубыми глазами, с пустыми небесно-голубыми глазами – Да, я знаю, что могу положиться на вас, – сказала она со счастливым смехом. – Но подойдите ко мне поближе, как вы делали это, когда были маленьким мальчиком. Дайте мне ваши руки, как тогда, когда приходили рассказать мне историю маленькой Лотты, услышанную от отца Кристины. Вы мне очень нравитесь, мсье Раулю И Кристине вы нравитесь тоже.

– Я нравлюсь ей». – сказал он со вздохом.

Ему было трудно собраться с мыслями и сосредоточиться на «направляющем духе» мадам Валериус, Ангеле музыки, о котором так странно говорила с ним Кристина, голове мертвеца, увиденной им мельком, в каком-то кошмаре, на ступенях алтаря в Перросе, призраке Оперы, о котором он слышал однажды вечером, когда задержался на сцене недалеко от группы рабочих, вспоминавших его описание, данное Жозефом Бюке незадолго до своей таинственной смерти.

– Почему вы думаете, что я нравлюсь Кристине? – спросил он низким голосом.

– Она каждый день рассказывала мне о вас!

– Правда? Что же она говорила?

– Сказала, что вы признались ей в любви. И добродушная старая дама громко засмеялась, показывая свои хорошо сохранившиеся зубы. Рауль встал, ужасно страдая, кровь прилила к его лицу.

– Что вы делаете? Пожалуйста, садитесь, – сказала она. – Вы не можете уйти просто так. Вы рассердились, потому что я засмеялась. Простите. В конце концов, в том, что произошло, нет вашей вины. Вы же не знали. Вы и не думали, что Кристина несвободна.

– Она помолвлена? – спросил Рауль, задыхаясь от волнения.

– Нет, конечно, нет! Вы знаете, что Кристина не может выйти замуж, даже если захочет.

– Что? Нет, я не знал этого. Почему же она не может выйти замуж?

– Из-за Ангела музыки.

– Опять...

– Да. Он запрещает это.

– Он запрещает это? Ангел музыки запрещает ей выйти замуж?

Рауль наклонился к мадам Валериус, словно намеревался укунить ее. Даже если бы он хотел съесть ее, то не мог выглядеть более свирепо. Бывают такие моменты, когда чрезмерная наивность кажется такой чудовищной, что становится ненавистной. Рауль чувствовал, что мадам Валериус слишком наивна.

Не ощущая дикого взгляда, обращенного к ней, она произнесла совершенно естественным тоном:

– О, он не запрещает ей, не запрещает... Он только говорит, что, если Кристина выйдет замуж, она никогда больше не увидит его. Вот и все. Говорит, что уйдет навсегда. Но вы же понимаете, она не хочет, чтобы Ангел музыки ушел навсегда. Это совершенно очевидно.

– Да-да, – согласился Рауль почти шепотом. – Это совершенно очевидно.

– Кроме того, я думала, что она сказала вам все это в Перросе, когда поехала туда с направляющим духом.

– О, она ездила в Перрос со своим направляющим духом?

– Ну, не совсем так, он сказал, что встретится с ней на кладбище, у могилы ее отца. Он обещал сыграть «Воскрешение Лазаря» на скрипке ее отца.

Рауль опять встал.

– Мадам, вы должны сказать мне, где живет этот дух. Старая женщина, казалось, не особенно удивилась такому неразумному требованию. Она подняла глаза и ответила:

– На небесах.

Такое простодушие поставило Рауля в тупик. Он был изумлен ее простой, искренней верой в Ангела музыки, который каждый вечер спускался с небес, чтобы посетить артистическую комнату певицы в Опере.

Теперь виконт понимал состояние ума девушки, воспитанной суеверным скрипачом и этой женщиной с беспорядочными мыслями, и вздрогнул, подумав о возможных последствиях такого воспитания.

– Кристина все еще благородная девушка? – спросил он внезапно.

– Да, клянусь моим местом на небе! – воскликнула старая дама, явно возмущенная. – И если вы сомневаетесь, я не понимаю, зачем вы пришли сюда!

Он с усилием надел перчатки.

– Как долго она встречается с Ангелом музыки?

– Около трех месяцев. Да, прошло три месяца, как он начал давать ей уроки.

Он поднял обе руки широким жестом отчаяния, затем уронил их.

– Дает ей уроки? Где?

– Сейчас, поскольку она ушла с ним, я не могу сказать вам, но еще две недели назад он давал ей уроки в ее артистической комнате. Здесь, в такой маленькой квартире, это было бы невозможно. Все услышали бы. Но в Опере в восемь часов утра нет никого. Их никто не беспокоит. Вы понимаете?

– Да-да, я понимаю, – сказал он и покинул старую женщину так поспешно, что она подумала, что у него, очевидно, не все в порядке с головой.

Проходя через гостиную, Рауль столкнулся лицом к лицу со служанкой. В какое-то мгновение он хотел было расспросить ее, но затем заметил на ее губах слабую улыбку и почувствовал, что в душе она смеется над ним. Он убежал. Он и так уже знал достаточно. Он получил желаемую информацию. Что же еще мог он спросить? В таком состоянии он отправился в дом своего брата.

Он чувствовал себя так, словно бился головой о стену. Как мог он верить в ее невинность и чистоту! Как мог он пытаться, даже на мгновение, объяснить все ее наивностью, простотой и безупречной искренностью? Он Ангел музыки! Он знал его теперь! Он мог видеть его! Это был несомненно, какой-нибудь идиот-тенор, который пел вместе с ней с глупой приторной улыбкой. Рауль чувствовал себя смешным и жалким. «Что вы за несчастный, ничтожный, глупый молодой человек, виконт де Шаньи – сказал он себе в бешенстве. Что же касается Кристины, то он решил, что она бесстыдное и лживое создание.

Рауль шел очень быстро, почти бежал, и это пошло ему на пользу, немного охладив его пыл. Он думал только о том, чтобы добраться до своей комнаты, броситься в постель и подавить рыдания. Но его брат Филипп был дома, и Рауль, как ребенок, упал ему прямо на руки. Филипп по-отечески успокоил его, не спрашивая ни о чем. Рауль сам рассказал ему об Ангеле музыки. Бывают такие вещи, которыми не хвастаются, и вещи, о которых слишком унижительно сожа-

леть.

Граф Филипп предложил брату поехать с ним поужинать в кабаре. Рауль, вероятно, отклонил бы приглашение, если бы граф не сказал ему, что даму его сердца видели накануне ночью с мужчиной в Булонском лесу. Вначале Рауль отказался поверить этому, но Филипп обрисовал ему такие точные детали, что виконт перестал протестовать. Ее видели в двухместной карете с открытым окном, очевидно, для того, чтобы она могла подышать свежим ночным воздухом. Сияла яркая луна, и ее узнали. Однако мужчина рядом с ней был едва различим. Экипаж двигался медленно по пустынной улице за трибуной ипподрома Лонжшамп.

Рауль переоделся с бешеной поспешностью, готовый, как говорится, погрузиться «в вихрь удовольствий», чтобы забыться. К сожалению, он был угрюмым компаньоном. Он рано покинул Филиппа и около десяти часов отправился в наемном экипаже к ипподрому Лонжшамп.

Было ужасно холодно. Луна ярко освещала пустынную дорогу. Рауль сказал кучеру, чтобы тот стоял на углу, вышел и, скрываясь, насколько это было возможно, стал ждать, притаптывая ногами, чтобы согреться.

Он занимался этим полезным упражнением не менее получаса, когда заметил экипаж, едущий со стороны Парижа. Экипаж завернул за угол и стал медленно приближаться к нему.

Рауль немедленно подумал: «Это Кристина», и его сердце начало бешено колотиться. Боже, как он ее любил!

Экипаж приближался. Рауль стоял не двигаясь. Он ждал. Если это Кристина, он остановит экипаж. Он был полон решимости призвать Ангела музыки к ответу.

Еще несколько шагов, и карета будет прямо перед ним. У Рауля не было сомнений, что она там. Он уже видел женщину, сидевшую у окна.

Вдруг луна осветила ее бледным сиянием.

– Кристина!

Святое имя возлюбленной сорвалось с его губ и сердца. Надо удержать ее. Виконт бросился вперед, но имя, вырвавшееся в ночи, казалось, послужило сигналом для лошадей, перешедших на галоп. Экипаж проехал мимо, прежде чем Рауль смог исполнить свой план. Окно было теперь закрыто. Лицо молодой женщины исчезло. Он побежал за каретой, но скоро она превратилась в черную точку на белой дороге.

Рауль опять крикнул:

– Кристина! – Никто не ответил ему. Он остановился, в отчаянии взглянул на звездное небо и ударил себя кулаком в горящую грудь. Он любил и был нелюбим!

Тупо смотрел несчастный влюбленный на безлюдную дорогу в бледной мертвой ночи. Но ничто не было таким холодным и мертвым, как его сердце. Раньше он любил ангела, а теперь презирал женщину!

Как эта маленькая скандинавская нимфа обманула его! Нужно ли было иметь такие свежие щеки, такую застенчивую улыбку, невинное лицо, всегда готовое покрыться розовой вуалью скромности, чтобы проехать безлюдной ночью в роскошной карете с таинственным любовником? Должны же быть какие-то границы для лицемерия? Но разве нельзя запретить женщине иметь ясные глаза ребенка, когда у нее душа куртизанки?

Она проехала, не ответив на его зов... Но почему он встал на ее пути? По какому праву он упрекал ее, когда она просила забыть ее?

«Уйди! Исчезни! Тебя не принимают в расчет!» – в отчаянии думал виконт. Он думал о смерти, и ему был всего двадцать один год!

На следующее утро слуга нашел виконта сидящим одетым на постели. Его лицо было таким изможденным, что слуга испугался, не случилось ли что-то ужасное. Рауль увидел почту, которую принес слуга, и поспешно схватил ее. Он узнал бумагу, почерк. Кристина писала ему:

«Мой друг, приходите на маскарад в Оперу через два дня. В полночь будьте в маленькой гостиной позади камина в главном фойе. Стойте около двери, которая ведет в ротонду. Не говорите никому на свете об этой встрече. Оденьте белый маскарадный костюм и хорошую маску. Ради моей жизни, не допустите, чтобы кто-то узнал вас. Кристина».

Глава 10. На маскараде

На испачканном грязью конверте без марки было написано: «Доставить виконту Раулю де Шаньи» и карандашом указан адрес. Судя по всему, конверт был выброшен в надежде, что какой-нибудь прохожий подберет его и принесет Раулю. Так и случилось – письмо нашли на площади Оперы.

Рауль перечитал его в лихорадочном возбуждении. Этой весточки было достаточно, чтобы возродить в нем надежду. Темный образ Кристины, забывшей о своем долге, который юноша создал в своем воображении, сменился первым имиджем: несчастного невинного ребенка, который стал жертвой неблагоразумия и чрезмерной чувствительности. До какой степени она действительно была жертвой? В какую пропасть ее затащили? Рауль думал об этом, жестоко страдая, но эта боль казалась ему терпимой по сравнению с тем безумием, в которое привела его мысль о лицемерии и лживости Кристины. Что же случилось? Какое чудовище похитило ее и с помощью какого оружия? Какое же иное оружие, если не музыка! Да, чем больше Рауль думал об этом, тем больше приходил к выводу, что правду он найдет в этом направлении. Он знал об отчаянии, которое лишило ее самообладания после смерти отца, и о возникшей апатии ко всему, даже к искусству. В консерватории она оставалась лишь бездушной поющей машиной. И вдруг неожиданно пробудилась, будто в результате божественного вмешательства. Появился Ангел музыки! Она спела Маргариту в «Фаусте» и имела грандиозный успех. Ангел музыки... Кто заставляет ее верить, что он и есть чудесный дух? Кто, зная об этой легенде, использует ее, чтобы превратить Кристину в бесправный инструмент, из которого можно извлекать звуки, какие ему угодно?

И Рауль вспомнил, что случилось с принцессой Бельмонт, когда та потеряла мужа. На протяжении месяца она не могла ни говорить, ни плакать. Ее физическое и умственное состояние ухудшалось с каждым днем, а ослабление рассудка представляло угрозу для жизни. Каждый вечер принцессу выносили в сад, но она, казалось, не понимала, где находится. Величайший немецкий певец Рафф, проезжая через Неаполь, захотел увидеть этот сад, известный своей красотой. Одна из приближенных принцессы попросила Раффа спеть, но так, чтобы та не видела исполнителя. Он согласился, выбрав простую, но трогательную песню, которую часто пел муж принцессы в первые дни их совместной жизни. Мелодия, слова и великолепный голос Раффа глубоко взволновали душу больной. Слезы хлынули из ее глаз: она плакала – и была спасена. Принцесса была убеждена, что в тот вечер ее муж спустился с небес и спел ей эту песню из их прошлого.

Да, тот вечер... Один вечер, думал Рауль, один-единственный вечер» Несомненно, этот плод воображения убитой горем женщины не выдержал бы повторного испытания. Возможно, она обнаружила бы Раффа за деревьями, если бы выходила в сад каждый вечер на протяжении трех месяцев. Ангел музыки давал Кристине уроки три месяца. Он был неутомимым учителем. А теперь возил ее на прогулки в Булонский лес.

Неискушенный Рауль думал, в какую игру втягивает его Кристина. Как далеко может пойти девушка из Оперы, чтобы посмеяться над чувствительным молодым человеком, к тому же новичком в любви? Какое несчастье!

В мыслях Рауль доходил до крайностей. Не зная, должен ли он жалеть Кристину или проклинать ее, он попеременно то жалел, то проклинал ее. Тем не менее он купил белое домино, маскарадный костюм в виде длинного плаща с капюшоном.

Наконец пришло время свидания. Надев маску, украшенную большим плотным галуном, и чувствуя себя клоуном в этом белом костюме, Рауль считал, что выглядит посмешищем. Светский человек обычно не маскируется, идя на бал в Оперу: это вызывает у людей его круга презрительную усмешку. Но одна мысль утешала Рауля: его определенно не узнают. У маскарадного костюма было еще одно преимущество: в нем Рауль оставался один на один со страданиями своей души и печалью своего сердца. Ему не надо было притворяться или превращать свое лицо в маску, лишенную выражения: оно уже было скрыто маской.

Этот бал был особым празднеством, устраиваемым раз в год в честь дня рождения знаме-

нитого художника, который делал рисунки различных торжеств, в прошлом соперника Гаварни, который своим карандашом обессмертил фантастически одетых весельчаков и традиционные кавалькады ряженных, покинувших общественный сад в Картилле. Предполагалось, что это будет более веселый, более шумный и более богемный праздник, чем обычный маскарад. Там собрались художники со свитой натурщиц и студентов изящных искусств, которые по мере приближения полуночи становились все более шумными.

Рауль поднялся по большой лестнице за пять минут до полуночи, не останавливаясь, чтобы посмотреть на разыгрывающееся вокруг него зрелище: люди в многоцветных костюмах беспрестанно двигались вверх и вниз по мраморным ступеням. Он не позволил ни одному скрытому за маской человеку вовлечь себя в разговор, не отвечал на шутки и давал отпор дерзкой фамильярности некоторых масок, чье веселье было слишком уж фривольным.

Миновав главное фойе и с трудом вырвавшись из захватившего его на один миг круговорота танца, он наконец вошел в комнату, о которой писала Кристина. Комната была заполнена людьми, она была своего рода перекрестком, где те, кто намеревался поужинать в ротонде, сталкивались с теми, кто уже возвращался оттуда, выпив бокал шампанского. Отовсюду неслись крики, восклицания, пылкие и радостные. Рауль подумал, что Кристина, вероятно, выбрала для их таинственной встречи эту переполненную комнату, потому что здесь в масках они будут менее заметными, чем где бы то ни было. Юноша прислонился к двери и стал ждать. Но его ожидание было недолгим. Кто-то в черном домино быстро прошел мимо и едва заметно сжал кончики его пальцев. Рауль понял: Кристина.

Он последовал за ней.

– Это вы, Кристина? – спросил он тихо.

Она резко обернулась и поднесла палец к губам, вероятно, давая понять, чтобы он не называл ее имени.

Рауль молча шел за ней, боясь вновь потерять, после того как обрел таким странным способом. Он больше не чувствовал ненависти к ней. Теперь он даже был уверен, что Кристина не сделала ничего плохого, каким бы необычным и необъяснимым ни казалось ее поведение. Он был готов все вытерпеть, все простить – он был влюблен. А она, определенно, склонялась к тому, чтобы объяснить ему свое странное отсутствие.

Фигура в черном домино оборачивалась время от времени, чтобы видеть, следует ли за ней белое домино.

Когда Рауль опять пересекал главное фойе, следуя за своим гидом, он не мог не заметить большую группу людей, толпившихся вокруг мужчины, чей костюм и эксцентричный внешний вид создавали сенсацию. Он был в одежде алого цвета с большой, украшенной плюмажем шляпой на голове мертвеца. Ах, какая это была ловкая имитация головы мертвеца! Студенты вокруг восклицали и поздравляли его, спрашивали, каким мастером и в какой студии сделана такая великолепная модель. Сама неуловимая с косой, должно быть, позировала для нее!

Человек в привлечшем всеобщее внимание костюме тащил за собой огромный красный бархатный плащ, который тянулся по полу, как полоса огня; на плаще золотыми буквами были вышиты слова: «Не прикасайтесь ко мне. Я Красная смерть, проходящая мимо».

Кто-то попытался прикоснуться к нему. Из алой перчатки показалась рука скелета и грубо схватила запястье этого безрассудного. От костлявого, безжалостного пожатия смерти, с ощущением того, что никогда не вырвется, мужчина вскрикнул с болью и ужасом. Когда Красная смерть наконец отпустила его, он убежал как сумасшедший, преследуемый презрительными насмешками зрителей.

Как раз в этот момент Рауль подошел к ужасному участнику маскарада, который тут же повернулся к нему. Юноша чуть было не воскликнул: «Голова мертвеца из Перросса!». Он узнал его и уже намеревался броситься к нему, забыв о Кристине. Но она, охваченная каким-то странным волнением, схватила Рауля за руку и потащила вперед, подальше от толпы, через которую пробиралась Красная смерть.

Кристина каждые несколько секунд оглядывалась назад и дважды, казалось, видела что-то, что пугало ее, ибо ускоряла шаг, и это приходилось делать и Раулю, как будто их преследовали.

Они поднялись двумя этажами выше в ту часть здания, где лестницы и коридоры были почти безлюдны. Кристина распахнула дверь ложи и жестом показала Раулю следовать за ней. Они закрыли за собой дверь. Виконт окончательно убедился в том, что это Кристина, когда она тихо велела ему оставаться в глубине ложи. Он снял маску и уже собирался просить ее снять свою, когда с удивлением увидел, что Кристина прислонилась к стене и чутко прислушивается. Затем она раскрыла дверь, выглянула в коридор и сказала:

– Он, должно быть, поднялся в ложу «слепого». – И тут же вскрикнула: – Он спускается обратно!

Кристина пыталась закрыть дверь, но Рауль остановил ее, потому что заметил, как на верхней ступени лестницы, которая вела на этаж выше, появилась алая нога. И медленно, величественно Красная смерть в алых одеждах сошла вниз. Молодой человек вновь увидел голову мертвеца из Перросса.

– Вот он! – воскликнул Рауль. – На этот раз он не уйдет от меня!

Рауль рванулся вперед, но Кристина успела закрыть дверь.

– Кто это «он»? – спросила она изменившимся голосом. – Кто не уйдет от вас?

Рауль попытался преодолеть сопротивление Кристины, но она оттолкнула его назад с неожиданной силой. Он все понял или подумал, что понял, и впал в бешенство.

– Кто это? – спросил он гневно. – Этот человек, который скрывает за ужасной маской дьявольский дух кладбища в Перросе, Красная смерть? Это ваш друг, ваш Ангел музыки! Но я заставлю его снять маску, как снял свою собственную, и на этот раз мы посмотрим друг другу в лицо, без маски или обмана. Я узнаю наконец, кого любите вы и кто любит вас! Рауль разразился диким смехом, Кристина только жалобно стонала, скрыв лицо маской. Потом трагическим жестом подняла руки:

– Ради нашей любви, Рауль, вы не должны выходить! Он замер. Что она сказала? Во имя их любви? Никогда прежде она не говорила, что любит его. А ведь у нее было много возможностей сказать это! Она видела его несчастным, в слезах, умолявшим о добром слове надежды, которое так и не пришло. Она видела его больным, полумертвым от ужаса и промерзшим после той ночи на кладбище в Перросе. Была ли она с ним в то время, когда он больше всего нуждался в ней? Нет, она убежала! И после этого она говорит, что любит его? «Ради нашей любви.» Какое лицемерие! Все, чего она хочет, это задержать его на несколько секунд, дать Красной смерти время скрыться. Их любовь? Она лгала...

И Рауль крикнул ей с детской ненавистью:

– Вы лжете! Вы не любите меня и никогда не любили! Только такой несчастный молодой человек, как я, мог позволить вам обманывать себя и смеяться над собой. Почему во время нашей встречи в Перросе вы дали мне повод для надежды своим отношением, радостью в глазах, даже вашим молчанием? Я имею в виду благородную надежду, потому что я благородный человек. Я думал, что и вы благородная женщина, хотя теперь понимаю – вашим единственным намерением было обмануть меня! Вы обманули всех! Вы даже бесстыдно воспользовались невинным сердцем вашей благодетельницы: она все еще верит в вашу искренность, когда вы идете на бал в Оперу с Красной смертью! Я презираю вас!

И он заплакал. Кристина позволяла ему оскорблять себя, думая только об одном: удержать его в ложе.

– Когда-нибудь, Рауль, вы попросите прощения за все эти гадкие слова, и я прощу. Он покачал головой:

– Нет, нет. Вы свели меня с ума. Ведь у меня была только одна цель в жизни: дать свое имя обыкновенной девушке из Оперы!

– Рауль! Остановитесь!

– Я умру от позора!

– Живите, мой друг, и прощайте, – печально сказала Кристина дрожащим голосом. – Прощайте навсегда, Рауль.

Он сделал еще один шаг к ней:

– Почему навсегда? Может быть, вы позволите мне приходить иногда и аплодировать вам?

– Я никогда не буду петь.

– Правда? – сказал молодой человек с сарказмом. – Так он позволит вам стать праздной дамой? Поздравляю! Но, думаю, мы еще увидимся в лесу в одну из этих ночей, не правда ли?

– Ни там, ни где-либо еще, Рауль. Вы меня никогда не увидите.

– Могу ли я, по крайней мере, узнать, в какую тень вы намерены вернуться? И в какой ад вы уходите, таинственная мадемуазель, или в какие небеса?

– Я пришла сюда, чтобы сказать вам это, но я не могу сказать вам ничего больше. Вы бы мне не поверили. Вы перестали верить мне, Рауль. Все кончено!

Кристина произнесла это «все кончено» с таким отчаянием, что Рауль вздрогнул, и угрызения совести за свою жестокость наполнили его душу.

– Но почему бы вам не сказать мне, что все это значит? – воскликнул он. – Вы свободны, не связаны по рукам и ногам. Вы ездите в экипаже, вы посещаете балы, надеваете домино. Почему вы не идете домой? Что вы делали последние две недели? Что это за история об Ангеле музыки, которую вы рассказали мадам Валериус? Может быть, кто-то обманул вас, воспользовавшись вашей доверчивостью. В Перросе я сам видел... Но теперь вы знаете, какова правда! Вы очень благоразумны, Кристина! Вы знаете, что вы делаете. И все же мадам Валериус ждет вас, призывая ваш «направляющий дух». Объяснитесь, Кристина, пожалуйста! Кто угодно мог быть введен в заблуждение, как я, например! В чем цель этого фарса?

Кристина сняла свою маску.

– Это трагедия, Рауль, – сказала она просто. Увидев ее лицо, он не смог удержаться от восклицания. Лицо Кристины потеряло всю свою свежесть – оно стало смертельно бледным. И это лицо, которое он знал таким нежным и очаровательным! Каким измученным оно теперь выглядело! Скорбь безжалостно изменила его, а прекрасные голубые глаза, когда-то ясные, как озера, глаза маленькой Лотты, теперь приобрели темную, загадочную и бездонную глубину и были окружены печальными тенями.

– О моя дорогая! – простонал он, протягивая к ней руки. – Вы обещали простить меня...

– Может быть. Может быть, когда-нибудь... Кристина вновь надела маску и вышла из ложи, показав жестом, что запрещает ему следовать за ней. Рауль все же попытался пойти следом, но она повернулась и повторила свой прощальный жест с такой повелительной силой, что он не посмел сделать больше ни шага.

Рауль смотрел, как она уходила. Потом сошел вниз в толпу, не зная точно, что делает. У него стучало в висках и щемило сердце. Пересекая бальный зал, он спрашивал у толпившихся здесь людей, не видели ли они Красную смерть. Когда его просили объяснить, кого он имеет в виду, он отвечал: «Это участник маскарада с головой мертвеца и большим красным плащом». Ему везде говорили, что такой человек только что прошел, волоча за собой свой королевский плащ, но Рауль так и не нашел его. В два часа ночи он направился в расположенный за сценой коридор, который вел в артистическую комнату Кристины.

Ноги привели Рауля к тому месту, где он начал страдать. Он постучал в дверь. Ответа не было. Он вошел, как, это сделал, когда искал повсюду «мужской голос». Комната была пуста. Бледно горел газовый свет. На маленьком столике лежали какие-то бумаги. Он подумал о том, чтобы написать Кристине, но в этот момент услышал шаги в коридоре. Молодому человеку едва хватило времени спрятаться в будуаре, который отделялся от артистической комнаты только занавесом. Дверь открылась. Это была Кристина!

Он задержал дыхание. Он хотел видеть! Он хотел знать! Что-то подсказывало ему, что он вот-вот станет свидетелем чего-то таинственного и, вероятно, поймет...

Кристина вошла, устало сняла маску и бросила ее на стол. Потом вздохнув села, склонив свою красивую голову и охватив ее руками. Что было у нее на уме? Думала ли она о нем, о Рауле? Нет, потому что он слышал, как она шептала: «Бедный Эрик!» Он, должно быть, неправильно понял. Он был убежден, что если кто-то и заслуживал сострадания, то это был он, Рауль. После того что произошло между ними, было бы совершенно естественным для нее сказать со вздохом: «Бедный Рауль!». Но она повторила, качая головой: «Бедный Эрик!» Что общего этот Эрик имеет с ее вздохами и почему ей так жалко Эрика, когда Рауль так несчастен?

Кристина начала писать что-то, не спеша, обдумывая каждое слово, что произвело неприятное впечатление на Рауля, которого все еще трясла дрожь из-за драматической сцены, разделившей их. «Что за холодная голова!» – подумал он. Кристина продолжала писать: две, три, четыре страницы». Вдруг она подняла голову и спрятала листы бумаги в корсаж. Она, казалось, прислушивалась. Рауль прислушался тоже. Откуда идет этот странный звук, этот отдаленный ритм? Приглушенное пение, казалось, исходило от стен. Да, создавалось впечатление, будто стены пели.

Пение становилось все более отчетливым, пока наконец не стали понятными слова. Рауль различал голос, очень красивый, мягкий, пленительный голос. При всей его мягкости голос отличался мужским тембром и наверняка не мог принадлежать женщине. Голос приближался, проник через стену, теперь он был в комнате, прямо перед Кристиной. Она встала и заговорила с этим голосом так, будто говорила с кем-то находившимся рядом.

– Я здесь, Эрик, – произнесла она. – Я готова. Это вы, мой друг, опоздали, Осторожно наблюдая из-за занавеса, Рауль не мог поверить своим глазам: он никого не видел.

Лицо Кристины осветилось. Ее бескровные губы тронула счастливая улыбка, такая улыбка, какая бывает у выздоравливающих, когда они начинают надеяться, что болезнь, поразившая их, не смертельна.

Бестелесный голос опять начал петь. Это был голос, который соединял все крайности сразу в одном потоке вдохновения. Рауль никогда не слышал такого обширного и героически мягкого, такого победно коварного, такого деликатного в силе, такого сильного в утонченности, такого непреодолимо триумфального голоса. У него была совершенная, мастерская фразировка. Это был безмятежный, чистый источник гармонии, из которого верующие могли пить безопасно и преданно, в полной уверенности, что они пьют музыкальное изящество. И их искусство, прикоснувшись к божественному, преобразится.

Рауль слушал этот голос с волнением, начиная понимать, как Кристине удалось удерживать в свой триумфальный вечер публику своим пением, которое было верхом экзальтации и совершенства. Она, должно быть, все еще находилась тогда под влиянием своего таинственного учителя! И Рауль осознал это превращение сейчас, слушая необыкновенный голос. Он не пел ничего необыкновенного: он делал драгоценные камни из грязи. Слова были обычными и мелодия легкая, почти вульгарная, но они, казалось, преобразовывались в красоту созидательной силой, которая приподнимала их и несла в небо на крыльях страсти. Ибо этот ангельский голос пел свадебную песню из «Ромео и Джульетты».

Рауль видел, что Кристина простерла руки навстречу голосу, как она делала это на кладбище в Перросе навстречу невидимой скрипке, игравшей «Воскрешение Лазаря».

Никакие слова не могут описать страсть, с которой пел голос:

Судьба навечно приковала вас ко мне!

Рауль чувствовал себя так, как будто ему нанесли удар в сердце. Борясь с чарами, которые, казалось, лишили его воли, энергии и остатков благоразумия, когда он больше всего нуждался в них, он отодвинул в сторону занавес, который скрывал его, и направился к Кристине. Она двигалась к задней стене комнаты, которая почти целиком была уставлена зеркалами. Она увидела свое отражение, но не Рауля, потому что он стоял как раз за ней.

Судьба навечно приковала вас ко мне!

Кристина и ее отражение в зеркале продолжали идти навстречу друг другу. Две Кристины – телесная и отражение – в конце концов коснулись и соединились воедино, и Рауль протянул руки, чтобы схватить их обеих.

Но благодаря какому-то ослепительному чуду, которое ошеломило его, он был внезапно отброшен назад, и ледяной ветер пронесся по его лицу. Он увидел не двух, а множество Кристин. Они кружились вокруг него, смеялись и удалялись от него так быстро, что он не мог при-

коснуться ни к одной из них. Наконец опять стало тихо, и он увидел себя в зеркале. Но Кристина исчезла.

Юноша подбежал к зеркалу, но столкнулся со стеной. Никого! А тем временем далекий странный голос все еще звучал в комнате:

Судьба навечно приковала вас ко мне!

Рауль вытер пот со лба, почувствовал свое проснувшееся тело, нашел ощупью и повернул газовый свет на полную яркость. Он был уверен, что ему это не снится. Он находился в центре страшной игры, которую не понимал и которая, вероятно, должна была сокрушить его. Он чувствовал себя немного отважным принцем из сказки, который пошел дальше дозволенных границ и мог стать жертвой неких магических сил.

Как исчезла Кристина? Когда она вернется? И вернется ли? Увы, она сказала ему, что все кончено! А стены продолжали повторять:

Судьба навечно приковала вас ко мне!

Ко мне? К кому?

Истощенный, подавленный, весь в смятении, Рауль сел на то место, где недавно сидела Кристина. Как и она, он охватил голову руками, и, когда поднял ее, слезы потоком текли по его юному лицу, настоящие, тяжелые слезы, подобные тем, которые проливают обиженные дети, слезы горя, которое было далеко не воображаемым, но таким обычным для всех влюбленных на земле. Он выразил его громко:

– Кто этот Эрик?

Глава 11. Вы должны забыть имя «мужского голоса»

На следующий день после того, как Кристина исчезла у него на глазах, в каком-то ослеплении, которое все еще заставляло его сомневаться в своем здравом уме, виконт Рауль де Шаньи отправился к мадам Валериус. Его глазам предстала очаровательная картина.

Старая дама сидела в постели и вязала. Рядом с ней Кристина плела кружева. Никогда более красивое лицо, более чистый лоб или более добрые глаза не склонялись над девичьим шитьем. Свежие краски вернулись к щекам Кристины. Синеватые круги вокруг глаз исчезли. Куда девалось то трагическое лицо, которое Рауль видел накануне! Если бы вуаль меланхолии, прикрывавшая ее восхитительные черты, не казалась ему последним следом невероятной драмы, в которой молодая женщина вела борьбу, виконт, возможно, подумал бы, что не она была ее героиней.

Увидев приближающегося Рауля, Кристина встала без видимых эмоций и протянула ему руку. Но он был так поражен, что остановился и только молча смотрел на нее.

– Ну, мсье де Шаньи, вы что же, не узнаете нашу Кристину? – спросила мадам Валериус. – Ее направляющий дух принес ее обратно к нам.

– Мама! – воскликнула Кристина, покраснев. – Я думала, что вы не будете больше упоминать об этом. Вы прекрасно знаете, что Ангела музыки нет!

– И все же он давал тебе уроки три месяца, дитя мое!

– Мама, я обещала скоро объяснить все. Надеюсь, что я смогу... Но и вы обещали до тех пор не задавать мне никаких вопросов!

– Но почему ты не обещаешь никогда не покидать меня? Ведь ты же обещаешь мне это, Кристина?

– Мама, все это не интересует мсье де Шаньи.

– Это неправда, – сказал Рауль, пытаясь придать своему голосу твердость, но не смог сделать так, чтобы он не дрожал. – Все касающееся вас интересует меня в такой степени, что вы, возможно, скоро поймете. Я удивлен и восхищен одновременно, найдя вас здесь с вашей прием-

ной матерью. То, что произошло вчера между нами, что вы сказали мне, что я смог предположить, – ничто не заставляло меня ожидать, что вы вернетесь так скоро. Я был бы вне себя от радости видеть вас опять, если бы вы не настаивали упрямо на сохранении в тайне всего, что, возможно, пагубно для вас. Я был вашим другом слишком долго, чтобы мог не беспокоиться, вместе с мадам Валериус, о чудовищном приключении, которое будет опасным до тех пор, пока мы не распутаем его. В конце концов вы можете оказаться его жертвой, Кристина.

При этих словах мадам Валериус сделала конвульсивное движение.

– Что вы имеете в виду? – вскричала она. – Кристина в опасности?

– Да, – продолжал Рауль, несмотря на знаки, которые делала ему Кристина.

– Боже мой! – воскликнула, задыхаясь, добрая наивная старая дама. – Ты должна рассказать мне обо всем, Кристина! Почему ты пытаешься успокоить меня? Какая опасность угрожает ей, мсье де Шаньи?

– Мошенник воспользовался ее верой!

– Ангел музыки – мошенник? Она же сама сказала, что Ангела музыки нет! Что же тогда не так, во имя неба? Скажите мне, прежде чем я умру от неизвестности!

– Что не так? Вокруг нас, вокруг вас, Кристина, есть какая-то земная тайна, которой надо бояться больше, чем всех привидений и духов, вместе взятых.

Мадам Валериус повернулась к Кристине с испуганным выражением. Кристина быстро подошла к ней и обняла ее.

– Не верьте ему, дорогая мама, не верьте! – Она пыталась утешить ее ласками, потому что старая дама с трудом дышала.

– Тогда скажи, что никогда не покинешь меня! – про –; сила мадам Валериус.

Кристина молчала. Тогда заговорил Рауль:

– Вы должны обещать это, Кристина. Это единственное, что может успокоить вашу приемную мать и меня. Мы согласны не задавать ни одного вопроса о прошлом, если вы обещаете оставаться с нами с сегодняшнего дня.

– Я не прошу такого согласия и не дам вам такого обещания, – сказала Кристина высокомерно. – Я вольна делать все, что хочу, мсье Шаньи. Вы не имеете права следить за мной, и прошу вас прекратить это. Что касается того, что я делала прошедшие две недели, только один человек в мире имел бы право требовать, чтобы я рассказала ему об этом: мой муж. Но у меня нет мужа, и я никогда не выйду замуж.

Говоря это с особым ударением, Кристина протянула вперед руку, как будто хотела сделать эти слова еще более значимыми. Рауль побледнел не только от того, что услышал, но также потому, что увидел на ее пальце золотое кольцо.

– У вас нет мужа, и все же вы носите обручальное кольцо.

Он пытался задержать ее руку, но Кристина быстро отдернула ее.

– Это подарок, – сказала она, опять краснея и тщетно пытаясь скрыть свое смущение.

– Кристина! Поскольку у вас нет мужа, то это кольцо может быть подарено вам только мужчиной, который надеется стать вашим мужем. Почему вы обманываете нас? За что вы мучаете меня? Это кольцо – обещание, и это обещание принято.

– Я тоже сказала ей это! – воскликнула старая дама.

– И что она ответила?

– Я ответила то, что хотела! – произнесла Кристина с раздражением. – Не думаете ли вы, что этот допрос продолжается слишком долго? Что касается меня... Смущенный и напуганный тем, что Кристина вот-вот объявит о полном разрыве между ними, Рауль прервал ее:

– Прошу вас, простите меня. Вы хорошо знаете о благородном чувстве, заставляющем меня вмешиваться в дела, которых я, вероятно, не имею права касаться. Но позвольте мне рассказать вам о том, что я видел, – а я видел больше, чем вы думаете, – или, скорее, я думал, что видел, потому что каждый, переживший это, естественно, может и не поверить своим глазам.

– Что же вы видели или думаете, что видели?

– Я видел ваш восторг при звуке голоса, исходившего от стены или из соседней артистической комнаты. Да, ваш восторг! И это то, что заставляет меня опасаться за вас. Вы находитесь

под влиянием опасных чар! И все же вы, кажется, сознаете обман, поскольку говорите теперь, что Ангела музыки нет. Но тогда почему вы опять последовали за ним? Почему вы встали с сияющим лицом, как будто действительно слышали ангела? Этот голос очень опасен, потому что я тоже впал в транс, слушая его, вы исчезли перед моими глазами, и я не знаю, как вам это удалось. Кристина! Кристина! Во имя неба, во имя вашего отца, который сейчас на небесах и который так любил вас и любил меня, скажите вашей благодетельнице и мне, кому принадлежит этот голос! Мы спасем вас от самой себя! Назовите это имя, Кристина. Назовите имя мужчины, который имел смелость надеть вам на палец золотое кольцо!

– Мсье де Шаньи, – сказала она холодно, – вы никогда не узнаете его имя.

Видя враждебность, с которой Кристина говорит с Раулем, мадам Валериус неожиданно приняла ее сторону.

– Если Кристина любит этого мужчину, виконт, – сказала она резко, – то вас это не касается.

– К сожалению, мадам, – ответил он покорно, не в силах сдержать слезы, – я думаю, она любит его. Кажется, все подтверждает это. Но это не единственная причина моего отчаяния. Я не уверен, что мужчина, которого она любит, достоин ее любви.

– Об этом судить мне одной, – резко сказала Кристина, глядя ему прямо в глаза.

– Когда мужчина, – продолжал молодой человек, чувствуя, что силы покидают его, – использует такие романтические средства, чтобы соблазнить девушку...

– Тогда или мужчина негодяй, или девушка дура? Вы это имеете в виду?

– Кристина!

– Почему вы осуждаете человека, которого никогда не видели, человека, которого никто не знает, о котором вы ничего не знаете?

– Это не совсем так, Кристина. По крайней мере, я знаю имя, которое вы думали скрыть от меня навсегда. Вашего Ангела музыки зовут Эрик.

Кристина выдала себя немедленно. Она стала белой как полотно и заикаясь спросила:

– Кто... кто сказал вам?

– Вы!

– Каким образом?

– Вы жалели его. Когда вы вошли в артистическую комнату, вы произнесли: «Бедный Эрик!» Хорошо, Кристина, что там был бедный Рауль, который все слышал.

– Уже второй раз вы подслушиваете за дверью! – Не за дверью. Я находился в вашей артистической, в будуаре, если быть более точным.

– О нет! – закричала Кристина, не скрывая своего страха. – Вы хотели, чтобы вас убили?

– Может быть.

Рауль произнес эти слова с такой любовью и отчаянием, что она не смогла сдержать рыдания. Взяв его за руки, Кристина посмотрела на него с такой нежностью, на которую только была способна, и под ее взглядом виконт почувствовал, что его печаль испаряется.

– Рауль, – сказала она, – вы должны забыть «мужской голос» и не вспоминать имя, которое узнали. И никогда не должны пытаться проникнуть в тайну этого голоса. Обещаете?

– Это действительно такая ужасная тайна?

– Более ужасной нет на земле! Молчание разделило двух молодых людей. Рауль был переполнен чувствами.

– Поклянитесь, что не предпримете попытки узнать, – настаивала она. – И поклянитесь, что никогда больше не придете в мою артистическую комнату, если только я не позову вас.

– А вы обещаете, что позовете меня когда-нибудь?

– Обещаю.

– Когда же.

– Завтра.

– Тогда я клянусь вам сделать так, как вы хотите. – Он поцеловал ее руки и ушел, проклиная Эрика и говоря себе, что должен быть терпеливым.

Глава 12. Над люками

На следующий день Рауль вновь увидел Кристину в Опере. Золотое кольцо по-прежнему было на ее пальце. Она была нежна с ним, говорила о его планах, будущем, о его карьере.

Рауль сказал ей, что отправление полярной экспедиции переносится и он покинет Францию недели через три или через месяц самое большое.

Она убеждала его, почти весело, что он должен с радостью ожидать это плавание как шаг к будущей славе. И когда Рауль ответил, что слава без любви не привлекает его, назвала его ребенком, чьи печали не будут продолжительными...

– Как можете вы так легко говорить о таких серьезных вещах? – воскликнул он. – А если мы никогда не увидим друг друга? Я ведь могу погибнуть во время этой экспедиции!

– Я тоже, – сказала тихо Кристина.

Она больше не улыбалась, не шутила. Казалось, она думала о чем-то таком, что случилось с ней впервые, о том, что заставило ее глаза запылать.

– О чем вы думаете, Кристина?

– Я думаю, что мы никогда больше не увидим друг друга.

– И это делает ваше лицо таким сияющим?

– И что через месяц мы должны будем сказать друг другу «прощай».

– Если до этого не будем помолвлены и не будем ждать друг друга...

Она закрыла ему рукой рот.

– Тише, Рауль! Вы же знаете, об этом не может быть речи. Мы никогда не поженимся. Это понятно!

Неожиданно она почувствовала радость, которую едва могла сдерживать. Она захлопала в ладоши с детским восторгом. Рауль обеспокоенно и недоуменно посмотрел на нее. Она протянула к нему руки или, скорее, дала их ему, как будто решив сделать ему подарок.

– Но хотя мы не можем пожениться, – продолжала она, – мы можем быть помолвлены! Никто, кроме нас, не будет знать об этом, Рауль! Бывали секретные браки, может быть и секретная помолвка. Мы помолвлены на месяц, мой дорогой. Вы через месяц уедете, и я буду вспоминать этот месяц до конца моей жизни.

Радость Кристины была безмерной. Затем она опять стала серьезной.

– Это счастье, – сказала она, – которое не причинит никому вреда.

Рауль понял. Он пришел в восторг от этой идеи и хотел сделать ее реальностью немедленно. Он поклонился любимой и произнес:

– Мадемуазель, я имею честь просить вашей руки.

– Но у вас уже обе мои руки, мой дорогой жених! О Рауль, мы будем так счастливы! Мы будем играть в будущего мужа и будущую жену!

Рауль подумал: «Через месяц я смогу заставить Кристину забыть „мужской голос“, прояснить эту тайну и покончить с ней. Через месяц она согласится стать моей женой. Пока же мы будем играть!» Это была самая прелестная игра в мире, и они наслаждались ею как малые дети, какими они, в сущности, и были. Влюбленные говорили друг другу изумительные вещи, обменивались вечными клятвами. Мысль, что в конце этого срока, возможно, в живых не будет никого, кто сдержал бы эти клятвы, приводила их в волнение. Они «играли в сердца», как другие играют в мяч; но поскольку это были их сердца, которые они перебрасывали туда-сюда, требовалось большое искусство, чтобы ловить их, не причиняя друг другу боли.

Однажды – это был восьмой день их помолвки – сердцу Рауля все же причинили сильную боль, и он прекратил игру такими глупыми словами: «Я не хочу на Северный полюс!» По своей простоте Кристина не подумала о такой возможности и, только сейчас вдруг осознав опасность игры, горько упрекала себя за это. Она ничего не ответила, и Рауль отправился домой.

Это произошло после полудня в артистической комнате Кристины, где всегда проходили их встречи и где они развлекались, устраивая себе «обеда» с букетом фиалок на столе, состоявшие из нескольких пирожных и двух бокалов портвейна.

В тот вечер Кристина не пела. И Рауль не получил от нее обычного письма, хотя они раз-

решили друг другу писать каждый день в течение месяца. На следующее утро он поспешил к мадам Валериус, которая сообщила ему, что Кристины нет дома. Она уехала накануне в пять часов вечера, сказав, что вернется через два дня. Рауль был словно громом поражен. Он ненавидел мадам Валериус за то, что та сообщала ему такие новости со столь удивительным хладнокровием. Рауль пытался получить от нее больше информации, но на все его возбужденные вопросы старая дама только отвечала: «Это секрет Кристины» – и поднимала палец, намереваясь, очевидно, воззвать к его благоразумию и успокоить в одно и то же время.

Оставив ее и сбега по лестнице, Рауль подумал зло:

«Старуха хорошо оберегает девушку».

Где могла быть Кристина? Два дня... Два дня потеряны для счастья, и без того короткого! И в этом он сам виноват! Между ними был уговор, что он уедет в полярную экспедицию. Он изменил свое решение, но не должен был говорить ей об этом. Как глупо он все испортил и на сорок восемь часов стал самым несчастным человеком. Затем Кристина появилась вновь.

Она вернулась с триумфом. Она наконец повторила свой необычайный успех на гала-представлении. После несчастного случая с «жабой» Карлотта не смогла больше петь. Страх, что кваканье может повториться, заполнил сердце примадонны, сцена ее непостижимой катастрофы стала отвратительной для нее. Карлотта нашла способ расторгнуть контракт, и Кристину попросили временно заменить ее. Ее выступление в «Иудейке» было встречено с восторгом.

Рауль, конечно, присутствовал в Опере в тот вечер и был единственным, кто страдал, слыша бесчисленное эхо оваций, потому что видел, что Кристина все еще носит золотое кольцо. Внутренний голос шептал ему: «Она все еще носит золотое кольцо, и ты не тот человек, который дал ей его. Сегодня она опять отдала душу, но не тебе». Голос продолжал: «Если она не скажет тебе, что она делала в эти последние два дня или где она была, ты должен пойти и спросить Эрика».

Виконт поспешил за кулисы и стал ждать Кристину. Она сразу увидела его.

– Пойдемте, быстро! – проговорила она и повела его в артистическую комнату, не очень заботясь о том, что почитатели ее таланта, видя закрытую дверь, ворчали: «Это неприлично!» Едва оказавшись в артистической комнате, Рауль упал на колени. Он клялся, что уедет с полярной экспедицией, и просил ее не отнимать ни одного часа от идеального счастья, которое она обещала ему. Кристина не сдерживала своих слез. Они обнимались, как опечаленные брат и сестра, которые только что пережили общую потерю и пришли, чтобы оплакать ее.

Вдруг она освободилась из его нежного, робкого объятия и, казалось, прислушалась к чему-то, чего он не мог слышать. Затем быстро указала на дверь. Когда Рауль был уже на пороге, она сказала ему так тихо, что он скорее угадал, чем услышал ее слова:

– До завтра, мой дорогой жених. И будьте счастливы – я пела сегодня для вас.

* * *

Назавтра Рауль пришел опять, но, к сожалению, два дня ее отсутствия нарушили очарование их игры. В ее артистической комнате они смотрели друг на друга печальными глазами и не говорили ничего. Он удержался от того, чтобы не крикнуть: «Я ревную! Я ревную! Я ревную!» Но тем не менее она услышала его.

Наконец Кристина сказала:

– Пойдемте отсюда, Рауль. Свежий воздух пойдет нам на пользу.

Он думал, что они отправятся на прогулку за город, куда-нибудь подальше от этого здания, которое он ненавидел, словно это была тюрьма; он чувствовал, что тюремщик передвигается в этих стенах, тюремщик по имени Эрик... Но Кристина привела его на сцену, они сидели на деревянном кольце фонтана, в сомнительной свежести декораций, подготовленных для следующего представления.

В другой раз они бродили по безлюдным дорожкам сада, в котором выющиеся растения были подстрижены умелыми руками бутафорного мастера, как будто настоящее небо, настоящие цветы и настоящая земля были навсегда запрещены ей и она была обречена не дышать другим

воздухом, кроме как воздухом театра.

Ему стало ясно, что Кристина не может ответить на большинство его вопросов, и, чтобы не заставлять ее страдать понапрасну, Рауль старался не спрашивать ее вообще ни о чем. Время от времени появлялся пожарный, издавек наблюдая за их меланхоличной идиллией. Иногда она отчаянно пыталась обмануть его и себя поддельной красотой этих декораций, для того и сделанных, чтобы создавать иллюзии. Ее живое воображение наделяло их такими красками, которые, как она говорила, не соответствовали природным. Она все более оживлялась, в то время как он лихорадочно сжимал ее руку.

– Посмотрите, Рауль, – сказала она ему однажды, – на эти стены, леса, деревья, эти образы, написанные на полотне, – все они были свидетелями любовных сцен, более возвышенных, чем настоящие, потому что они созданы поэтами, возвышающимися высоко над обыкновенными людьми. Так скажите мне, Рауль, что наша любовь здесь, как дома, поскольку она тоже создана и тоже, как ни печально, иллюзия. – Неутешный, он не отвечал. – Наша любовь слишком печальна здесь, на земле, – продолжала она, – давайте возьмем ее в небо! Увидите, как легко это сделать!

И Кристина повела его выше облаков, в изумительный беспорядок верхних колосников, где наслаждалась тем, что вызывала у него головокружение, бегая по хрупким мосткам чердака, среди тысяч канатов, прикрепленных к блокам и лебедкам в центре воздушного леса мачт и рей. Если Рауль колебался, она говорила ему с милой, восхитительной гримасой: «Вы, моряк!» Затем они спустились на твердую землю, то есть в широкий коридор, который вел их к смеху, танцам и юности! «Поднимите юбки, девочки! Следите за шнурками!» Это был класс для девочек от семи до девяти лет, которые уже носили лифчики, легкие пачки, розовые чулки и работали, работали своими маленькими утомленными ножками в надежде стать балеринами или даже прима-балеринами и быть увенчанными бриллиантами. Пока же Кристина дала им конфет.

В еще один день она привела Рауля в громадную комнату своего дворца, полную ярких, пышных нарядов, рыцарских костюмов, пик, щитов и перьев, и внимательно рассматривала эти неподвижные, пыльные привидения воинов. Она говорила с ними доброжелательно, обещая, что они опять увидят блестяще иллюминированные вечера и парады с музыкой при ослепительных огнях рампы.

И так она водила его по всей империи, которая была искусственной, но необъятной, занимающая семнадцать этажей от цокольного этажа до крыши, и населенной армией различных людей. Она ходила среди них, как любимая королева, поощряя работу, сидя в кладовых, давая добрые советы швеям, руки которых не решались резать богатые ткани, превращавшиеся в костюмы героев. Обитатели этой страны занимались всякими ремеслами. Среди них были и сапожники, и золотых дел мастера. Со временем эти люди полюбили ее, потому что она интересовалась их жизнью и прощала их маленькие причуды.

Кристина знала самые удаленные части здания, где тайно жили престарелые супружеские пары. Она стучала в их двери и представляла им Рауля как прекрасного принца, который попросил ее руки. Она и Рауль сидели на полуразвалившемся реквизите и слушали оперные легенды, так же как в детстве слушали театральные сказки. Эти старые люди не помнили ничего, кроме Оперы. Они прожили здесь многие годы. О них просто забыли. За пределами Оперы делалась французская история, но они не сознавали этого, и о них никто не вспоминал.

Так уходили в прошлое драгоценные дни. Кажущимся интересом к внешнему миру Рауль и Кристина пытались скрыть друг от друга то единственное, что Тревожило их сердца. Одно было ясно: Кристина, которая до этого доказала, что из них двоих она сильнее, вдруг стала нервничать. Во время их экспедиций она без всякой причины начинала вдруг бегать или внезапно останавливалась, и Рауль чувствовал, как холодна ее рука. Иногда казалось, что ее глаза следят за воображаемыми тенями. Она выкрикивала: «Сюда», а затем: «Сюда» и опять: «Сюда» с нервным смехом, который часто заканчивался слезами. Рауль пытался узнать, что с ней, спросить, несмотря на обещания, но, прежде чем он успевал спросить, она лихорадочно отвечала: «Ничего! Клянусь, ничего нет!» Однажды, когда они были на сцене и подошли к слегка приоткрытому люку, он наклонился над темной пропастью и сказала – Вы показали мне верхнюю часть вашей империи, Кристина, но странные истории рассказывают о нижней части... Мы пойдем туда,

вниз?

Услышав это, она схватила его, будто испугавшись, что он исчезнет в этой черной дыре, и произнесла дрожащим голосом:

– Никогда! Вы не должны идти туда! Это не принадлежит мне. Все под землей принадлежит ему!

Рауль посмотрел ей прямо в глаза и грубо спросил:

– Так он живет там, внизу?

– Я этого не сказала! Кто мог сказать вам такую вещь? Пойдемте, пойдемте отсюда. Бывает время, Рауль, когда я думаю, не безумный ли вы, – вы всегда слышите какие-то невозможные вещи! Пойдемте отсюда! Пойдемте!

Кристина пыталась оттащить его, но он упрямо не хотел отходить от люка; эта дыра, казалось, влекла его к себе.

Вдруг люк закрылся так неожиданно, что они не успели даже увидеть руку, которая сделала это, и оба были ошеломлены.

– Возможно, он был там, – сказал наконец Рауль. Кристина пожала плечами, но вовсе не показала успокоенной.

– Нет-нет, это был рабочий, закрывающий люки. Должны же они что-то делать, поэтому открывают и закрывают люки без какой-либо причины. Они, как швейцары: им тоже надо убить время.

– А если он в самом деле был там, Кристина?

– Нет, этого не может быть. Он закрылся... Он работает, – О, действительно? Он работает?

– Да. Он не может работать и открывать и закрывать люки в одно и то же время. Нам нет повода беспокоиться. Она вздрогнула, когда сказала это.

– Над чем же он работает? – спросил Рауль.

– Над чем-то ужасным! Вот почему я говорю, что нет повода беспокоиться. Когда он работает, он ничего не видит, не ест и не пьет, он едва дышит. И так продолжается целыми днями и ночами. Он живой мертвец, и у него нет времени заниматься люками.

Кристина опять вздрогнула и склонилась над люком, прислушиваясь. Рауль ничего не сказал. Он боялся теперь, что звук его голоса может остановить ее и заставит думать, положив конец ее все еще временному желанию доверять ему.

Она не покинула его. Все еще держа его за руку, она вздохнула и на этот раз сказала:

– А что если это действительно был он?

– Вы боитесь его? – спросил Рауль робко.

– Нет, конечно, нет!

Непреднамеренно Рауль занял позицию сочувствия к ней, он отнесся к ней, как относятся к впечатлительным личностям, все еще находящимся в тисках кошмара. Казалось, он говорил: «Не бойтесь! Я здесь!» Почти непроизвольно Рауль сделал угрожающий жест какому-то невидимому врагу. Кристина взглянула на него с удивлением, будто он был чудом смелости и добродетели и она оценивала достоинства его смелого и тщетного рыцарства. Она поцеловала его, как сестра, вознаградившая любимого брата этим проявлением привязанности, за то, что тот сжал свой маленький братский кулачок, чтобы защитить ее от опасности.

Рауль все понял и покраснел от стыда. Он почувствовал себя таким же слабым, как и она. «Она утверждает, что не боится, – подумал он, – но она трепещет и хочет, чтобы мы отошли от люка».

Это была правда. Все последующие дни они проводили почти на вершине здания, далеко от люков. Волнение Кристины росло по мере того как шло время. Однажды она пришла на встречу с опозданием, ее лицо было таким бледным, а глаза покраснели от слез, что Рауль решился на крайние меры. Едва увидев ее, он сказал, что не поедет в экспедицию на Северный полюс, пока она не раскроет ему секрет мужского голоса.

– Тихо, – прошептала она. – Вы не должны говорить это. А если он услышит вас, бедный Рауль! – И она посмотрела вокруг дикими глазами.

– Я освобожу вас от его власти, клянусь! И вы перестанете думать о нем. Вы должны.

– Это возможно?

Кристина выразила это сомнение, в котором он почувствовал ободрение, когда вела его на верхние этажи здания, где они были вдалеке от люков. – Я спрячу вас в неизвестной части мира, – продолжал Рауль, – где он не сможет разыскать вас. Вы будете спасены, и тогда я уеду, поскольку вы поклялись никогда не выходить замуж.

Кристина взяла его руки и сжала их в сильном душевном волнении. Тревожное состояние вновь вернулось к ней. Отвернувшись от него и со словами «Выше, еще выше!», Кристина повлекла его за собой.

Он с трудом поспевал за ней. Вскоре они были уже под крышей в лабиринте деревянных стоек. Они пролезали между стойками, стропилами и распорками, бегали от балки к балке, как будто были в лесу.

Каждые несколько секунд Кристина оглядывалась назад, но она не замечала тени, – следовавшей за Ней, как будто это была ее собственная тень, останавливаясь вместе с ней, возобновляя движение и не создавая никакого шума, как и подобает тени. Рауль тоже ничего не видел, так как рядом с Кристиной его вообще не интересовало ничего.

Глава 13. Лира Аполлона

Итак, они достигли крыши. Кристина порхала по ней, легкая, словно ласточка. Она взволнованно дышала, глядя на панораму Парижа, которая простиралась перед ними. Кристина позвала Рауля к себе, и они прогуливались рядом, высоко над землей, по цинковым улицам и железным проспектам. Их удвоенное очертание отражалось в больших открытых баках неподвижной воды, в которых в летние месяцы мальчишки из балета ныряли и учились плавать.

Тень появилась сзади и продолжала следовать за ними, распластавшись на крыше, вытягиваясь вместе с движениями черных крыльев на перекрестках металлических улиц, безмолвно передвигаясь между баков и куполов, но двое несчастных не подозревали о ее присутствии. Наконец они сели, беззаботные, под покровительством Аполлона, который бронзовым жестом простирал свою волшебную лиру в сердце ярко горящего неба. Их окружал лучезарный вечер. Медленно плыли облака, волоча за собой золотые и малиновые мантии – дар заходящего солнца.

– Скоро мы пойдем дальше и быстрее этих облаков к концу мира, – сказала Кристина, – а затем вы оставите меня, Рауль. Но если я откажусь поехать с вами, когда вы захотите забрать меня, вы должны будете заставить меня уехать.

Тесно прижимаясь к нему, она произнесла эти слова так, словно пыталась сама себя убедить в чем-то. Его поразили тон любимой.

– Вы боитесь, что можете изменить свое решение, Кристина?

– Не знаю, – ответила она, покачивая головой. – Он демон! – Кристина вся дрожала и трепетала в объятиях Рауля. – Я боюсь возвращаться и жить с ним под землей.

– Почему вы должны возвращаться?

– Если я не вернусь, может произойти ужасное. Но я не могу больше выносить этого. Знаю: мы должны сочувствовать людям, живущим под землей, но он ужасен. У меня остается всего один день, и, если я не приду к нему, он сам придет ко мне со своим голосом. Я должна буду спуститься в его подземный дом. Он встанет передо мной на колени со своей головой мертвеца. И он скажет, что любит меня! И будет плакать! О, эти слезы, Рауль! Эти слезы в двух черных отверстиях головы мертвеца! Я не могу видеть, как льются эти слезы!

Кристина в муках завила руки, а Рауль, поддавшись ее отчаянию, прижимал возлюбленную к своему сердцу.

– Нет, нет, вы никогда больше не услышите, как он говорит вам о любви! Никогда больше не увидите его слезы! Мы убежим, Кристина! Сейчас же! Пойдемте!

Рауль пытался увести Кристину, но она остановила его.

– Нет. – Она печально покачала головой. – Не сейчас. Это слишком жестоко... Пусть он услышит меня завтра вечером в последний раз, и затем мы уйдем. В полночь вы придете за мной в артистическую комнату – ровно в полночь. Он будет ждать меня в это время в доме у озера.

Мы будем свободны, и вы заберете меня, даже если я откажусь. Обещайте мне это, Рауль, я чувствую, что если вернусь к нему на этот раз, то уже никогда не смогу уйти. – И она добавила: – Вы можете понять?

Кристина вздохнула, и ей показалось, что в ответ на ее вздох последовал другой вздох – за ее спиной.

– Вы слышали что-нибудь? – спросила она. Ее зубы стучали.

– Нет, ничего, – заверил ее Рауль.

– Это ужасно, – сказала она, – всегда дрожать, вот так, как сейчас. Но здесь мы вне опасности. Здесь мы дома, у меня дома, в небе, на воздухе, при дневном свете. Солнце пылает, а ночные птицы не любят смотреть на солнце. Я никогда не видела его при дневном свете. Это-, это, должно быть, отвратительно. – Она запнулась, обращая обезумевший взор к Раулю. – О, первый раз, когда я увидела его... Я думала, он умрет!

– Но почему? – спросил Рауль, по-настоящему напуганный тоном ее странного и тревожного признания. – Почему вы думали, что он умрет?

– Почему? Потому что я увидела его! Мгновение спустя она и Рауль одновременно обернулись.

– Здесь кто-то стонет от боли! – воскликнул он. – Может быть, кто-то ранен. Вы слышали?

– Не могу сказать, потому что, когда я не с ним, в моих ушах постоянно стоят его стоны... Но если вы слышали...

Они поднялись и осмотрелись вокруг. На огромной металлической крыше никого не было. Они опять сели.

– Когда вы впервые увидели его? – спросил Рауль.

– Три месяца я слышала его, так ни разу и не увидев. Впервые я услышала его прекрасный голос, когда он вдруг запел где-то рядом. Я подумала, так же как и вы, что он находится в другой комнате. Я вышла и посмотрела везде, но моя артистическая комната, как вы знаете, изолирована. Голос продолжал петь внутри. Затем он не только пел, но и говорил со мной, отвечал на мои вопросы. У него был настоящий мужской голос, но такой красивый, как голос ангела. Как я должна была объяснить все это? Я никогда не забывала об Ангеле музыки, которого мой бедный отец обещал послать ко мне после своей смерти. Я не боюсь говорить с вами о таком ребячестве, Рауль, потому что вы знали моего отца и он любил вас. Вы ведь тоже верили в Ангела музыки, когда были маленьким мальчиком, и потому, я уверена, не будете смеяться надо мной. У меня по-прежнему такая же любящая, доверчивая душа, как у маленькой Лотты, и то, что я жила с мадам Валериус, несколько не изменило ее. Я держала эту маленькую, наивную душу в моих наивных руках и наивно предложила ее Голосу, думая, что предлагаю ее Ангелу. Отчасти виновата в этом и мадам Валериус. Я рассказала ей о необъяснимом инциденте, и она воскликнула: «Это Ангел! Во всяком случае, ты всегда можешь спросить его».

Я спросила, и Голос ответил, что он действительно тот, кого я ждала, тот, кого отец обещал прислать после смерти. С тех пор Голос и я стали часто встречаться, я доверяла ему полностью. Он сказал, что сошел на землю, чтобы помочь мне постигнуть высшую радость вечного искусства, и попросил разрешения давать мне каждый день уроки пения. Я с радостью согласилась, наши встречи проходили в моей артистической комнате в то время, когда эта часть Оперы была безлюдной. Как описать вам эти уроки? Вы не можете себе представить, какими они были, хотя и слышали сам Голос.

– Конечно, мне трудно представить, какими они были, – согласился Рауль. – А аккомпанемент?

– Какая-то музыка, незнакомая мне. Она проникала с другой стороны стены и была чудесной. Голос, оказалось, точно знал, в каком месте мой отец приостановил обучение, когда умер, и каким методом он пользовался. – Я – или, скорее, мой голос – помнила все мои прошлые уроки. Извлекая пользу из них, а также из уроков, которые я теперь брала, я достигла удивительного прогресса, на который при других условиях потребовались бы годы! Вы знаете, я довольно деликатна, и сначала моему голосу не хватало характера: его нижний регистр был не развит, верхний регистр – слегка резковат, а среднему регистру, не доставало чистоты. Мой отец боролся с

этими недостатками и за короткое время достиг успеха. Голос помог мне преодолеть их навсегда.

Я постепенно увеличивала силу своего голоса до такой степени, на которую раньше даже не позволяла себе надеяться. Я научилась давать дыханию самую большую из всех возможных амплитуд. Но самое главное – Голос раскрыл мне секрет грудных звуков сопрано. И он окутал наши уроки святым огнем вдохновения, пробудил во мне страстную, жадную, возвышенную жизнь. Он обладал способностью поднимать меня до своего уровня, поставил меня в унисон со своими великолепными, парящими звуками. Его душа жила в моем голосе и дышала гармонией.

Через несколько недель я уже не узнавала себя, когда пела! Это даже пугало меня: не скрывается ли за этим какое-то колдовство? Но мадам Валериус успокоила меня, сказав, что такой чистой девушкой как я, дьявол завладеть не в состоянии.

По приказу Голоса мои успехи были секретом, известным только мне и мадам Валериус. По какой-то причине за пределами своей артистической комнаты я пела своим обычным голосом, и никто не замечал каких-то изменений. Я все делала так, как хотел Голос. Он сказал мне: «Вы должны подождать. Увидите, мы поразим Париж!» И я ждала, живя в каком-то восторженном сне, где главенствовал Голос.

Затем однажды я увидела в зале вас, Рауль. Я была вне себя от радости и не пыталась скрывать ее, вернувшись в свою артистическую комнату. К сожалению для нас обоих, Голос был уже там и сразу понял по моему лицу, что случилось что-то новое. Когда он спросил меня об этом, я не видела причины не сказать ему о вас и месте, которое вы все еще занимали в моем сердце. Когда я закончила, Голос, казалось, не отреагировал. Я позвала его – он не ответил. Я просила его – напрасно. Мне пришла в голову мысль, что он, возможно ушел навсегда. Я молила Бога, чтобы Голос ушел, Рауль...

В тот вечер я вернулась домой в отчаянном состоянии. Я обняла мадам Валериус и сказала: «Голос ушел! Наверное, он не вернется никогда!» Она испугалась так же, как я, и попросила меня объяснить, что произошло. После моего рассказа она констатировала: «Конечно, Голос ревнив!» И это, Рауль, заставило меня понять, что я люблю вас...

Кристина замолчала, склонив голову на грудь Рауля, и они сидели так несколько секунд, держась за руки. Поглощенные своими чувствами, молодые люди не видели, не чувствовали, что всего в нескольких шагах от них, поперек крыши, двигалась тень от двух больших черных крыльев, приближаясь так близко, что могла накрыть их.

– На следующий день, – продолжала Кристина с глубоким вздохом, – когда я пришла в свою артистическую, Голос был там. О Рауль, он говорил со мной так печально. Он прямо сказал мне, что, если я отдам свое сердце кому-то на земле, он, Голос, вернется на небеса. Он сказал это таким горестным тоном, что мне в душу вкралось подозрение: я начала понимать, что мой разум ввел меня в заблуждение. Но я все еще верила этому видению. Голосу, который так тесно соединился с мыслью о моем отце. Больше всего на свете я боялась, что не услышу его никогда. К тому же, думая о своих чувствах к вам, я стала понимать их возможную тщетность; я даже не знала, помнили ли вы еще меня. Кроме того, ваше социальное положение делало наш брак невозможным. Я поклялась Голосу, что вы были для меня только братом и никогда не будете кем-либо еще и что мое сердце не откликнется на земную любовь.

Это было тогда, Рауль, когда я отворачивалась от вас, когда вы пытались привлечь мое внимание на сцене или в коридорах. Вот почему я делала вид, что не узнавала вас. Тем временем мои уроки с Голосом приводили меня в божественный восторг. Никогда раньше я не была так одержима красотой звука. И однажды Голос сказал мне: «Теперь идите, Кристина Доз: вы можете дать человеческим существам немного небесной музыки!» В тот вечер состоялось гала-представление. Почему Карлотта не пришла тогда в Оперу, не знаю. Как бы то ни было, я пела, пела в таком приподнятом настроении, какого не знала раньше. Я чувствовала в себе такую легкость, как будто мне дали крылья. Моя душа была словно в огне, и в какой-то момент я даже думала, что она покинула тело.

– О Кристина, мое сердце трепетало с каждой нотой, которую вы пропели в тот вечер! – воскликнул Рауль, и его глаза стали влажными при этом воспоминании. – Я видел, как слезы

текли по вашим бледным щекам, и плакал вместе с вами. Как вы могли петь в таком состоянии?

– Я почувствовала слабость, – сказала Кристина, – и закрыла глаза... Когда я их открыла, вы были рядом со мной. Но Голос был там же, Рауль! Я испугалась за вас и потому засмеялась, когда вы напомнили мне о нашем детстве. Но, к сожалению, никто не может ввести в заблуждение Голос. Он узнал вас и стал страшно ревновать. В течение следующих двух дней он устраивал мне ужасные сцены.

«Довольно, – сказала тогда я. – Завтра я еду в Пер-рос на могилу моего отца и попрошу мсье Рауля де Шаньи поехать со мной». – «Делайте, как хотите, – ответил Голос, – но я тоже буду в Перросе. И знайте, Кристина, что где бы вы ни были, я всегда буду там же. Если вы еще достойны меня, если не лгали мне, ровно в полночь я сыграю „Воскрешение Лазаря“ на скрипке вашего отца на его могиле».

И вот почему я написала то письмо, которое привело вас в Перрос, Рауль. Как я могла позволить, чтобы меня полностью обманули? Поняв, насколько личными были заботы Голоса, я стала подозревать какой-то обман. Но я уже была неспособна думать о себе: Голос полностью контролировал меня. Ведь у него было все, чтобы легко обмануть невинную душу, подобную мне!

– Но вы же вскоре узнали правду! – воскликнул Рауль. – Почему вы немедленно не ушли от этого отвратительного кошмара?

– Почему, Рауль? Уйти от этого кошмара? Вы не понимаете! Кошмар не начался для меня, пока я не узнала правду! Тише! Тише! Я вам ничего не говорила... И теперь, когда мы покидаем небеса и возвращаемся на землю, пожалейте меня, Рауль, пожалейте. Помните тот вечер, роковой вечер, когда Карлотта, вероятно, чувствовала, что ее превратили на сцене в отвратительную жабу, и начала квакать, будто провела всю свою жизнь в болоте, вечер, когда разбилась люстра и Опера погрузилась в темноту? Тогда погибли и были ранены люди...

Моя первая мысль, когда произошла катастрофа, Рауль, была о вас обоих, о вас и о Голосе, потому что в то время вы оба были равными половинами моего сердца. Я немедленно успокоилась относительно вас, поскольку увидела вас в ложе брата и знала, что вы вне опасности. Что касается Голоса, то он сказал мне, что будет на представлении, и я испугалась за него; да, испугалась, как будто это был обычный человек, способный умереть. Я подумала: «Боже мой! Люстра могла раздавить Голос!» Меня охватила паника. Я готова была бежать в зрительный зал и искать Голос среди убитых и раненых. Но затем мне пришла в голову мысль, что, если с Голосом ничего не случилось, он должен уже быть в моей артистической комнате. Я поспешила туда и умоляла Голос дать мне знать о своем присутствии.

Ответа не было, но вдруг я услышала протяжный, душераздирающий стон, который так хорошо знала. Это был стон Лазаря, когда при звуке голоса Иисуса он открывает глаза и опять видит свет. Я слышала жалобное пение скрипки моего отца. Я узнала его стиль, который когда-то зачаровывал вас в Перросе, Рауль, и пленил в ту ночь на кладбище. Затем раздался радостный, победный крик жизни, исходивший от невидимой скрипки, и Голос наконец сделался слышимым, он пел: «Приди и верь в меня! Те, кто верит в меня, будут опять жить. Иди! Те, кто верит в меня, не могут умереть».

Я не могу сказать вам о впечатлении, которое эта музыка произвела на меня, когда он пел о вечной жизни, в то время как под той же крышей умирали люди, раздавленные упавшей люстрой. Я чувствовала, что он приказывает мне встать, идти к нему. Он удалялся, и я следовала за ним:» «Приди и верь в меня!» Я верила в него, я шла... К моему изумлению, артистическая комната становилась все длиннее и длиннее, пока я шла. Это, вероятно, был эффект зеркала, конечно, передо мной было зеркало. Затем вдруг я обнаружила, что нахожусь вне комнаты, не зная, как оказалась там и» – Что? – резко остановил ее Рауль. – Не зная как? Кристина! Кристина! Вы должны были попытаться прервать ваше сновидение!

– Это был не сон. Я действительно не знаю, как все произошло. Поскольку вы однажды были свидетелем моего исчезновения из артистической, может быть, вы объясните это, но я не могу. Помню только, что стояла перед зеркалом, потом вдруг перестала его видеть. И зеркало, и моя комната исчезли. Я оказалась в каком-то коридоре. Испугавшись, я пронзительно закричала.

Вокруг меня была темнота. Лишь вдали тусклый красный свет освещал угол стены, где пересекались два коридора. Я опять закричала. Мой собственный голос был единственным звуком, который я слышала, потому что пение и игра на скрипке прекратились. Вдруг в темноте рука, или, скорее, что-то холодное и костлявое, крепко схватила мое запястье. Я закричала еще раз. Рука обвила мою талию, и меня приподняли над землей. Несколько мгновений я в панике сопротивлялась. Мои пальцы скользили по сырým камням, но не могли ухватиться задних. Затем я замерла, чувствуя, что умираю от ужаса.

Меня несли в сторону красного света. Когда мы приблизились к нему, я увидела, что меня держит мужчина, одетый в большой черный плащ и маску, которая скрывала его лицо. Я предприняла последнее усилие: мои руки и ноги стали ватными, мой рот вновь открылся, чтобы закричать, но рука закрыла его, рука, которую я чувствовала на губах, на моем теле, – она пахла смертью! Я потеряла сознание.

Не знаю, как долго продолжался мой обморок. Когда я очнулась, мужчина в черном и я все еще были в темноте, но тусклый фонарь на полу теперь светил на бьющий фонтан, вделанный в стену. Вода стекала вниз по стене и исчезала под полом, на котором я лежала. Моя голова покоилась на колене мужчины в черном плаще и маске. Он протирал холодной во дои мои виски заботливо и нежно, что показалось мне еще более ужасным, чем жестокость, которую он продемонстрировал, унеся меня из артистической комнаты. Его руки легко касались меня, но от них все еще исходил запах смерти. Я сделала слабую попытку оттолкнуть их и спросила: «Кто вы? Где Голос?» Его единственным ответом был вздох.

Вдруг я почувствовала теплое дыхание на лице и в темноте смутно различила белые очертания. Я была удивлена, услышав веселое ржание, и прошептала: «Цезарь!» Мужчина поднял меня в седло. Я узнала Цезаря, белую лошадь из «Пророка». Я обычно баловала ее, подкармливая. Однажды за кулисами прошел слух, что Цезарь исчез, якобы был украден призраком Оперы. Я верила в Голос, но никогда не верила в призрак и теперь вздрогнула, подумав, не стала ли я его узницей. Про себя я умоляла Голос помочь мне, потому что не могла даже представить себе, что Голос и призрак – одно и то же! Вы же слышали о призраке Оперы, не правда ли?

– Да, – ответил Рауль. – Но расскажите мне, что произошло дальше, когда вы сели на белую лошадь из «Пророка»?

– Я позволила посадить себя на лошадь. Странное оцепенение постепенно сменило тревогу и ужас, которые вызвало во мне это адское приключение. Человек в черном удерживал меня, и я уже не пыталась бежать от него. Внутренний покой, который охватил меня, заставлял думать, что я нахожусь под влиянием какого-то зелья, хотя я полностью владела своими чувствами. Мои глаза привыкли к темноте, и она прерывалась то тут то там короткими проблесками света. Я считала, что мы находимся в узкой, круглой галерее, и представила себе, что она проходит вокруг здания, подземная часть которого огромна.

Один раз, только один раз я спускалась в эти громадные подвалы и останавливалась на третьем уровне, боясь идти дальше. Я видела еще два уровня ниже, достаточно большие, чтобы разместить там небольшой городок, но появившиеся фигуры заставили меня убежать. Это были черные демоны. Они работали лопатами, разжигая и поддерживая огонь, и, если ты подходил близко к ним, угрожали внезапно открыть красные пасти своих топок.

Пока Цезарь спокойно нес меня на своей спине через крошечную тьму, далеко впереди я увидела черных демонов перед красными огнями их печей. Они появлялись, исчезали и опять появлялись в зависимости от изгибов и поворотов маршрута, которым мы следовали. Наконец они исчезли совсем. Мужчина все еще поддерживал меня, и Цезарь продолжал идти, неуправляемый и спокойный.

Я не могу даже приблизительно рассказать вам, как долго продолжалось это путешествие в темноту. Моей единственной мыслью было, что мы движемся по кругу, спускаясь по несклбаемой спирали в глубь земли. Возможно, я думала так, потому что моя голова кружилась, но я не верю этому. Нет, мысли мои были невероятно ясными.

Цезарь вдруг фыркнул и немного ускорил шаг. Воздух стал влажным. Ночь прояснялась. Мы были в окружении голубоватого зарева. Я увидела, что мы оказались на берегу озера. Его

серая вода сливалась вдали с темнотой, но зарево освещало берег, и я заметила маленькую лодку, привязанную к железному кольцу на пристани.

Не было ничего сверхъестественного в этом подземном озере с плавающей на нем лодкой, но подумайте о той фантастической ситуации, в которой я оказалась! Души мертвых, подходя к реке Лете, не могли чувствовать большей тревоги, чем я, и Харон не мог быть более угрюмым или более молчаливым, чем мужчина, который посадил меня в лодку. Может быть, эффект зелья исчез или прохлада этого места позволила мне прийти в себя – в любом случае мое оцепенение почти спало. Я сделала несколько движений, которые показали, что мой страх возвращается. Мой мрачный компаньон, вероятно, заметил это, потому что показал быстрым жестом, чтобы убрали Цезаря. Я видела, как Цезарь исчез в темноте галереи, и слышала, как он громко бил копытами на ступеньках лестницы.

Мужчина прыгнул в лодку, отвязал ее от кольца, взял весла и стал быстро и сильно грести. Его глаза через отверстия в маске неотрывно следили за мной, и я чувствовала на себе тяжесть его неподвижных зрачков. Было очень тихо. Мы скользили по голубоватому свету, о котором я говорила вам, но вскоре опять оказались в полной темноте. Наконец лодка ударилась о что-то твердое и остановилась. Мужчина поднял меня. К этому времени я в достаточной степени восстановила свои силы, чтобы закричать, и я сделала это. Но затем я замолчала, ослепленная светом, – да, мужчина опустил меня вниз, в ослепительно яркий свет.

Я вскочила на ноги. Силы вернулись ко мне. Я увидела, что нахожусь в центре гостиной. Она была вся заставлена великолепными цветами, которые выглядели нелепо из-за шелковых лент, привязанных к корзинам, какие продаются в магазинах на бульварах; это были оранжевые цветы, подобные тем, что я всегда находила в своей артистической комнате после спектакля. Среди этих типично парижских цветов стоял, скрестив руки, человек в маске и черном плаще. И он сказал: «Не бойтесь, Кристина, вы вне опасности».

Это был Голос.

Я была ошеломлена и вне себя от бешенства. Протянув руку к маске, я попыталась сорвать ее, чтобы увидеть лицо Голоса. Однако он мягко схватил меня за запястье, толкнул в кресло и продолжил: «Вы вне опасности, если не будете трогать мою маску». Затем встал передо мной на колени, больше ничего не говоря. Его покорность вернула мне смелость. Свет, ясно освещавший вещи вокруг меня, вернул мне сознание реальности жизни. Мое путешествие, каким бы чрезвычайным оно ни казалось, было окружено земными вещами, которые я могла видеть и к которым могла прикоснуться. Обои на стенах, мебель, подсвечники, вазы и даже цветы – я могла почти сказать, откуда они появились в этих позолоченных корзинах и сколько они стоили, – неизбежно ограничили мое воображение пределами гостиной как обычного места, которое, по крайней мере, находилось в подвалах Оперы. Я решила, что, вероятно, имею дело с чудаком-чужестранцем, который жил в подвалах, так же как другие, из-за нужды, с молчаливого согласия администрации, нашел постоянное убежище в мансардах этой современной Вавилонской башни, где люди интриговали, пели на всех языках и любили друг друга.

Я не думала о той ужасной ситуации, в которой оказалась, я не хотела знать, что случится со мной, какая темная сила привела меня сюда, чтобы быть запертой в этой гостиной, как заключенная в камере или рабыня в гареме. Нет, сказала я себе. Голос – мужчина! Я стала плакать.

Мужчина, все еще стоявший на коленях, очевидно, понял причину моих слез, потому что он произнес: «Это правда, Кристина. Я не ангел, дух или привидение. Я – Эрик».

В этом месте история Кристины была опять прервана. Ей и Раулю показалось, что эхо за их спиной повторило:

«Эрик». Какое эхо? Они увидели, что настала ночь. Рауль сделал движение, как будто хотел встать, но Кристина удержала его.

– Останьтесь, – сказала она, – я хочу закончить свой рассказ здесь.

– Почему здесь? Я боюсь, что ночью здесь слишком холодно.

– Нам нечего бояться, кроме люков. Мне не разрешено видаться с вами вне Оперы. Сейчас не время раздражать его. Мы не должны возбуждать у него подозрений.

– Кристина! Кристина! Что-то говорит мне, что мы делаем ошибку, дожидаясь завтрашней

ночи, мы должны бежать сейчас же.

– Если Эрик не услышит меня завтра, это причинит ему сильную боль., – Будет трудно уйти от него навсегда, не причинив ему боли.

– Вы правы, Рауль, я уверена, мое бегство убьет его. – Помолчав, она добавила приглушенным голосом: – Но, по крайней мере, это равная игра: есть шанс, что он убьет нас.

– Тогда он действительно любит вас?

– Да, достаточно, чтобы не остановиться ни перед чем, даже перед убийством.

– А возможно ли найти место, где он живет, и пойти туда. Поскольку он не призрак, ведь можно с ним поговорить и даже заставить его ответить.

Кристина покачала головой:

– Нет, против Эрика ничего нельзя сделать. От него можно только убежать!

– Тогда почему, если вы могли убежать от него, вы вернулись обратно?

– Потому что должна была сделать это. Вы поймете это, узнав, как я покинула его дом.

– О, я ненавижу его! – закричал Рауль. – А вы, Кристина? Скажите мне... Скажите мне это, чтобы я смог дослушать конец этой невероятной истории. Вы его тоже ненавидите?

– Нет, – ответила она просто.

– Тогда почему вы говорите все это? Вы, очевидно, любите его, и ваш страх, ваш ужас – все это любовь особого рода. Рода, которого вы не допускаете, – с горечью произнес Рауль. – Любовь, которая вызывает нервную дрожь, когда вы думаете о ней. Можно представить – мужчина, который живет в подземном дворце. – И он засмеялся презрительно.

– Вы хотите, чтобы я вернулась? – спросила она резко. – Будьте осторожны, Рауль. Я уже сказала, что если опять окажусь там, то обратно не вернусь никогда.

Воцарилась напряженная тишина.

– Прежде чем я отвечу, – сказал наконец Рауль медленно, – я хотел бы знать, какие чувства вы испытываете к нему, поскольку вы не ненавидите его.

– Ужас! – воскликнула Кристина и произнесла это слово так громко, что оно утонуло в воздухе ночи. – Это самое худшее, – продолжала она с растущей напряженностью, – он страшит меня, но я не ненавижу его. Да и как я могу ненавидеть его, Рауль? Представьте, каким он был, на коленях, в своем подземном доме у озера. Он обвинял, проклинал себя, просил меня простить его. Он признался в обмане. Сказал, что любит меня. Он положил к моим ногам свою огромную, трагическую любовь. Он похитил меня из-за любви, но он уважал меня, раболепствовал передо мной, он жаловался, плакал. И когда я встала и сказала ему, что могу лишь презирать его, если он немедленно не вернет мне свободу, я была удивлена, услышав от него предложение: я могу уйти, когда мне захочется. Он хотел уже показать мне таинственную тропинку. Но он тоже встал, и тогда я поняла, что, хотя он не ангел, дух или привидение, он все же Голос, потому что он запел! И я стала слушать», и осталась.

Мы ничего не сказали больше друг другу в тот вечер. Он взял арфу и начал петь мне любовную песню Дездемоны. Моя память, напомнившая мне, как пела ее я сама, заставила меня устыдиться. Музыка обладает магической силой устранять все во внешнем мире, за исключением звуков, которые проникают прямо в сердце. Мое странное приключение было забыто. Голос опять пробудил меня к жизни, и я следовала за ним, восхищенная, в его гармоническое путешествие. Я принадлежала к семье Орфея! Я прошла через горе-радость, мученичество, отчаяние, блаженство, смерть, триумфальные свадьбы. Я слушала. Голос пел. Он пел какие-то незнакомые мелодии, и эта музыка создавала странное впечатление нежности, томления и покоя, волновала душу, постепенно успокаивая ее, вела на порог мечты. Я заснула.

Проснувшись я в кресле в простой маленькой спальне с обычной кроватью из красного дерева. Комната была освещена лампой, стоявшей на мраморной вершине старого, времен Луи-Филиппа, комода. Где я теперь? Я провела рукой по лбу, будто хотела отогнать дурной сон. К сожалению, не потребовалось много времени, чтобы понять: я не сплю. Я была заключенной и из спальни могла выйти только в очень уютную ванную с горячей и холодной водой. Вернувшись в спальню, я увидела на комоде записку, написанную красными чернилами. Если у меня и были какие-либо сомнения относительно реальности того, что произошло, эта записка полно-

стью их развеяла.

«Моя дорогая Кристина, – говорилось в ней, – вы не должны беспокоиться о вашей судьбе. В мире у вас нет лучшего или более уважающего вас друга, чем я. В настоящее время вы в этом доме одни, в доме, который принадлежит вам. Я ушел сделать кое-какие покупки и, вернувшись, принесу простыни и другие личные вещи, которые вам, возможно, понадобятся».

«Совершенно ясно, я попала в руки сумасшедшего! – сказала я себе. – Что станет со мной? Как долго этот негодяй намеревается держать меня в этой подземной тюрьме?» Я бегала по комнате в поисках выхода, но не нашла его. Я горько упрекала себя за глупое суеверие и невинность, с которой я приняла Голос за Ангела музыки, когда слышала его через стены моей артистической комнаты. Любой, позволивший себе подобную глупость, мог ожидать ужасных катастроф и знать, что полностью заслужил их. Я чувствовала себя так, словно исхлестала сама себя. Я смеялась и плакала одновременно. Именно в таком состоянии нашел меня Эрик, когда вернулся.

Постучав три раза о стену, он спокойно вошел через дверь, которую я не смогла обнаружить. В руках у него был ворох коробок и пакетов. Он не спеша положил их на кровать, пока я ругала его и требовала, чтобы он снял свою маску, если по-прежнему утверждает, что она скрывает лицо благородного человека. Он ответил с большим самообладанием: «Вы никогда не увидите лица Эрика».

Затем Эрик сделал мне выговор за то, что я до сих пор еще не умылась и не причесалась, и соизволил проинформировать меня, что уже два часа пополудни. Он дает мне полчаса, сказал он, заводя часы, и затем мы пойдем в столовую, где нас ждет отличный завтрак. Я была голодна. Хлопнув дверью, я пошла в ванную комнату, приняла ванну, предусмотрительно положив рядом с собой ножницы: я решила убить себя, если он вдруг перестанет вести себя как благородный человек.

Холодная вода в ванне улучшила мое состояние. Я благоразумно решила больше не оскорблять Эрика, даже польстить ему, если необходимо, в надежде, что он, возможно, скоро освободит меня. Эрик сказал, что хочет успокоить меня, рассказав о своих планах в отношении меня. Он слишком наслаждался моим обществом, чтобы лишиться себя его немедленно, как сделал это накануне, увидев на моем лице выражение страха и возмущения. Я должна понять, сказал он, что нет никаких оснований бояться его. Он любит меня, но будет говорить об этом только тогда, когда я разрешу это. Остальное время мы будем уделять музыке.

«Что вы имеете в виду под остальным временем?» – спросила я. – «Пять дней», – ответил Эрик. – И после этого я буду свободна?» – «Вы будете свободны, Кристина, потому что за эти дни вы научитесь не бояться меня, и тогда вы вернетесь, чтобы увидеть вновь бедного Эрика».

Он сказал эти последние слова тоном, который глубоко тронул меня. Мне послышалось в нем такое отчаяние, что я посмотрела на прикрытое маской лицо своего похитителя с состраданием. Я не могла видеть за маской его глаза, и это усиливало странное чувство тревоги, возникшее у меня, особенно когда я заметила одну, две, три, четыре слезы, сбежавшие вниз на край его плаща из черного шелка.

Эрик жестом пригласил меня к столу в центре комнаты, где прошлой ночью играл для меня на арфе. Я села, чувствуя себя сильно обеспокоенной, но с аппетитом съела несколько раков и куриное крылышко, запивая все это токайским вином, которое он лично привез из подвалов Кенигсберга, которые часто посещал Фальстаф. Однако сам Эрик не ел и не пил. Я спросила, какой он национальности и означает ли имя Эрик, что он скандинавского происхождения. Он ответил, что у него нет ни имени, ни родины и что он взял это имя случайно. Я поинтересовалась, почему, если он любит меня, он не нашел другого способа сообщить мне это, кроме как забрав в подземелье и заключив в тюрьму.

– «Очень трудно заставить любить себя в могиле», – сказала я.

«Приходится довольствоваться тем, что можешь получить», – ответил он странным тоном.

Затем он встал и взял меня за руку, потому что хотел, сказал он, показать мне свое жилище. Но я с криком отдернула свою руку: то, к чему я прикоснулась, было влажным и костистым, и я вспомнила, что он его рук веяло смертью.

«О, простите меня», – простонал Эрик. Он открыл передо мной дверь: «Это моя спальня. Здесь довольно любопытно» Хотите посмотреть?» Я не колебалась. Его манеры, слова – все говорило мне, что ему можно доверять. Я чувствовала: мне нечего бояться.

Я вошла. Мне показалось, что я вступила в похоронную комнату. Стены были завешены черным, но вместо белых прорезей, которые обычны для похоронных портьер, на них было огромное количество музыкальных фраз и нот из *Dies Irae*. В центре комнаты под балдахином из красной парчи стоял открытый гроб. При виде его я отпрянула.

«Я сплю в нем, – сказал Эрик. – Мы должны привыкать ко всему в жизни, даже к вечности». Гроб произвел на меня зловещее впечатление. Отвернувшись, я заметила клавиатуру органа, который занимал целую стену. На подставке стояли ноты с красными пометками. Я попросила разрешения взглянуть и прочитала заглавие на первой странице: «Торжествующий Дон Жуан».

«Да, я иногда сочиняю, – пояснил Эрик. – Я начал эту работу двадцать лет назад. Когда закончу, я возьму ее с собой в этот гроб и не проснусь».

«Тогда вы должны работать над этим как можно медленнее», – сказала я.

«Иногда я работаю две недели подряд, днем и ночью, и в это время живу только музыкой. Затем несколько лет отдыхаю».

«Не сыграете ли вы мне что-нибудь из „Торжествующего Дон Жуана?“ – попросила я, думая, что доставлю ему удовольствие.

«Никогда не просите меня об этом, – отозвался он зловеще. – Этот „Дон Жуан“ написан не на слова Лоренцо Да Понте, на которые писал Моцарт, вдохновленный вином, любовными приключениями и другими пороками и наконец наказанный Богом. Я сыграю вам Моцарта, если хотите, он вызовет у вас слезы и поучительные мысли. Но мой „Дон Жуан“ горит, Кристина, и все же он не поражает огнем небес!» Мы вернулись в гостиную, из которой только что вышли. Я заметила, что в квартире нигде не видно зеркал. Я уже собиралась сделать замечание по этому поводу, когда Эрик сел за фортепьяно и сказал: «Видите ли, Кристина, некоторая музыка настолько трудна, что поглощает каждого, кто соприкасается с ней. Но вы еще не пришли к такой музыке, к счастью, потому что утратили бы ваши свежие краски и вас никто не узнал бы, когда вы вернетесь в Париж. Давайте споем что-нибудь из оперной музыки, Кристина Доэ».

Он сказал «оперная музыка» так, будто хотел нанести мне оскорбление. Но у меня не было времени подумать, что он подразумевал под этими словами. Мы сразу же начали петь дуэт из «Отелло» и уже шли навстречу несчастью. Я пела Дездемону с подлинным отчаянием и страхом, какого никогда не испытывала раньше. Вместо того чтобы впасть в уныние от такого партнера, я была переполнена величественным ужасом. Мои недавние переживания приблизили меня к мыслям поэта, и я пела так, что, наверное, поразила бы самого композитора. Что же касается Эрика, его голос был оглушительным, его мстительная душа придавала вес каждому звуку и устрашающе усиливала его мощь. Любовь, ревность и ненависть вспыхивали вокруг нас. Черная маска Эрика заставляла меня думать о лице венецианского мавра. Он был сам Отелло. Мне казалось, что он намеревается ударить меня, бить, пока я не упаду, и все же я не делала ни единого движения, чтобы уйти от него, избежать его бешенства, как кроткая Дездемона. Напротив, я подошла ближе к нему, плененная и очарованная, соблазненная идеей умереть от такой отрасти. Но прежде чем умереть, я хотела увидеть его лицо, лицо, которое, как я думала, должно быть видоизменено огнем вечного искусства, и взять этот величественный образ с собой в могилу. Я хотела видеть лицо Голоса. Не контролируя себя, быстрым движением я сорвала его маску... О ужас, ужас, ужас!

Кристина замолкла, вспомнив это видение, которое, казалось, она все еще отодвигала от себя дрожащими руками, пока эхо ночи, точно так же, как оно повторило имя Эрика, повторило ее восклицание: «Ужас, ужас, ужас!» Соединенные еще большим страхом, Рауль и Кристина посмотрели вверх, на звезды, сиявшие в ясном мирном небе.

– Странно, – сказал он – эта мягкая, спокойная ночь полна стонов. Она, кажется, оплакивает нас!

– Теперь, когда вы узнаете секрет, – ответила Кристина, – и ваш слух будет полон горест-

ных жалоб, так же как и мой. – Она взяла его руки в свои и ощутила их дрожь. – О, если даже я доживу до ста лет, то и тогда буду слышать почти нечеловеческий крик, который издал Эрик, крик боли и дьявольского гнева, когда я увидела его лицо. Мои глаза широко раскрылись от ужаса, как и мой рот, хотя я не издала ни одного звука.

О Рауль, это был ужасный вид! Что мне сделать, чтобы забыть его? Мой слух будет всегда наполнен его криками, а перед глазами будет стоять его лицо. Какой образ Как я могу остановить это видение? Как мне описать его вам, чтобы вы представили себе? Вы видели черепа, которые высохли от времени, видели, если не были жертвой ужасного кошмара, голову мертвеца в ту ночь в Перросе, видели Красную смерть на маскараде. Но все те черепа были неподвижны, и их безмолвный ужас не был живым. Представьте, если можете, маску смерти, неожиданно оживающую, с ее четырьмя темными дырами – для глаз, носа и рта, – выражающую гнев, доведенный до последней степени, высшую ярость демона, и никаких глаз в глазницах, потому что, как я узнала позже, его горящие глаза можно видеть только в темноте... Я стояла, прижавшись спиной к стене, и, вероятно, выглядела олицетворенным ужасом, тогда как он был воплощением отвращения.

Затем он подошел ко мне, скрежеща зубами рта, у которого не было губ. Я упала на колени. Тонем лютой ненависти он говорил мне безумные вещи, бессвязные слова, проклятия, какой-то бешеный бред. Наконец он склонился ко мне и закричал: «Смотрите! Вы хотели видеть это! Теперь смотрите! Любуйтесь, насыщайте свою душу моим проклятым уродством! Смотрите на лицо Эрика! Теперь вы знаете лицо Голоса. Вам было недостаточно слышать меня, не так ли? Вы хотели знать, как я выгляжу. Вы, женщины, так любопытны!» Он залился неприятным, грохочущим смехом и повторил: «Вы, женщины, так любопытны!» Он говорил такие вещи, например: «Вы удовлетворены? Вы должны признать: я красив. Женщина, увидевшая меня, обычно принадлежит мне. Она любит меня вечно! Я человек такого же типа, как Дон Жуан».

Эрик вытянулся во весь рос, положил руку на бедро, наклонил то отвратительное, что было его головой, и прогремел: «Смотрите на меня! Я – торжествующий Дон Жуан!» И когда я отвернулась, умоляя пощадить, он схватил меня за волосы своими мертвыми пальцами и грубо повернул мою голову к себе.

– Довольно, довольно! – прервал Рауль. – Я убью его! Во имя неба, Кристина, скажите мне, где это «место у озера». Я должен убить Эрика!

– Тише, Рауль, если вы хотите узнать!

– Да, я хочу знать, как и почему вы вернулись туда! Пусть это секрет! Но в любом случае я убью его!

– Послушайте меня, Рауль! Послушайте! Он тащил меня за волосы, а затем..., затем... О, это было еще более ужасно!

– Говорите сейчас же, – воскликнул Рауль неистово. – Быстро!

– Затем он сказал мне: «Что? Вы боитесь меня? Возможно, вы думаете, что я все еще в маске? Хорошо, тогда, – заорал он, – снимите ее, так же как вы сняли первую! Давайте, снимите! Я хочу, чтобы вы сделали это вашими руками, давайте мне ваши руки! Если они сами не могут сделать этого, мы сорвем маску вместе».

Я пыталась отстраниться от него, но он схватил мои руки и погрузил их в свое ужасное лицо. Моими ногтями он разрывал свое тело, свое бледное, мертвое тело!

«Вы должны знать, – кричал Эрик гортанным голосом, грохоча, как топка, – что я полностью соткан из смерти, от головы до ног, и этот труп любит вас, обожает и никогда не покинет вас, никогда! Я хочу сделать гроб больше, Кристина, но позже, когда мы придем к концу нашей любви. Посмотрите, я больше не смеюсь. Я плачу Я плачу о вас, вы сняли мою маску и поэтому никогда не сможете покинуть меня. Пока вы думали, что я красив, вы могли вернуться. Уверен, вы вернулись бы. Но теперь, когда вы знаете, как я ужасен, вы убежите навсегда. Я задержу вас! Зачем вы захотели увидеть меня? Это было безрассудно глупо с вашей стороны желать видеть меня, когда даже отец никогда не видел меня и моя плачущая мать дала мне первую маску, чтобы больше не видеть моего лица».

Наконец он позволил мне отойти и с рыданиями корчился на полу. Затем уполз из комна-

ты, как змея, закрыв за собой дверь. Я осталась наедине со своими мыслями. Невероятная тишина, тишина могилы последовала за этой бурей, и я смогла подумать об ужасных последствиях происшедшего. Монстр обрисовал, что ждет меня. Я была заключена навечно, и причиной всех моих несчастий стало любопытство. Он честно предупредил меня, он сказал, что я вне опасности, пока не прикоснусь к его маске, а я к ней прикоснулась.

Я проклинала свою стремительность, но вместе в тем поняла с содроганием, что рассуждения чудовища были логичными. Да, я вернулась бы, если бы не видела его лица. Он уже в достаточной степени заинтересовал меня, вызвав жалость своими слезами, и сделал невозможным для меня сопротивление его просьбе. И наконец, мне чужда неблагодарность: его отталкивающая внешность не могла заставить меня забыть, что это был Голос и что он окрылил меня своим гением. Я пришла бы обратно! Но теперь, если я когда-либо выберусь из этих катакомб, я, конечно же, не вернусь. Вы же не вернетесь в могилу с трупом, который любит вас!

Во время последней сцены я имела возможность оценить жестокость его страсти по тому бешеному взгляду, каким он смотрел на меня, или, скорее, по бешеному движению двух черных отверстий в невидимых глазах. Поскольку монстр не обнял меня, воспользовавшись моим состоянием, может быть, он был также ангелом; может быть, в какой-то степени, он действительно был Ангелом музыки и стал бы им в полной мере, если бы Бог одел его душу в красоту, а не в вызывающее отвращение гниение.

Безумная от мыслей о будущем, напуганная тем, что в любой момент дверь спальни с гробом может открыться и появится лицо монстра без маски, я схватила ножницы, которые могли положить конец моей ужасной судьбе..., и вдруг я услышала звуки органа.

Вот тогда-то я начала понимать, что чувствовал Эрик, говоря об «оперной музыке» с презрением, которое удивило меня. Музыка, которую я слышала сейчас, не имела ничего общего с той, что приводила меня в восхищение раньше. Его «Торжествующий Дон Жуан» – я была уверена, что он погрузился в свой шедевр, чтобы забыть ужас настоящего момента, – показался мне вначале только ужасным и одновременно изумительным рыданием, в которое бедный Эрик вложил все свое страдание.

Я вспомнила ноты с красными пометками на них и легко представила, что эта музыка написана кровью. Я поняла всю глубину его мученичества и бездны, в которую попал этот отталкивающий человек; я словно увидела Эрика, ударявшегося своей бедной отвратительной головой о мрачные стены ада и избегавшего людских взглядов из боязни напугать их. Задышавшись, подавленная и полная сострадания, я слушала усиливающиеся звуки грандиозных аккордов, в которых скорбь становилась божественной. Затем все звуки из бездны слились воедино в невероятном, угрожающем полете (кружащаяся в водовороте толпа, которая, казалось, поднималась в небо, как орел, взмывший к солнцу) и переросли в триумфальную симфонию, и я поняла, что произведение заканчивается и что уродство, поднятое на крыльях любви, осмелилось смотреть в лицо красоте.

Я чувствовала себя как будто была пьяна. Я открыла дверь, которая отделяла меня от Эрика. Он встал, услышав меня, но боялся повернуться. «Эрик, – сказала я, – покажите мне ваше лицо без страха. Клянусь, что вы самый великий человек в мире, и, если я когда-либо вздрогну, посмотрев на вас, то только потому, что подумаю о блеске вашего таланта».

Он повернулся, потому что верил мне, и я тоже, к несчастью, верила в себя. Он поднял свои бестелесные руки навстречу судьбе и упал на колени со словами любви. Со словами любви из своего мертвого рта, и музыка прекратилась... Он поцеловал кромку моего платья и не видел, что я закрыла глаза.

Что еще я могу добавить, Рауль? Теперь вы знаете о трагедии. Она продолжалась две недели, две недели, во время которых я, лгала ему. Моя ложь была такой же отвратительной, как монстр, который вдохновлял ее. Такой ценой я вернула себе свободу. Я сожгла его маску и вела себя настолько убедительно, что, даже когда он не пел, он осмеливался заставлять меня смотреть на него, как кроткая собака, стоящая рядом со своим хозяином. Он вел себя, как преданный раб, окружая меня всяческой заботой.

Постепенно он стал доверять мне до такой степени, что брал меня на прогулки вдоль бере-

га озера Аверне и в поездки в лодке через его серые воды. К концу моего пленения он повел меня ночью через ворота, которые закрывают подземный проход на улицу Скриба. Там нас ждал экипаж, и мы поехали в уединенную часть Булонского леса. Ночь, когда мы встретили вас, была для меня почти катастрофой, потому что Эрик очень ревнив. Я смогла успокоить его, сказав, что вы скоро покинете страну.

В конце концов после двух недель этого отвратительного пленения, в котором я испытывала то сострадание и энтузиазм, то отчаяние и ужас, он уже верил мне, когда я говорила ему, что вернусь.

– И вы вернулись, – произнес Рауль удрученно.

– Да, я вернулась, но не угрозы помогли мне сдержать слово, а его рыдания на пороге своей могилы. – Кристина печально покачала головой. – Эти рыдания расположили меня к нему больше, чем я думала, когда сказала ему: «До свидания». Бедный Эрик!

– Кристина, – сказал Рауль, вставая, – вы говорите, что любите меня, и все же ушли обратно к Эрику через несколько часов после того, как он освободил вас! Вспомните маскарад!

– Таково было наше соглашение. Но вы, Рауль, помните, что эти несколько часов я провела с вами – и подвергла нас обоих большой опасности.

– Все это время я сомневался, любите ли вы меня.

– А сейчас вы по-прежнему сомневаетесь в этом? Если так, то позвольте сказать вам, что каждый мой визит к Эрику усиливал ужас, каждый визит вместо того, чтобы успокоить его, как я надеялась, еще больше усиливал его любовь ко мне. И я боюсь! Боюсь!

– Вы боитесь, но любите ли вы меня? Если бы Эрик был красив, любили бы вы меня?

– Зачем искушать судьбу, Рауль? Зачем спрашивать о вещах, которые я скрываю в глубине моего разума, как грех? – Кристина тоже встала и обвила своими красивыми дрожащими руками его шею. – О мой жених, если бы я не любила вас, я не позволила бы вам поцеловать меня в первый и последний раз. Я разрешаю вам это.

Рауль прильнул к ее губам, но окружавшая их ночь вдруг была разорвана на части так страшно, что он и Кристина бросились бежать, как от приближающейся грозы, и, прежде чем они исчезли в лесу бревенчатых балок на крыше, их глаза, полные страха, увидели высоко над собой огромную ночную птицу, пристально смотревшую на них светящимися глазами и которая, казалось, трогала струны лиры Аполлона.

Глава 14. Ловкий ход любителя люков

Рауль и Кристина бежали прочь от крыши, от этих светящихся глаз, которые видны были в темноте, бежали не останавливаясь, пока не достигли наконец восьмого этажа. В тот вечер спектакля не было, и коридоры были пустынные. Неожиданно перед ними появилась странная фигура, загораживая проход.

– Нет, не сюда! – И она указала на коридор, который вел к боковому крылу здания.

Рауль хотел остановиться и потребовать объяснения.

– Идите! Торопитесь! – услышали они голос из-под остроконечной шляпы.

Кристина тянула Рауля за собой, заставляя его бежать.

– Кто это? – спросил Рауль. – Кто этот человек? – Перс.

– Что он здесь делает?

– Никто не знает. Он всегда в Опере.

– Вы заставляете меня быть трусом, Кристина, – сказал Рауль с дрожью в голосе. – Заставляете меня убегать, впервые в моей жизни.

– Я думаю, мы убегали от тени, созданной нашим воображением, – ответила Кристина, немного успокаиваясь.

– Если мы действительно видели Эрика, я должен был пригвоздить его к лире Аполлона, как прибывают сов к стенам ферм в Бретани, и тогда мы покончили бы с ним.

– Сначала вам нужно было взобраться на лиру Аполлона, а это нелегко.

– Но я видел светящиеся глаза.

– Вы становитесь похожим на меня: готовы видеть его повсюду! Позже, вспоминая это, вы, может быть, скажете самому себе: «То, что я посчитал светящимися глазами, было, вероятно, золотыми точками двух звезд, смотревших вниз на город через струны лиры».

Кристина спустилась вниз еще на один этаж, Рауль следовал за ней.

– Раз уж вы приняли решение бежать, – сказал он, – лучше сделать это сейчас, поверьте мне. Зачем ждать до завтра? Эрик, возможно, слышал наш разговор.

– Нет, не слышал. Я уже сказала вам, что сейчас он работает над «Торжествующим Дон Жуаном». Он не-инте-ресуется нами.

– Если бы вы были так уверены в этом, то не оглядывались бы постоянно назад.

– Пойдемте в мою артистическую комнату.

– Давайте встретимся где-нибудь вне здания Оперы.

– Нет, до тех пор, пока мы действительно не уедем. Если я не сдержу своего слова, это не принесет нам счастья. Ведь я обещала, что буду видеться с вами только здесь.

– Я рад, что он разрешил вам хотя бы это. Теперь я понимаю, – с горечью сказал Рауль, – что с вашей стороны было опрометчивостью позволить нам играть в помолвку.

– Но Эрик знает об этом, Рауль. Он сказал мне: «Я доверяю вам. Виконт Рауль де Шаньи влюблен в вас, и он скоро покинет страну. Но, прежде чем он уедет, я хочу, чтобы он стал таким же несчастным, как я».

– Объясните мне, пожалуйста, что это означает?

– Это вы должны объяснить мне. Разве люди несчастны, когда любят?

– Да, когда они любят и не уверены в том, что любимы.

– Вы имеете в виду Эрика?

– И Эрика, и самого себя, – ответил Рауль грустно. Они пришли наконец в артистическую комнату Кристины.

– Почему вы думаете, что здесь вы в большей безопасности, чем где-либо в этом здании? – спросил Рауль. – Если вы слышите голос Эрика через стены, он тоже может слышать нас.

– Нет, он дал мне слово, что не появится здесь больше, и я верю ему. Моя артистическая и моя спальня в доме у озера принадлежат исключительно мне, и он уважает мое уединение, когда я нахожусь там.

– Как вы покинули эту комнату и оказались в темном коридоре? Давайте восстановим, как это могло произойти.

– Это опасно, зеркало может опять захватить меня. И тогда, вместо того чтобы бежать с вами, я должна буду идти в конец потайного хода, ведущего к озеру, и позвать Эрика.

– И он услышит вас?

– Он услышит меня отовсюду. Он сам сказал мне это. Он гений. Не думайте, что он просто человек, находящий удовольствие в том, чтобы жить под землей. Он делает то, чего не может сделать другой, и знает вещи, которые неизвестны миру живущих.

– Будьте осторожны, или превратите его опять в призрак.

– Нет, он не призрак. Он человек неба и земли.

– Человек неба и земли! Как вы говорите о нем! Вы все еще не изменили своего решения уехать со мной?

– Нет, мы уедем завтра.

– Сказать вам, почему я хотел бы, чтобы мы уехали сегодня ночью?

– Скажите, Рауль.

– Потому что завтра вы не решитесь на этот шаг!

– Тогда вы должны будете заставить меня, вопреки моему желанию! Согласны?

– Да! Я буду здесь, в вашей артистической, завтра ночью, в полночь, – сказал Рауль, и его лицо помрачнело. – Что бы ни случилось, я сдержу свое обещание. Вы говорили, что после спектакля он должен уйти и ждать вас в своем доме?

– Да, он сказал, что мы встретимся там.

– И как же вы предполагаете попасть туда, если не знаете, как покинуть вашу артистическую комнату через зеркало?

– Я пойду прямо к озеру.

– Через все подвалы? Вниз по лестницам и по коридорам, где ходят рабочие? Как вы попадете туда незаметно? Каждый сможет проследить за Кристиной Доз, и она придет к озеру с толпой людей.

Кристина достала из ящика большой ключ и показала его Раулю.

– Это ключ к подземному ходу на улицу Скриба.

– Понимаю. Ход ведет прямо к озеру. Дайте мне этот ключ.

– Никогда, – ответила она твердо. – Это будет предательством!

И вдруг Рауль увидел, как она изменилась. Смертельная бледность разлилась по ее лицу.

– Боже мой! – воскликнула она. – Эрик! Эрик! Пощадите меня!

– Тише! – приказал Рауль. – Вы же сами сказали, что он может услышать.

Но поведение Кристины становилось все более необъяснимым. Она сложила руки вместе и повторяла с безумным выражением: «О Боже мой! Боже мой!» – Что случилось? Прошу вас, скажите мне, – умолял виконт.

– Кольцо.

– Что вы имеете в виду? Возьмите себя в руки, Кристина!

– Золотое кольцо, которое он дал мне...

– А, так это Эрик дал вам это золотое кольцо!

– Вы знали это, Рауль! Но вы не знали, что, давая его мне, Эрик сказал: «Я освобождаю вас, но при условии, что это кольцо будет всегда на вашем пальце. Пока вы носите его, вы будете защищены от всех опасностей и Эрик будет вашим другом. Но если вы расстанетесь с ним, то пожалеете об этом, потому что Эрик возьмет реванш». О Рауль, кольцо исчезло. Это ужасно для нас обоих.

Они искали кольцо повсюду, но тщетно.

– Это, должно быть, случилось, когда я поцеловала вас на крыше под лирой Аполлона, – не могла успокоиться Кристина. – Кольцо, наверное, соскользнуло с пальца и упало на улицу. Как мы можем найти его теперь? С нами случится что-то ужасное! О, если бы мы только могли спастись!

– Давайте убежим сейчас же, – снова стал настаивать Рауль.

Кристина колебалась. Ему уже показалось, что она согласится. Но затем, видимо, страх пересилил и она сказала:

– Нет! Завтра!

Она в отчаянии поспешно вышла из комнаты, все еще потирая пальцы в надежде, что это поможет вернуть кольцо. Что же касается Рауля, то он отправился домой, озабоченный всем, что услышал.

– Если я не спасу ее от этого обмана, – сказал он громко в своей спальне, ложась в постель, – она погибла. Но я спасу ее!

Рауль погасил лампу и, лежа в темноте, почувствовал необходимость оскорблять Эрика. Он прокричал три раза:

«Обман! Обман! Обман!» Он приподнялся на одном локте, и холодный пот потек по его вискам. Два глаза, светящиеся, как горячие угли, появились в ногах кровати. Они угрожающе мерцали в темноте. Хотя Рауль не был пуглив, он задрожал. Протянув руку к столику у кровати, он нашел коробку спичек и зажег лампу. Глаза исчезли.

«Кристина сказала мне, – подумал Рауль в тревоге, – что его глаза видны только в темноте. Глаза исчезли, когда я зажег свет, но сам он, возможно, все еще здесь».

Молодой человек встал и тщательно обыскал комнату. Он, как ребенок, посмотрел даже под кровать. Затем, почувствовав себя смешным, громко сказал:

– Чему я должен верить? Где кончается реальность и начинается фантастика? Что она видела? Что она думала, что видела? И что видел я? Действительно ли я видел два светящихся глаза? Или они светились только в моем воображении? Теперь я не уверен ни в чем! Я бы не мог поклясться, что видел эти глаза.

Рауль лег опять в постель и погасил лампу.

И тут глаза появились вновь.

– Ох! – Рауль с трудом дышал. Он сел на кровати, неотрывно глядя на светящиеся точки. Потом, собрав все свое мужество, закричал:

– Это вы, Эрик? Человек, дух или призрак, это вы? – И подумал: «Если это Эрик, то он на балконе».

В ночной рубашке виконт подбежал к маленькому комоду и в темноте нащупал там пистолет. С пистолетом в руке он открыл застекленную дверь на балкон. Ночь была прохладной. Взглянув на пустой балкон, Рауль вернулся в комнату и закрыл дверь. Потом, дрожа, опять лег в постель и положил пистолет на столик в пределах досягаемости руки.

Глаза по-прежнему были здесь, в ногах кровати. А может быть, между кроватью и дверным стеклом или на балконе? Рауль хотел знать. Он хотел также знать, принадлежали ли эти глаза человеческому существу. Он хотел знать все...

Терпеливо, хладнокровно, не нарушая тишины ночи, он взял пистолет и направил его на две золотые звезды, которые все еще смотрели на него со странным, неподвижным сиянием. Он целился долго. Если эти звезды были глазами, и если над ними был лоб, и если он не будет таким неловким... Выстрел нарушил покой спящего дома. И пока люди спешили по коридорам, Рауль сидел в темноте, держа в руке пистолет, готовый выстрелить еще раз. Но две звезды исчезли.

Свет, люди, ужасно встревоженный граф Филипп.

– Что случилось, Рауль?

– Вероятно, мне это приснилось. Я выстрелил в две звезды, которые мешали мне спать.

– Ты в бреду! Ты болен! Пожалуйста, скажи мне, что произошло? – И Филипп взял пистолет.

– Нет, я не в бреду, – возразил Рауль. – И мы скоро узнаем...

Он встал, надел халат и башмаки, взял у слуги свечу, открыл застекленную дверь и вышел на балкон.

Филипп видел, что пуля прошла через стекло на высоте головы человека. Рауль со свечой склонился над полом балкона.

– О! – воскликнул он. – Кровь! Кровь-, здесь..., там. Еще кровь. Хорошо! Призрак, который истекает кровью, менее опасен! – добавил он с мрачной усмешкой.

– Рауль! Рауль! – Филипп встряхнул его, как будто пытался разбудить лунатика от его опасного сна.

– Я не сплю, мой дорогой брат, – запротестовал Рауль нетерпеливо. – Ты же видишь кровь, каждый может видеть это. Я думал, мне это снится, и выстрелил в две звезды. Это были глаза Эрика, и это его кровь! – сказал он с внезапной тревогой. – Но, может быть, я поступил неправильно, стреляя, и Кристина не простит мне этого. Этого могло не произойти, если бы я принял меры предосторожности и закрыл шторы балкона, прежде чем лег в постель.

– Рауль! Ты потерял рассудок? Проснись!

– Опять! Ты лучше бы помог мне разыскать Эрика. В конце концов, возможно же найти истекающее кровью привидение.

– Это правда, мсье, – сказал слуга Филиппа, – на балконе кровь.

Слуга принес лампу, и они смогли рассмотреть все при свете. След крови остался на перилах балкона, затем тянулся к водосточной трубе.

– Ты стрелял в кошку, мой мальчик, – улыбнулся Филипп.

– К сожалению, – сказал Рауль со смехом, – это вполне возможно. С Эриком никогда не знаешь наверняка. Был ли это Эрик? Была ли это кошка? Или привидение? Живая плоть или тень? Нет, нет, с Эриком никогда не знаешь!

Рауль продолжал в таком же духе, делая странные замечания, которые имели отношение к странным вещам, кажушимся и реальными, и сверхъестественными, о которых Кристина говорила ему; и эти замечания дали повод многим людям считать, что его рассудок расстроен. Даже Филипп был поколеблен, и позже мировой судья не испытал затруднений в вынесении заключения на основе доклада полицейского комиссара.

– Кто этот Эрик? – спросил Филипп, сжимая руку Рауля.

– Мой соперник! И если он еще не умер, я хотел бы, чтобы это произошло.

Рауль сделал жест, чтобы слуги удалились. Дверь спальни закрылась, оставив двух братьев наедине. Но, уходя, камердинер Филиппа услышал, как Рауль четко произнес: «Завтра ночью я намерен бежать с Кристиной Доэ».

Эти слова позже он повторил мсье Фору, мировому судье, но что сказали друг другу братья в ту ночь, так и осталось неизвестным. Слуги говорили, что это была не первая их ссора. Они слышали крики, и часто звучало имя певицы Кристины Доэ.

На следующее утро перед завтраком, который Филипп всегда съедал в кабинете, он пригласил брата присоединиться к нему. Рауль пришел мрачный и молчаливый. Сцена была короткой.

Филипп: Прочитай это.

Протянув Раулю газету «Эпок», он указал на сообщение в колонке слухов. Рауль, читая громко, в напыщенной манере: «Большая новость в аристократических кругах – помолвка мадемуазель Кристины Доэ, оперной певицы, с виконтом Раулем де Шаньи. Если верить закулисным слухам, граф Филипп де Шаньи поклялся, что впервые член его семьи не сдержит своего обещания. Поскольку любовь, особенно в Опере, всемогуща, можно только гадать, какие средства граф Филипп может употребить, чтобы помешать своему брату повести „новую Маргариту“ к алтарю. Оба брата, говорят, обожают друг друга, но граф сильно ошибается, если ожидает, что братская любовь победит любовь романтическую».

Филипп (печально): Видишь, Рауль, ты делаешь из нас посмешище. Эта девица полностью заморочила тебе голову своими сказками о привидениях.

(Это говорит о том, что Рауль пересказал историю Кристины своему брату.) Рауль: Прощай, Филипп.

Филипп: Ты принял решение? Ты уезжаешь сегодня ночью? – Никакого ответа. – Ты уезжаешь..., с ней? Но ты не сделаешь какой-нибудь глупости, не правда ли? – Опять никакого ответа. – Нет, не сделаешь! Я остановлю тебя.

Рауль: Прощай, Филипп.

Он уходит.

Эта сцена была описана мировому судье самим Филиппом, который больше не видел Рауля до того вечера в Онере, когда исчезла Кристина.

Рауль провел весь день в приготовлениях к бегству. Лошади, экипаж, кучер, провизия, багаж, необходимые деньги, маршрут (чтобы сбить призрак со следа, они не поедут поездом) – все это заняло его до девяти часов вечера.

В девять часов дорожная карета с занавесками, задернутыми на плотно закрытых окнах, присоединилась к очереди экипажей на стороне ротонды. Карета была запряжена двумя сильными лошадьми, управлял ею кучер, большая часть лица которого была скрыта длинным шарфом. Перед этой каретой было три других экипажа: двухместная карета, принадлежавшая, как было позже установлено, Карлотте, которая внезапно вернулась в Париж; карета Ла Сорелли и во главе очереди стоял экипаж графа Филиппа де Шаньи. Никто из кареты не вышел. Кучер оставался на своем месте, как, впрочем, и три других кучера.

Фигура в широком черном плаще и черной фетровой шляпе прошла по тротуару между ротондой и экипажами. Казалось, дорожная карета привлекла особое внимание этой странной личности. Человек приблизился к лошадям, затем к кучеру и удалился, не сказав ни слова.

Расследование установило, что этим человеком был виконт Рауль де Шаньи. Я, однако, не верю этому, поскольку Рауль в тот вечер был в цилиндре, как и в другие вечера, и этот цилиндр позже нашли. Думаю, что скорее всего это был призрак Оперы, который, как вскоре станет очевидным, знал обо всем.

В этот вечер давали «Фауста». Публика была чрезвычайно изысканной, аристократической. В те дни подписчики не одалживали и не сдавали в аренду свои ложи и не делили их с финансистами, бизнесменами или иностранцами. Это сейчас в ложе маркиза такого-то, которая до сих пор называется так, потому что у маркиза был контракт, отдававший ему ложу во владение, мы можем видеть торговца свининой, непринужденно сидящего там со своей семьей. И он имеет на

это полное право, поскольку заплатил за ложу маркиза. В прошлом же такая практика была невозможна. Ложи в Опере были своего рода гостиницами, где можно было встретить или увидеть членов высшего общества, которые любили музыку.

Эти люди, хотя и не обязательно часто общались, но знали каждого по имени и в лицо, и лицо графа де Шаньи было им всем знакомо.

Сообщение, опубликованное утром в колонке слухов «Эпок», очевидно, произвело должный эффект, потому что все глаза были устремлены к ложе, где граф Филипп сидел один, судя по всему, беззаботный и спокойный. Женщины в этом блестящем собрании были, кажется, сильно заинтригованы, и отсутствие брата графа вызывало бесконечный шепот за веерами.

Когда Кристина появилась на сцене, ей оказали довольно прохладный прием. Высший свет, видимо, не мог простить певице того, что она хотела выйти замуж за человека, стоящего на социальной лестнице намного выше ее самой. Кристина почувствовала эту враждебность и расстроилась.

Завсегдатаи Оперы, которые утверждали, что знают о любовной связи виконта, открыто улыбались при некоторых пассажах в партии Маргариты. И они, не скрываясь, повернулись к ложе Филиппа де Шаньи, когда Кристина запела:

Я хотела бы знать,
Кто он, обратившийся ко мне?
Благороден ли, он
Или хотя бы как его зовут?

Подперев подбородок рукой, Филипп, казалось, не замечал внимания, оказываемого ему залом. Его глаза были устремлены на сцену. Но смотрел ли он на нее? Его мысли витали где-то далеко.

Кристина быстро теряла уверенность, дрожала. Она шла навстречу катастрофе... Каролас Фонта думал, не больна ли она и сможет ли продержаться до конца акта. Публика помнила, что произошло на последнем представлении с Карлоттой: историческое кваканье, которое на время приостановило ее карьеру в Париже.

И как раз в это время в одну из лож вошла Карлотта. Это было сенсационное появление. Бедная Кристина посмотрела вверх на новую причину движения в зале и узнала свою соперницу. Ей показалось, что Карлотта насмешливо улыбается. Именно это спасло Кристину. Она забыла обо всем, думая только об одном: добиться нового триумфа.

С этого момента все изменилось. Кристина пыталась превзойти все, что сделала до этого, и преуспела. В последнем акте, когда она начала призывать ангелов подняться в небо, ее пение увлекло за собой трепещущую публику, казалось, ощутившую, что и у нее есть крылья.

При этом сверхчеловеческом зове в центре амфитеатра встал мужчина с лицом, обращенным к Кристине, как будто он покидал землю вместе с ней. Это был Рауль.

Ангел, благословенный небом...

И с простертыми руками, поднятой грудью, окутанная волосами, свободно падающими на ее оголенные плечи, Кристина издала божественный возглас:

Мой дух стремится к тебе на покой!

И в этот момент сцена неожиданно погрузилась в темноту. Это длилось одно мгновение, у зрителей едва хватило времени воскликнуть в удивлении. Но когда сцена опять осветилась, Кристины там не оказалось. Что стало с ней? Какое чудо произошло? Зрители обменивались недоуменными взглядами. Волнение быстро достигло своего пика как на сцене, так и в зале. Люди спешили из-за кулис к тому месту, где несколько секунд назад стояла певица.

Куда исчезла Кристина? Какое колдовство вырвало ее из рук Кароласа Фонты на глазах у

восторженных зрителей? Оставалось только предположить, что ангел ответил на ее пылкую мольбу, забрав ее тело и душу на небо.

Рауль, все еще стоя в амфитеатре, горько рыдал. Граф Филипп поднялся с места в своей ложе. Люди смотрели на сцену, на графа и его брата, гадая, имеет ли это странное происшествие какую-то связь со слухами, о которых сообщила утренняя газета.

Рауль быстро оставил свое место, Филипп исчез из ложи, и пока занавес закрывали, публика поспешила к входу за кулисы. Зрители ждали объявления. Шум стоял неопиcуемый. Все говорили сразу, и у каждого было свое объяснение случившегося.

– Она упала в люк.

– Ее подняли на канатах на чердак. Бедная девушка стала, возможно, жертвой какого-то сценического эффекта, который новая администрация испытала впервые.

– Это было заранее запланированное похищение. Это подтверждает тот факт, что на сцене стало темно, когда она исчезла.

Наконец занавес медленно поднялся. Каролас Фонта взошел на подиум дирижера оркестра и печально объявил:

– Дамы и господа, случилось что-то невероятное и глубоко тревожное. Наша несравненная Кристина Доз исчезла, и никто не знает, каким образом!

Глава 15. Странное поведение английской булавки

Возбужденная толпа вторглась на сцену. Певцы, рабочие сцены, танцовщики, статисты, хористы, завсегдатаи – все они что-то спрашивали, кричали, толкались.

– Что случилось?

– Ее похитили!

– Это сделал виконт де Шаньи!

– Нет, это его брат!

– Ах, вот и Карлотта. Это ее козни.

– Нет, это был призрак!

Некоторые смеялись, особенно после того, как осмотр пола и люков исключил возможность несчастного случая.

В этой пестрой толпе трое мужчин о чем-то спорили низкими голосами, отчаянно жестикулируя: Габриэль, хормейстер, Мерсье, администратор, и Реми, секретарь. Они уединились в углу прохода между сценой и широким коридором, ведущим в комнату отдыха балерин, за скоплением какой-то бутафории.

– Я постучал, но они не ответили. Может быть, их нет в кабинете. Но этого никак нельзя узнать, потому что они взяли ключи.

Так говорил Реми и, несомненно, имел в виду двух директоров Оперы. Во время последнего антракта они приказали, чтобы их не беспокоили ни по какому поводу.

– Но исчезновение певицы со сцены случается не каждый день! – горячился Габриэль.

– Вы сообщили им об этом хотя бы через дверь? – спросил Мерсье секретаря.

– Я сейчас же пойду туда, – сказал Реми и убежал. Затем пришел режиссер.

– Месье Мерсье, пойдете! Что вы оба делаете здесь? Вы нужны внизу, мсье.

– Я не собираюсь ничего слышать и тем более делать, пока не придет комиссар Мифруа! – заявил Мерсье. – Я послал за ним. Когда он будет здесь, мы посмотрим. – А я говорю, что вы немедленно должны пойти вниз к трубе органа.

– Нет, пока здесь не появится Мифруа.

– Сам я уже был там.

– Ну и что же вы видели?

– Я никого не видел. Понимаете? Никого!

– Но я ничего не могу поделать с этим, не правда ли?

– Конечно нет, – ответил режиссер, бешено ероша свои буйные волосы. – Но если кто-то в тот момент был у трубы органа, он, вероятно, сможет рассказать нам, каким образом вся сцена

сразу погрузилась в темноту. Но мы нигде не можем найти Моклера, понимаете?

Моклер был шефом группы осветителей, который менял день и ночь на сцене Оперы.

– Не можете нигде найти Моклера? – повторил потрясенный Мерсье. – А его помощники?

– Ни Моклера, ни его помощников! Никого из группы осветителей, я вам говорю, – закричал режиссер. – Вы же понимаете: эта девушка не могла исчезнуть сама по себе! Все было кем-то спланировано, организовано, и мы должны узнать, кем. А администраторов нет... Я приказал, чтобы никто не ходил вниз, к контрольным щитам освещения, и поставил пожарного у трубы органа. Разве я сделал что-то неправильно?

– Нет-нет, вы совершенно правы. А теперь давайте подождем комиссара.

Режиссер ушел, недовольно пожимая плечами и что-то бормоча относительно «молокососов», которые спокойно слоняются по коридорам в то время как вся Опера «перевернута вверх дном».

Габриэля и Мерсье вряд ли можно было обвинить в спокойствии. Но они получили приказ, который парализовал их: директоров нельзя было беспокоить ни под каким предлогом. Реми пытался нарушить этот приказ, но безуспешно. И сейчас он вернулся после очередной попытки. На его лице было написано замешательство.

– Ну, вы говорили с ними? – спросил Мерсье.

– Мушармен в конце концов открыл дверь, – ответил Реми. – Когда он увидел меня, его глаза чуть не вылезли из орбит. Я думал, он меня ударит. Я не смог промолвить ни слова, и знаете, что он заорал: «У вас есть английская булавка?» – «Нет», – ответил я. «Тогда оставьте меня в покое!» – опять закричал он. Я пытался ему объяснить, что случилось на сцене, но он только повторял: «Английскую булавку! Достаньте мне английскую булавку, сейчас же!» Рассыльный, который услышал это, – он смеялся во всю мощь своих легких, – прибежал с английской булавкой, и, получив ее, Мушармен захлопнул дверь перед моим носом. Вот и все!

– Почему вы не сказали ему о Кристине Доэ...

– Хотел бы я видеть, как вы бы это сделали! У него шла пена изо рта. Он ни о чем не думал, кроме как о булавке. Было такое впечатление, что если бы ему не дали ее сразу, он умер бы от апоплексического удара. Все это противостоит природе. Наши директора сошли с ума. – И Реми, недовольный, добавил: – Так продолжаться дальше не может! Я не привык, чтобы со мной обращались подобным образом.

Вдруг Габриэль прошептал:

– Это еще один трюк призрака Оперы! Реми пренебрежительно засмеялся.

Мерсье вздохнул и, казалось, хотел что-то сказать, но, увидев, что Габриэль подает ему знаки, чтобы он молчал, промолчал. Он чувствовал, что вся ответственность ложится на него, пока Ришар и Мушармен все еще не появились. В конце концов Мерсье не смог больше сдерживать себя.

– Я сам пойду за ними, – решил он.

Габриэль, ставший вдруг серьезным, остановил его:

– Подумайте, что вы делаете, Мерсье! Может быть, они остаются в кабинете, потому что это необходимо! Неизвестно, что на уме у призрака!

Но Мерсье покачал головой:

– Я все равно пойду. Если бы меня послушали, полиции давно уже было бы все известно. – И он ушел.

– Что он имеет в виду? – удивленно спросил Реми. – О чем это нужно было рассказать полиции? Вы не отвечаете, Габриэль, значит, вы тоже с ним заодно. Вам лучше рассказать мне обо всем, если не хотите, чтобы я объявил, что вы все походили с ума! Да, с ума!

Габриэль недоуменно взглянул на Реми, притворившись, что озадачен его непристойным возмущением.

– Сказать о чем? Я не понимаю, что вы имеете в виду.

– Во время антракта сегодня, здесь, – продолжал Реми раздраженно, – Ришар и Мушармен вели себя как помешанные!

– Я не заметил, – с досадой отозвался Габриэль.

– Тогда вы единственный, кто не заметил этого? Вы думаете, я их не видел? И что мсье Парабис, управляющий «Кредит Централь», ничего не видел? И что у посла де ла Бордери глаза были закрыты?

– А что случилось с нашими директорами? – просто г душно спросил Габриэль.

– Что случилось с ними? Вы лучше чем кто-либо другой знаете, что они сделали! Вы и Мерсье присутствовали там! Вы были единственными, кто не смеялся!

– Я не понимаю. – С бесстрастным лицом Габриэль поднял руки и опустил их – жест, который, очевидно, должен был дать понять, что он не заинтересован в этом деле.

Реми продолжал:

– Что это за новая мания у них? Теперь они не позволяют, чтобы кто-нибудь близко подходил к ним, – Что? Они не позволяют приближаться к ним?

– Да, они не позволяют никому ни приближаться, ни прикасаться к ним.

– В самом деле? Вы заметили, что они не позволяют никому прикасаться к ним? Это, несомненно, странно!

– Я рад, что вы признаете это. Пора бы. Они ходят задом!

– Задом? Вы заметили, что наши импресарио ходят задом наперед? Я думал, только раки передвигаются таким образом.

– Не шутите, Габриэль!

– Я не шучу, – запротестовал Габриэль, глядя серьезно, как судья.

– Вы их близкий друг, Габриэль, может быть, вы сможете объяснить это мне: во время антракта после сцены в саду, когда я подошел к Ришару, чтобы пожать ему руку, Мушармен быстро прошептал мне: «Уходите! Уходите! Что бы то ни было, не прикасайтесь к нему!» Они, что же, думают, у меня чума?

– Невероятно!

– И немного позже, когда посол де ла Бордери тоже подошел к Ришару, вы, вероятно, видели, как Мушармен встал между ними и громко сказал: «Пожалуйста, мсье, не прикасайтесь к мсье Ришару!» – Поразительно! И что же сделал Ришар?

– Что он сделал? Вы же сами видели! Он обернулся, поклонился, хотя перед ним никого не было, и пошел задом наперед!

– Задом наперед?

– И Мушармен тоже обернулся и тоже пошел задом! И они оба попятились к лестнице таким образом. Если они не сумасшедшие, то скажите мне тогда, что все это значит?

– Может быть, они репетируют балетное па, предположил Габриэль без особой убежденности.

Реми, возмущенный столь глупой шуткой в такой серьезный момент, нахмурился, сжал губы и склонился к уху Габриэля:

– Не пытайтесь острить, Габриэль. Здесь происходят вещи, за которые вы и Мерсье тоже несете ответственность.

– Какие вещи?

– Кристина Доз не единственная, кто исчез сегодня вечером.

– В самом деле?

– Да, это так. Можете вы сказать мне, почему, когда мадам Жири зашла в комнату отдыха некоторое время назад, Мерсье взял ее под руку и поспешно увел?

– Я этого не заметил, – сказал Габриэль.

– Вы заметили это так хорошо, что последовали за Мерсье и мадам Жири в кабинет Мерсье. И в тех пор никто не видел мадам Жири.

– Вы думаете, мы ее съели?

– Нет, но вы заперли ее в кабинете. И знаете, что слышат люди, проходя мимо его дверей. Они слышат крики:

«Негодяи! Негодяи!» В этот момент к ним подошел запыхавшийся Мерсье.

– Теперь все еще хуже, чем когда бы то ни было, – произнес он угрюмо. – Я стал кричать им: «Это очень серьезно! Откройте дверь! Это я, Мерсье!» Я услышал шаги, потом дверь откры-

лась, и я увидел Мушармена. Он был очень бледен. «Чего вы хотите?» – спросил он. Я сказал: «Кристина Доэ похищена!» И знаете, что он ответил мне: «Тем лучше для нее!» Затем он положил мне в руку вот это и закрыл дверь. Мерсье разжал ладонь. Реми и Габриэль посмотрели на то, что он держал. – Английская булавка! – вскричал Реми. – Странно! Странно! – пробормотал Габриэль, который не мог сдержать дрожь. Вдруг голос заставил всех троих повернуть головы. – Извините меня, мсье, может быть, вы скажете мне, где Кристина Доэ? Несмотря на серьезность ситуации, этот вопрос, вероятно, заставил бы их засмеяться, если бы они не увидели молодого человека со скорбным лицом, способным вызвать только жалость. Это был виконт Рауль де Шаньи.

Глава 16. Кристина! Кристина!

После фантастического исчезновения Кристины первой мыслью Рауля было обвинить в этом Эрика. У него больше не оставалось никаких сомнений в почти сверхъестественной силе Ангела музыки в этом королевстве Оперы, где он установил свою дьявольскую власть.

И Рауль поспешил на сцену в безумии отчаяния и любви.

– Кристина! Кристина! – стонал он, словно потеряв рассудок, призывая ее, так же как она, все еще дрожащая от божественной экзальтации, одетая в белый саван, должно быть, взывала к нему из темной пропасти, в которую, словно дикое животное свою добычу, унесло ее чудовище.

– Кристина! Кристина! – повторял Рауль. И ему казалось, что он слышит ее крики через хрупкие стены, которые отделяли его от мира. Он чутко прислушивался. А потом опять блуждал по сцене как безумный. Если бы только он мог сойти туда, вниз, вниз, вниз, в это царство тьмы, все входы в которое были закрыты для него. Хрупкое препятствие, подмости, обычно отходившие так легко, что Рауль мог видеть пропасть, которая привлекала все его помыслы, подмости, скрипевшие под его шагами и распространявшие их звуки, словно эхо в жуткой пустоте подвалов, – эти подмости были теперь неподвижны. Более того, казалось, они вообще никогда не сдвигались. И теперь лестницы, которые вели под сцену, были закрыты для всех.

– Кристина! Кристина!

Люди отталкивали несчастного, смеялись, подшучивали над ним, думая, вероятно, что рассудок бедного жениха помутился.

В дикой гонке вдоль темных, таинственных проходов, известных только ему, Эрик, должно быть, волочил бедную невинную Кристину в свое отвратительное логово, в спальню в стиле Луи-Филиппа, выходящую на адское подземное озеро.

– Кристина! Кристина! Вы не отвечаете! Не умерли ли вы в момент всеохватывающего ужаса от горячего дыхания монстра?

Ужасные мысли вспыхивали, словно молнии, в отяжелевшей голове Рауля. Эрик, очевидно, раскрыл их секрет и узнал, что Кристина предала его. И теперь мстит ей! После такого удара по самолюбию этот злой гений не остановится ни перед чем. В его могучих руках Кристина обречена!

Рауль опять подумал о золотых звездах, которые видел в своей комнате. Если бы только пистолет был способен уничтожить их!

Существуют, конечно, необычные человеческие глаза, которые расширяются в темноте и светятся, как звезды или как глаза кошки. (Кроме того, всем известно, у некоторых альбиносов кроличьи глаза при дневном свете и кошачьи – ночью.) Да, он действительно выстрелил в Эрика! Если бы только он убил его! Монстр сбежал по водосточной трубе, как кошка или преступник, которые (опять же, как всем известно) могут карабкаться по водосточным трубам хоть до самого неба. Эрик, вероятно, замыслил что-то против Рауля, но, раненный, убежал и обратил свой гнев против своей возлюбленной.

Такие жестокие мысли роились в голове бедного Рауля, когда он бросился в артистическую комнату Кристины.

– Кристина! Кристина!

Горькие слезы обожгли веки несчастного, когда он увидел разбросанную повсюду одежду, которую его невеста намеревалась взять с собой, готовясь к побегу. Если бы она согласилась уехать раньше! Почему она медлила? Почему играла с судьбой и с сердцем монстра? Почему в конечном акте милосердия она дала этой демонической душе пищу своей божественной песней:

Ангел, благословенный небом,
Мой дух стремится к тебе на покой!

Рыдая, произнося клятвы и оскорбления, Рауль неуклюже ощупывал руками большое зеркало, которое открылось однажды ночью и впустило Кристину во владения Эрика. Но все напрасно: очевидно, зеркало повиновалось только Эрику. А может быть, любые действия вообще бесполезны в обращении с такими зеркалами, может быть, нужны какие-то особые слова, заклинания. В детстве ему рассказывали такие истории.

Вдруг виконт вспомнил о воротах, открывающихся на улицу Скриба, подземном ходе, ведущем от озера к улице. Да, Кристина говорила ему об этом! К своему ужасу, он обнаружил, что большого ключа в ящике нет, но решил пойти на улицу Скриба в любом случае.

Он вышел из здания Оперы и стал ощупывать дрожащими руками огромные камни в поисках отверстий. Наткнулся на железную решетку. Та ли это решетка, которая была нужна ему? Или это другая? Рауль беспомощно взглянул сквозь решетки. Как темно там внутри! Он прислушался. Какое безмолвие! Он обошел вокруг здания. Вот мощные решетки и большие ворота! Но, увы, это были только ворота во двор администрации...

Рауль пошел к консьержке.

– Извините меня, мадам, можете вы сказать, как найти ворота, ворота, сделанные из решеток, железных решеток, которые выходят на улицу Скриба и ведут к озеру? Вы знаете озеро, подземное озеро под Оперой!

– Я знаю, что под Оперой есть озеро, но какие ворота ведут к нему – нет, этого я не знаю.

– А как насчет улицы Скриба, мадам? Улица Скриба! Были когда-нибудь на улице Скриба?

Она только засмеялась. Рауль поспешил прочь вне себя от ярости. Он бегал вверх и вниз по лестницам, прошел через всю административную часть здания и оказался на ярко освещенной сцене.

Здесь он остановился, тяжело дыша и с сильно бьющимся сердцем. Может быть, Кристина нашлась. Он подошел к группе мужчин.

– Извините, мсье, вы не видели Кристину Доз? – спросил он.

Они рассмеялись.

Услышав новый гул голосов на сцене, Рауль повернулся и увидел человека, который проявлял все признаки спокойствия, несмотря на возбужденную жестикуляцию толпы мужчин в черных фраках, окруживших его. У него было розовое, краснощекое, дружеское лицо, обрамленное кудрявыми волосами и освещенное двумя ясными голубыми глазами.

Мерсье указал в сторону незнакомца и кивнул Раулю:

– Вот человек, к которому вы должны адресовать свой вопрос, виконт. – И он представил Рауля полицейскому комиссару Мифруа.

– А, виконт де Шаньи, – сказал Мифруа. – Рад видеть вас, мсье. Не будете ли вы так добры пройти со мной... И теперь, где директора? Где они?

Поскольку Мерсье хранил молчание, Реми взялся сообщить Мифруа, что мсье Ришар и Мушармен заперлись в своем кабинете и все еще ничего не знают об исчезновении Кристины Доз.

– Странно! Пойдемте к ним.

И Мифруа, за которым следовала толпа, продолжавшая расти, направился к кабинету. Мерсье, воспользовавшись ситуацией, незаметно передал Габриэлю ключ.

– Дела идут плохо, – сказал он вполголоса. – Пойдите и дайте мадам Жири возможность

подышать свежим воздухом.

Габриэль ушел.

Толпа скоро подошла к двери директорского кабинета. Мерсье стучал напрасно – за дверью не реагировали.

– Откройте, именем закона! – приказал наконец Мифруа громко, с тревогой в голосе.

И тут дверь открылась. Люди поспешили в кабинет вслед за комиссаром.

Рауль должен был войти последним. Когда он уже намеревался это сделать, на его плечо опустилась рука и он услышал слова, сказанные почти на ухо: «Секреты Эрика не касаются никого, кроме него».

Молодой человек обернулся и подавил восклицание. Позади него стоял смуглый мужчина с зелеными глазами, на голове которого красовалась остроконечная каракулевая шапка. Перс! Он поднес руку к губам, призывая к благоразумию, и затем, не дав изумленному Раулю спросить его о причине столь загадочного вмешательства, поклонился, отошел и исчез.

Глава 17. Удивительные откровения мадам Жири, касающиеся ее личных отношений с призрак Оперы

Прежде чем мы последуем за полицейским комиссаром Мифруа в кабинет директоров Оперы, в который Мерсье и Реми тщетно пытались войти раньше, читатель должен позволить мне рассказать о некоторых весьма необычных событиях, имевших место в последние часы. Ришар и Мушармен заперлись в кабинете по причине, которая все еще неизвестна читателю. Мой долг, долг историка, раскрыть эту причину без дальнейшего отлагательства.

Я уже говорил о неприятной перемене, которая произошла недавно в настроении директоров Оперы, и дал читателю понять, что эта перемена не была вызвана лишь падением люстры при обстоятельствах, с которыми мы знакомы.

И хотя Ришар и Мушармен предпочли бы, чтобы этот факт так и остался неизвестным, я все же расскажу теперь читателю, что призрак получил первую выплату в двадцать тысяч франков. Были слезы и скрежетание зубами, но дело было сделано очень просто.

Однажды утром директора нашли на своем столе конверт. В нем была записка от призрака Оперы:

«Настало время выполнить обязательство, обусловленное в книге инструкций. Положите двадцать тысяч франков в этот конверт, запечатайте его, скрепите собственной печатью и отдайте конверт мадам Жири, которая сделает все, что необходимо».

Директора не стали ждать, чтобы им дважды повторяли это требование. Не теряя времени и все еще гадая, как эти дьявольские записки попадают в запертый кабинет, они решили, что наконец-то им предоставляется очень хороший шанс схватить загадочного шантажиста. Они рассказали о требовании Габриэлю и Мерсье, взяв с них обещание хранить все в секрете, затем положили двадцать тысяч франков в конверт и, не спрашивая объяснений, отдали его мадам Жири, которая была восстановлена в своей прежней должности билетерши. Она не выразила удивления. Разумеется, за ней установили тщательное наблюдение.

Мадам Жири пошла прямо в ложу призрака положила ценный пакет на перила. Габриэль, Мерсье и оба директора спрятались таким образом, что конверт не выходил из их поля зрения ни во время представления в тот вечер, ни после него, потому что, видя конверт на месте, они сами никуда не уходили. Зрительный зал уже опустел, и мадам Жири ушла домой, когда в конце концов, устав ждать, они открыли конверт, естественно, убедившись, что печать на нем не сорвана.

Сначала Ришар и Мушармен решили, что деньги все еще в конверте, но затем поняли, что содержимое подменила двадцать настоящих банкнот были заменены на «игральные деньги». Оба директора были в бешенстве – и напуганы тоже.

– Роберт Худен <Роберт Худен – знаменитый французский иллюзионист XIX века.> не мог бы сделать лучше, – заметил Габриэль.

– Да, – кивнул Ришар, – и стоит это намного больше.

Мушармен хотел немедленно послать за полицейским комиссаром. Ришар был против это-

го – у него был собственный план.

– Давайте не будем делать из себя посмешище, – сказал он. – Весь Париж будет смеяться над нами. Призрак выиграл первый раунд, но мы выиграем второй.

Очевидно, Ришар думал о следующей месячной выплате.

Их так ловко перехитрили, что и недели спустя они чувствовали себя удрученными. И это было вполне понятно. Они не вызывали полицию, потому что в глубине души все еще надеялись, что странный инцидент – всего лишь дурная шутка, возможно, разыгранная их предшественниками, и что следует молчать, пока они не доберутся до сути происшедшего. Однако иногда Мушармен начинал подозревать даже Ришара, чье воображение порой приобретало смехотворные формы.

Итак, готовые ко всяким непредвиденным обстоятельствам, они ждали дальнейшего развития событий, наблюдали за мадам Жири, буквально не спуская с нее глаз. Ришар был против, чтобы ей говорили что-нибудь.

– Если она соучастница, – доказывал он, – то деньги были изъяты уже давно. Но я думаю, что она просто идиотка.

– В этом деле есть несколько идиотов, – ответил Мушармен глубокомысленно.

– Откуда мы могли знать? – тяжело вздохнул Ришар. – Не беспокойтесь, в следующий раз мы примем все меры предосторожности.

И этот следующий раз настал – в день, когда исчезла Кристина.

Утром любезная записка от призрака напомнила им, что приближается очередная выплата:

«Сделайте так же, как в последний раз. Все прошло очень хорошо. Положите двадцать тысяч франков в конверт и отдайте его нашей замечательной мадам Жири».

Записка была вложена в конверт, подписанный: «Призраку Оперы (лично)». Его оставалось только заполнить банкнотами.

Операцию планировалось провести за полчаса до начала того памятного представления. А теперь заглянем в берлогу директоров за полчаса до подъема занавеса в этом ставшем слишком знаменитом представлении «Фауста».

Ришар показал Мушармену конверт, затем отсчитал двадцать банкнотов по тысяче франков и положил их в конверт, но не запечатал его.

– А теперь, – сказал он, – давайте поговорим с мадам Жири.

Послали за старой женщиной. Она вскоре вошла, сделав грациозный реверанс. Одета она была в то же когда-то черное, а теперь ржаво-сиреневое платье из тафты, на голове ее красовалась выцветшая шляпа с перьями. Мадам Жири, казалось, пребывала в хорошем настроении.

– Добрый вечер, мсье, – поздоровалась она. – Полагаю, вы хотели, чтобы я пришла за конвертом?

– Правильно, мадам Жири, за конвертом, – сказал Ришар дружелюбно. – И за чем-то еще!

– Я к вашим услугам, мсье, к вашим услугам! И что же это «что-то еще»?

– Прежде всего, мадам Жири, я хотел задать вам маленький вопрос.

– Спрашивайте, мсье, я здесь, чтобы ответить вам.

– Вы все еще в хороших отношениях с призраком?

– В очень хороших, мсье. Они не могли бы быть лучше.

– Мы счастливы слышать это. Теперь, только между нами, – сказал Ришар тоном, каким обычно открывают важный секрет, – нет никакой причины, чтобы нам не сказать это... В конце концов, вы же не глупая...

– Конечно, нет, мсье! – воскликнула она, прекратив легкое покачивание двух черных перьев на своей выцветшей шляпе. – Ни у кого не возникало сомнений на этот счет, поверьте мне.

– Я верю вам и думаю, что мы хорошо поймем друг друга. Эта история с привидением только шутка, не правда ли? И опять только между нами, это продолжается уже довольно долго, так?

Мадам Жири смотрела на директоров так, как будто они говорили с ней по-китайски. Она подошла к столу Ришара и спросила с тревогой в голосе:

– Что вы имеете в виду? Я не понимаю.

– Вы прекрасно понимаете. В любом случае вы должны понимать. Во-первых, скажите нам его имя.

– Чье имя?

– Человека, сообщником которого вы являетесь, мадам Жири.

– Я – сообщница призрака? Вы думаете, я сообщница в чем?

– Вы делаете все, что бы он ни захотел.

– О! Он не очень надоедлив, вам это известно.

– И он всегда дает вам чаевые!

– У меня нет жалоб на этот счет.

– Сколько он дает вам за то, что вы приносите ему этот конверт?

– Десять франков. – И все? Немного!

– Но почему вы спрашиваете?

– Я скажу вам немного позже. Сейчас же мы хотели бы узнать, по какой чрезвычайной причине вы отдали тело и душу этому призраку, а не другому. За пять или десять франков нельзя купить дружбу и преданность, мадам Жири.

– Это верно! И я могу сказать вам о причине, мсье. В этом нет ничего бесчестного, поверьте, совсем ничего.

– Мы не сомневаемся, мадам Жири.

– Все в порядке, тогда... Призрак не любит, когда я говорю о Нем. – Ох! – воскликнул Ришар с саркастическим смехом.

– Но это касается только меня, – продолжала старая женщина. – Однажды в пятой ложе я нашла письмо ко мне или, скорее, записку, написанную красными чернилами. Я не стану вам читать эту записку, мсье, потому что знаю ее на память и никогда не забуду ее содержание, если даже доживу до ста лет.

И, сидя прямо, она с трогательным пафосом начала повторять по памяти:

«Мадам, в 1825 году мадемуазель Менетрие, балерина, стала маркизой де Кусси. В 1832 году Мари Таглиони, танцовщица, вышла замуж за графа Жильбера де Войсин. В 1840 году Ла Сора, танцовщица, вышла замуж за брата короля Испании. В 1847 году Лола Монтес, танцовщица, вступила в морганатический брак с королем Луи Баварским и стала графиней Лансфелд. В 1848 году мадемуазель Мария, танцовщица, стала баронессой д'Хермвиль. В 1870 году Тереза Хесслер, танцовщица, вышла замуж за Дона Фернандо, брата короля Португалии...» Ришар и Мушармен слушали это перечисление великолепных замужеств с любопытством. Мадам Жири встала. Чем дольше она говорила, тем оживленнее становилась. Наконец, вдохновленная, как предсказательница на своем треножнике, голосом, разрывающимся от гордости, она произнесла последнее предложение пророческой записки:

«...в 1885 году Мег Жири – императрица!» Обессиленная, мадам Жири упала обратно в кресло и сказала:

– Мсье, записка была подписана: «Призрак Оперы». Я слышала о нем раньше, но только наполовину верила в него. С этого момента, после того как призрак сообщил мне, что моя маленькая Мег, плоть от плоти моей, плод моего чрева, станет императрицей, я поверила в него полностью.

Не нужно долго изучать возбужденное лицо мадам Жири, чтобы понять, что было возможно получить от этого прекрасного воспоминания с двумя словами «призрак» и «императрица». Но кто руководил этой глупой марионеткой? Кто?

– Вы никогда не видели призрак, но он говорит с вами, и вы верите всему, что он говорит? – спросил Мушармен.

– Да. Прежде всего именно благодаря ему моя маленькая Мег стала балериной. Я сказала ему; «Если она будет императрицей в 1885 году, вы не должны терять время: она должна стать балериной уже сейчас». Он ответил: «Я позабочусь об этом». Он переговорил с мсье Полиньи, и дело было сделано.

– Так мсье Полиньи видел его?

– Нет, не видел, так же как и я, но он слышал его! Призрак сказал ему что-то на ухо – вы

знаете, в ту ночь, когда он вышел бледный из ложи номер пять.

– Невероятно! – произнес Мушармен со вздохом.

– Я всегда думала, что между призраком и мсье Полиньи были секреты, – продолжала мадам Жири. – Мсье Полиньи делал все, о чем просил его призрак, не мог отказать ему ни в чем.

– Вы слышали, Ришар? Полиньи не мог отказать призраку ни в чем.

– Да-да, я слышал! – заявил Ришар. – Полиньи – друг призрака, а мадам Жири – друг Полиньи, и вот вам! – И он добавил грубо: – Но меня не интересует Полиньи. Я могу сказать, что единственное лицо, чья судьба меня действительно интересует, это мадам Жири. Мадам Жири, вы знаете, что в этом конверте?

– Нет, конечно, нет, – ответила она.

– Хорошо, тогда посмотрите!

Она посмотрела в конверт беспокойными глазами, которые быстро прояснились.

– Тысячефранковые банкноты! – воскликнула она.

– Да, мадам Жири, тысячефранковые банкноты. И вы знали об этом очень хорошо!

– Нет, мсье! Я клянусь – Не надо клясть, мадам Жири. А теперь я скажу вам, почему я послал за вами. Я хочу, чтобы вас арестовали.

Два черных пера на выцветшей шляпе, которые обычно имели форму двух вопросительных знаков, тотчас превратились в восклицательные знаки; что же касается самой шляпы, то она угрожающе взметнулась над взбитым пучком волос мадам Жири. Удивление, возмущение, протест, тревога, оскорбленная добродетель – все это отразилось в скользящем движении, приведшем нос билетерши к носу Ришара, который не мог не отпрянуть в своем кресле.

– Арестовать меня?

Рот, который произнес это, казалось, был готов выплюнуть три оставшихся в нем зуба в лицо Ришара. Но тот вел себя героически. Он не отступил. Его угрожающе вытянутый указательный палец уже показывал билетершу ложи номер пять воображаемому судье.

– Я хочу, чтобы вас арестовали, мадам Жири, за воровство!

– Повторите это еще раз! – И, прежде чем Мушармен смог вмешаться, она нанесла Ришару мощный ответный удар. Но не костистая рука вспыхливой старой женщины ударила директора по щеке: это был конверт, волшебный конверт, причина всех неприятностей. От удара конверт открылся, и банкноты разлетелись в разные стороны, кружась и порхая, как гигантские бабочки.

Оба импресарио издали крик, затем одна и та же мысль заставила их упасть на колени и начать лихорадочно собирать и торопливо рассматривать ценные листки бумаги.

– Они настоящие, Мушармен?

– Они настоящие, Ришар?

– Они все настоящие!

В этой шумной свалке, наполненной ужасными восклицаниями, лейтмотивом звучали слова мадам Жири.

– Воровство? Я воровка!

Вдруг она закричала сдавленным голосом:

– Это больше, чем я могу вынести! – И опять встала вплотную к Ришару. – Во всяком случае, мсье Ришар, – сказала она, – вы лучше, чем я, должны знать, куда подевались двадцать тысяч франков!

– Я должен знать? – спросил он, ошеломленный. – Откуда?

Глядя строго и озабоченно, Мушармен попросил старую женщину объяснить:

– Что вы имеете в виду? Почему вы утверждаете, что мсье Ришар должен знать лучше, чем вы, куда делись двадцать тысяч франков?

Ришар чувствовал, что краснеет под взглядом Мушармена. Он схватил руку мадам Жири и стал бешено трясти ее. Голос его был подобен грому. Он гремел, грохотал, ревел:

– Почему я должен знать лучше, чем вы, куда делись двадцать тысяч франков? Почему?

– Потому что они в вашем кармане! – крикнула билетерша, задыхаясь и глядя на него так, будто он был самым дьяволом.

Ришар замер как громом пораженный этим неожиданным ответом и все более подозре-

тельным взглядом Мушармена. Он лишился сил, которые были ему необходимы в столь трудный момент, чтобы опровергнуть это презренное обвинение.

И так часто случается, что люди, подвергшиеся внезапному нападению, люди с чистой совестью, начинают вдруг казаться виноватыми – удар, нанесенный им, заставляет их бледнеть, краснеть от стыда, шататься, ошетиниваться, резко падать, протестовать, молчать, когда надо говорить, или говорить, когда надо молчать, или оставаться сухими, когда надо потеть, или потеть, когда надо оставаться сухими.

Видя, что Ришар готов напасть на мадам Жири, Мушармен поспешил спросить ее мягко и обнадеживающе:

– Как можете вы подозревать моего коллегу мсье Ришара в том, что он положил двадцать тысяч франков в свой карман?

– Я никогда не говорила этого, – заявила она, – поскольку это я положила двадцать тысяч франков в его карман. – И она добавила вполголоса; – Там, я же сказала вам. Я надеюсь, призрак простит меня».

Ришар начал опять кричать, но Мушармен твердо приказал ему остановиться:

– Тише! Тише! Пусть она объяснится. Дайте мне спросить ее. Я не понимаю, почему вы ведете себя подобным образом, когда мы намереваемся прояснить это дело. Вы взбешены, но нельзя же вести себя так.

Лицо мадам Жири приняло мученическое выражение, но оно сияло верой в собственную невиновность.

– Вы говорите, что в конверте, который я положила в карман мсье Ришара, было двадцать тысяч франков, но я по-прежнему утверждаю, что не знала этого. И мсье Ришар не знал.

– Ага, – сказал Ришар, внезапно начав ходить из угла в угол, что пришлось не по вкусу Мушармену. – Так я тоже не знал! Вы положили двадцать тысяч франков в мой карман и ничего не знали об этом! Очень рад слышать это, мадам Жири.

– Да, это правда, – согласилась непримиримая старая женщина, – никто из нас не знал. Но вы должны были в конце концов узнать.

Ришар, определенно, уничтожил бы ее, если бы в комнате не было Мушармена. Но Мушармен сдерживал его. Он вернулся к своему вопросу.

– Какой конверт вы положили в карман мсье Ришара? Это был не тот конверт, который мы дали вам и за которым следили, когда вы его взяли в пятую ложу. Ведь только в этом конверте находились двадцать тысяч франков. – Извините меня, но это был именно тот конверт, который мне дали вы, его я и положила в карман мсье Ришара. В ложу призрака я отнесла другой конверт, точно такой же, как первый. Я держала его незаметно наготове, и его мне дал призрак.

Сказав это, мадам Жири вытащила из рукава конверт, точно такой же, как тот, в котором содержались двадцать тысяч франков, и подписанный таким же образом. Директора вырвали у нее конверт, рассмотрели и увидели, что он запечатан воском и проштемпелеван сверху их собственной печатью. Открыв конверт, они нашли двадцать тысяч франков «игральными деньгами», подобными тем, что так поразили их месяц назад.

– Это так просто! – воскликнул Ришар.

– Да, так просто! – повторил Мушармен торжественно.

– Самые лучшие трюки всегда самые простые! Все, что для этого нужно, хороший сообщник.

– Подобный тому, который сидит перед нами, – сказал Мушармен невыразительным голосом. И продолжил, глядя на мадам Жири так, как будто пытался загипнотизировать ее: – Значит, призрак дал вам этот конверт, сказав, чтобы вы заменили его на тот, который мы дали вам, и положили его в карман мсье Ришара?

– Да, это был призрак.

– Тогда не продемонстрируете ли вы нам свое искусство? Вот конверт. Действуйте так, как будто мы ничего не знаем.

– Я буду рада, мсье.

Она взяла конверт с двадцатью тысячами франков и направилась к двери. Когда она соби-

ралась уже покинуть кабинет, оба директора поспешно бросились к ней.

– О нет! Нет! Вы хотите повторить тот же трюк опять! С нас довольно! Больше не надо!

– Извините, мсье, – сказала она примирительно, – но вы же сами просили, чтобы я действовала так, как будто вы ничего не знаете, а если бы вы ничего не знали, я бы ушла с вашим конвертом.

– Но как вы опустили его в мой карман? – спросил Ришар.

Мушармен не спускал левого глаза с него, в то время как правый глаз наблюдал за мадам Жири; это был визуальный подвиг, но Мушармен был готов на все, чтобы узнать правду.

– Я предполагала опустить его в ваш карман, когда вы меньше всего ожидали этого, – стала объяснять мадам Жири. – Как вы знаете, на протяжении вечера я часто бываю за кулисами и часто захожу в комнату отдыха танцовщиц к моей дочери, на что, как мать, имею право. Я приношу ей балетные туфли для дивертисмента. Словом, прихожу и ухожу, когда мне заблагорассудится. Поклонники также приходят за кулисы. Да и вы тоже, мсье Ришар. Вокруг собирается много людей. Я шла позади вас и опустила конверт в карман вашего фрака. Ничего волшебного!

– Верно, ничего волшебного! – проворчал Ришар, глядя на нее с суровостью громовержца Юпитера. – Но я уличил вас во лжи, старая ведьма.

Этот эпитет ужалил мадам Жири не меньше, чем обвинение в нечестности. Она оцетинилась и выпрямилась, обнажив свои три зуба.

– На каком основании вы утверждаете, что я лгала?

– Потому что я провел тот вечер в зрительном зале, наблюдая за пятой ложей и фальшивым конвертом, который вы оставили там. Я не был в комнате отдыха танцовщиц ни одной секунды.

– А это, был не тот вечер, я положила конверт в ваш карман на следующий вечер, когда заместитель главы администрации изящных искусств. При этих словах Ришар резко остановил ее.

– Правильно, – сказал он задумчиво. – Вспомнил». Теперь я вспомнил. Заместитель главы администрации пришел за кулисы и позвал меня. Я пошел за ним в комнату отдыха танцовщиц. Я был уже на пороге комнаты, как вдруг обернулся. Вы прошли мимо, мадам Жири, и, как мне показалось, слегка задела меня. Позади меня никого больше не было. Да, я помню.

– Все правильно, мсье. Тогда я как раз закончила маленькое дельце с вашим карманом. Очень удобный карман.

И она показала, как именно сделала свое «маленькое дельце»: подошла сзади к Ришару и положила конверт в один из карманов его фрака так быстро и ловко, что на Мушармена, который внимательно следил за ней, ее проворство произвело большое впечатление.

– Конечно, – воскликнул Ришар, побледнев, – Это очень умно со стороны призрака! Проблема для него была в том, чтобы исключить посредника между лицом, которое дало двадцать тысяч франков, и лицом, которое их взяло.

Он нашел наилучший выход: взять деньги из моего кармана, уверенный, что я этого не замечу, потому что не знаю, что они были там. Восхитительно!

– Это, может быть, и восхитительно, – сказал Мушармен, – но вы забываете, что десять тысяч франков дал я, но в мой карман никто ничего не положил.

Глава 18. Продолжение главы «Странное поведение английской булавки»

Слова Мушармена ясно свидетельствовали о подозрении, которое появилось у него в отношении своего коллеги. Само же высказывание вызвало бурный спор, в конце которого Ришар согласился делать все, что бы Мушармен ни попросил его, чтобы помочь обнаружить негодяя, занимающегося вымогательством. Это приводит нас наконец к «антракту после сцены в саду», во время которого Реми, никогда не позволявший, чтобы что-то ускользало из его поля зрения, внимательно наблюдал за странным поведением обоих директоров, и теперь нам будет довольно легко найти причину их исключительно странных действий, несовместимых с общепринятыми нормами поведения. Поведение Ришара и Мушармена определялось следующим. Во-первых, в этот вечер Ришар совершенно точно повторил то, что он делал, когда исчезли первые двадцать тысяч франков; во-вторых, Мушармен ни на секунду не терял из виду карман фрака Ришара, в

который мадам Жири должна была положить вторые двадцать тысяч. Ришар, с Мушарменом в нескольких шагах позади него, стоял на том же месте, на котором он находился, когда приветствовал заместителя главы администрации изящных искусств. Мадам Жири прошла мимо, слегка задела Ришара, положила деньги в карман его фрака и исчезла. Или, скорее, ее заставили исчезнуть. Выполняя приказ, который Мушармен отдал ему за несколько секунд до воспроизведения всей сцены, Мерсье запер мадам Жири в комнате администрации. Таким образом она не могла бы сообщаться с призраком. Она не оказала никакого сопротивления, потому что была теперь только бедной, потрепанной, напуганной личностью с глазами смущенного цыпленка, широко открытыми под всклокоченным хохолком, личностью, которая уже слышит в гулких коридорах шаги полицейского комиссара и которая вздыхает так тяжело, так жалобно, что ее вздохи могли бы разорвать опоры большой лестницы.

Между тем Ришар поклонился и попятился задом, как будто высокое и могущественное официальное лицо, заместитель главы администрации, все еще было перед ним. Эта демонстрация вежливости никого бы не удивила, если бы тот был действительно перед ним, но поскольку перед Ришаром его не было, свидетелей эта естественная, но непонятная сцена, конечно, ошарашила. Ришар кланялся пустому месту, сгибался в пояс ни перед кем и шел задом, не видя перед собой ничего.

Недалеко от него Мушармен тоже кланялся и шел задом. Пятясь, он сказал Реми, чтобы тот покинул их, и попросил посла де ла Бордери и управляющего «Кредит Сентраль» не прикасаться к Ришару. Мушармен не хотел, чтобы Ришар пришел к нему позже, когда двадцать тысяч франков уже исчезли бы, и сказал: «Может быть, это сделал посол или управляющий-„Кредит Сентраль“, а может быть, даже Реми. Тем более, по собственным словам Ришара, во время этой оригинальной сцены он никого не встретил в этой части Оперы, после того как мадам Жири слегка задела его. Почему же тогда, я спрашиваю вас, он должен повстречаться с кем-либо на этот раз, если предполагал делать то же самое, что делал раньше?»

Вначале Ришар пятился, чтобы поклониться, затем продолжал ходить так из предосторожности, пока не оказался в коридоре администрации. Это позволило Мушармену наблюдать за ним со спины, сам же он мог видеть любого, кто приближался к я ему спереди.

Этот новый способ передвижения за кулисами, который освоили директора Национальной академии музыки, не остался незамеченным. Он привлек внимание. К счастью для Ришара и Мушармена, почти все танцовщицы во время этой любопытной сцены были в мансарде, потому что она вызвала бы сенсацию среди девиц. Но оба директора думали только о своих двадцати тысячах франков. В полутемном коридоре администрации Ришар тихо сказал Мушармену:

– Я уверен, никто ко мне не прикасался. Теперь я хочу, чтобы ты встал подальше от меня и понаблюдай из тени, пока я не дойду до двери кабинета. Мы не должны кого-то подозревать и посмотрим, что произойдет.

Но Мушармен возразил:

– Нет, иди вперед, я останусь возле тебя.

– Но в этом случае невозможно будет украсть наши двадцать тысяч франков. – Как раз на это я и надеюсь.

– Тогда то, что мы делаем, нелепо.

– Мы делаем все то, что делали в последний раз: я присоединился к тебе на углу этого коридора, как раз после того, как ты покинул сцену, и я следовал очень близко за тобой» – Это правда, – согласился Ришар со вздохом, покачивая головой.

Он сделал так, как хотел Мушармен.

Через две минуты они вошли в кабинет и закрыли за собой дверь. Мушармен сам положил ключ к себе в карман.

– Мы оба оставались тогда в кабинете, – сказал он, – пока ты не ушел домой.

– Да, это так. И никто нас не беспокоил?

– Никто.

– Тогда, – сказал Ришар, пытаясь собраться с мыслями, – меня, должно быть, обокрали по пути домой.

– Нет, это невозможно, – резко сказал Мушармен. – Я довез тебя домой в своей карете. Двадцать тысяч франков исчезли у тебя дома. У меня нет ни малейшего сомнения.

К такому выводу Мушармен пришел только теперь.

– Это невероятно! – запротестовал Ришар. – Я уверен в своей прислуге.

Мушармен пожал плечами, как бы говоря, что не желает входить в такие детали. Ришар почувствовал, что Мушармен занимает в отношении него невыносимую позицию.

– Мушармен, с меня достаточно!

– Ришар, я и так вынес много!

– Ты смеешь подозревать меня?

– Да, я подозреваю тебя в нелепой шутке.

– С двадцатью тысячами франков не шутят!

– Я полностью согласен, – сказал Мушармен. Он развернул газету и подчеркнуто сделал вид, что читает.

– Что ты делаешь? – возмутился Ришар. – Ты действительно собираешься сейчас читать газету?

– Да, пока не придет время отвезти тебя домой.

– Как в последний раз?

– Именно, как в последний раз.

Ришар выхватил газету из рук Мушармена. Тот, рассерженный, вскочил.

Раздраженный Ришар сложил руки на груди – дерзкий жест вызова – и сказал довольно не-связно:

– Вот что я думаю: я думаю, что бы я подумал, если бы, как в прошлый раз, мы провели вечер вместе и ты отвез меня домой и если, когда мы намеревались расстаться, я увидел бы, что из моего кармана исчезли двадцать тысяч франков-, как в прошлый раз.

– И что же ты бы подумал? – спросил Мушармен, лицо которого покраснело.

– Я, возможно, подумал бы, что поскольку ты был со мной каждую секунду и поскольку, согласно твоему желанию, ты был единственным, кто находился возле меня, как в прошлый раз, – я, возможно, подумал бы, что, если двадцати тысяч франков нет в моем кармане, есть вероятность, что они находятся в твоём кармане!

Мушармен пришел в бешенство от такого предположения.

– О, мне нужна английская булавка! – закричал он.

– Что ты хочешь делать с английской булавкой?

– Прикрепить! Английскую булавку! Английскую булавку!

– Ты хочешь прикрепить меня английской булавкой?

– Да, прикрепить к тебе двадцать тысяч франков. Затем здесь ли, по пути к дому или дома ты почувствуешь руку, которая попытается взять деньги из твоего кармана, – и ты увидишь, моя ли это рука! О, ты подозреваешь теперь меня! Булавку!

И в этот момент Мушармен открыл дверь кабинета и закричал в коридор:

– Английскую булавку! Кто может дать мне английскую булавку?

Мы уже знаем, как он принял Реми, у которого не было английской булавки, и что рас-сылный дал эту столь необходимую ему вещь.

А вот что случилось дальше.

Закрыв дверь, Мушармен встал на колени позади Ришара.

– Надеюсь, что двадцать тысяч франков все еще здесь, – проговорил он.

– Я тоже, – сказал Ришар.

– Это настоящие банкноты? – Мушармен был полон решимости не позволить на этот раз провести себя.

– Посмотри сам. Я не хочу прикасаться к ним. Мушармен взял из кармана Ришара конверт и дрожащими руками вытащил из него деньги. На этот раз, чтобы чаще проверять наличие банкнот, он не запечатал конверт и даже не заклеил его. Увидев, что все банкноты на месте и подлинны, Мушармен успокоился, положил конверт в карман фрака Ришара и осторожно прикре-пил булавкой. Затем сел сзади и не спускал глаз с Ришара, пока тот неподвижно сидел за столом.

– Потерпи, Ришар, нам осталось ждать всего несколько минут. Часы скоро пробьют полночь, в прошлый раз мы ушли именно в это время.

– Терпения у меня достаточно. Время шло медленно и тягостно. Ришар пытался даже шутить.

– Я, возможно, закончу тем, что поверю в могущество призрака, – сказал он. – Ты не чувствуешь, как что-то тревожное, беспокойное и пугающее появилось в атмосфере этой комнаты?

– Да, чувствую, – признался Мушармен, который действительно начал ощущать это.

– Призрак! – сказал Ришар шепотом, как будто боялся быть услышанным невидимыми ушами. – Предположим, это действительно он трижды постучал об этот стол, как мы ясно слышали, и он положил этот волшебный конверт, и говорил в ложе, и убил Жозефа Бюке, и разбил люстру – и ограбил нас! Потому что, в конце концов, здесь никого нет, кроме тебя и меня, и, если деньги исчезнут и ни один из нас не имеет ничего общего с этим, мы должны будем поверить в призрак, в привидение..

Как раз в это время стали бить часы на камине.

Оба директора вздрогнули. Беспокойство охватило их, но они не понимали его причины. Пот струился по их лбам. И двенадцатый удар странно отозвался в их ооао.

Еогда бой часов смолк, они вздохнули и встали.

– Думаю, теперь мы можем идти, – сказал Мушармен.

– Я тоже так думаю, – согласился Ришар.

– Прежде чем мы пойдем, позволь мне заглянуть в твой карман?

– Конечно! Ты должен сделать это! – сказал Ришар. – Ну как? – спросил он Мушармена, производящего инспекцию.

– Я чувствую булавку.

– Естественно. Я уверен, что заметил бы, если кто-то попытался обворовать нас.

Но Мушармен, чьи руки все еще были в кармане, вдруг закричал:

– Я чувствую булавку, но не деньги.

– Не шути, Мушармен. Сейчас не время для этого.

– Посмотри сам!

Ришар быстро снял фрак. Теперь они оба схватились за карман. Он был пуст. И самое странное состояло в том, что английская булавка была прикреплена в том же самом месте.

Оба директора побледнели. Они имели дело с чем-то сверхъестественным, в этом больше не было никакого сомнения.

– Призрак... – пробормотал Мушармен. Но Ришар внезапно бросился на него.

– Ты единственный, кто прикасался к карману. Отдай сейчас же двадцать тысяч франков! Отдай их мне!

– Клянусь своей душой, у меня нет их, – пробормотал Мушармен, слабея и находясь очевидно на грани обморока.

Раздался стук в дверь. Мушармен пошел открывать, шагая почти как автомат, и обменялся несколькими словами с Мерсье, явно не узнавая его и едва понимая, что тот говорит. Затем бессознательным движением он вручил полностью сбитому с толку Мерсье английскую булавку, которая ему больше была не нужна.

Глава 19. Полицейский, виконт и перс

Когда полицейский комиссар Мифруа вошел в кабинет директоров Оперы, он немедленно справился о певице.

– Кристины Доэ нет здесь?

Его окружала толпа, как я уже сказал ранее.

– Кристины Доэ? Нет, – ответил Ришар. – А что? Что же касается Мушармена, то у него не было сил говорить. Он был в худшем состоянии, чем Ришар, потому что Ришар мог еще подозревать Мушармена, но Мушармен стоял перед лицом великого таинства, того, которое заставляет человеческий род дрожать со дня сотворения мира, – неизвестность.

– Почему вы спрашиваете, здесь ли Кристина Доз? – продолжал Ришар при впечатляющем молчании, которое сохраняли все присутствующие.

– Потому что ее надо найти, – важно ответил Мифруа.

– Что вы имеете в виду? Разве она исчезла?

– Да. В середине представления.

– В середине представления? Это невероятно!, – Да, но это так. И что в равной степени невероятно, так это то, что вы впервые услышали об этом от меня.

– Да, – согласился Ришар. Он взялся руками за голову и проворчал: – Еще одна проблема! Вполне достаточно, чтобы заставить меня уйти в отставку. – Он выдернул несколько волосков из усов, не сознавая этого. – Так она исчезла в середине представления? – спросил он как бы во сне.

– Да, она была похищена во время сцены в тюрьме, как раз когда призывала небо помочь ей, но я сомневаюсь, что ее похитили ангелы.

– А я уверен в этом. – Молодой человек, бледный и дрожащий от волнения, повторил:

– Да, я уверен в этом.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Мифруа.

– Кристина Доз похищена ангелом, и я могу назвать его имя.

– Итак, виконт де Шаньи, вы утверждаете, что Кристина Доз похищена ангелом, несомненно, ангелом Оперы?

Рауль посмотрел вокруг, очевидно, надеясь увидеть кого-то. В этот момент, когда ему, казалось, была так необходима помощь полиции, чтобы найти его невесту, виконт был бы рад опять увидеть таинственного незнакомца, который только несколько минут назад призывал его быть благоразумным.

– Да, ангелом, – ответил он Мифруа, – и я скажу вам, где он живет, когда мы останемся одни.

– Вы можете подождать, – сказал комиссар. Он попросил Рауля сесть, затем заставил всех оставить комнату, за исключением, разумеется, обоих директоров, хотя они витали где-то далеко и, вероятно, не протестовали бы, даже, если бы им предложили покинуть собственный кабинет.

Рауль принял решение.

– Имя ангела Эрик, – сказал он, – живет он в Опере, и он же Ангел музыки.

– Ангел музыки! Что вы говорите! Как странно... Ангел музыки! – Мифруа повернулся к директорам:

– Мсье, у вас есть здесь такой ангел? Ришар и Мушармен покачали головами, даже не улыбнувшись.

– Эти господа, конечно, слышали о призраке Оперы, – сказал Рауль, – и я могу заверить вас, что этот призрак и Ангел музыки – одно и то же. И настоящее его имя Эрик.

Мифруа встал и пристально посмотрел на Рауля:

– Извините, мсье, но вы пытаетесь надсмехаться над законом?

– Вовсе нет! – запротестовал Рауль и подумал печально: «Вот еще одно лицо, которое не хочет слушать меня».

– Тогда чего же вы пытаетесь добиться, говоря о призраке Оперы?

– Эти господа слышали о нем, как я уже сказал.

– Мсье, это правда, что вы знаете призрака Оперы? Ришар встал, держа в руке последние волоски из своих усов – Нет, мы не знаем его, но очень хотели бы узнать, потому что только сегодня вечером он украл у нас двадцать тысяч франков. Ришар повернулся к Мушармену с суровым взглядом, который, казалось, говорил: «Отдайте мне двадцать тысяч франков, или я расскажу все».

Мушармен понял его настолько хорошо, что сделал жест отчаяния и произнес:

– Давайте, рассказывайте все!

Мифруа взглянул сначала на Ришара, затем на Мушармена, потом на Рауля и подумал, не попал ли он каким-то образом в психиатрическую больницу.

– Призрак, – сказал он, приглаживая рукой волосы, – который похищает певицу и крадет двадцать тысяч франков в один вечер – это очень занятный призрак. Если не возражаете, мы

займемся этими делами по порядку. Вначале певицей, затем деньгами. Давайте, мсье де Шаньи, попытаемся говорить серьезно. Вы верите, что Кристину Доз похитил некто по имени Эрик. Вы его знаете? Вы его видели?

– Да.

– Где?

– На кладбище. Мифруа вздрогнул, еще раз пристально взглянул на Рауля и сказал:

– Конечно, обычно привидения встречаются на кладбище. А что вы делали на кладбище?

– Я понимаю, какими странными покажутся вам мои ответы, – ответил Рауль, – и какой эффект они произведут на вас. Но, пожалуйста, поверьте мне, когда я говорю вам, что я в своем уме. На карту поставлена жизнь самого дорогого для меня человека в мире, такого же, как мой любимый брат Филипп. Я хотел бы убедить вас несколькими словами, потому что время торопит и дорога каждая минута, однако, если я не расскажу вам всю эту странную историю с самого начала, вы мне не поверите. Я расскажу вам все, что знаю о призрак Оперы, но, боюсь, это не так много.

– Расскажите в любом случае! – воскликнули одновременно Ришар и Мушармен, неожиданно заинтересовавшись.

К сожалению, их надежды узнать некоторые детали, которые навели бы их на след мошенника, рухнули: вскоре они должны были признать печальный и очевидный факт, что виконт Рауль де Шаньи полностью потерял рассудок. Эта вся история – Перрос, черепа, зачарованная скрипка – могла родиться только в помутившемся разуме влюбленного.

Было ясно, что и полицейский комиссар Мифруа склонялся к тому, чтобы разделить это мнение. Он, несомненно, положил бы конец хаотическому повествованию Рауля, некоторые идеи которого я изложил в начале этого отчета, если бы обстоятельства не сложились таким образом, что его прервали.

Дверь открылась, и вошел мужчина, одетый необычно – в просторный черный сюртук и лоснящийся поношенный цилиндр, надвинутый до ушей. Мужчина поспешно подошел к Мифруа и сказал ему что-то вполголоса. Несомненно, это был сыщик.

Во время разговора Мифруа не спускал глаз с Рауля. Наконец он сказал ему.

– Мы достаточно поговорили о привидениях. Давайте поговорим о вас, если не возражаете. Вы планировали бежать с Кристиной Доз сегодня ночью, не правда ли?

– Да.

– После представления?

– Да.

– Вы сделали все приготовления?

– Да.

– Экипаж, который привез вас, должен был забрать вас обоих. Кучер знал о вашем плане. Маршрут был определен заранее, и, даже лучше, кучер должен был менять лошадей на каждой станции.

– Это правда.

– И ваш экипаж все еще здесь, около ротонды, ожидает вашего приказа?

– Да.

– Вы знали, что там было еще три экипажа?

– Я не обратил на это внимания.

– Они принадлежали Ла Сорелли, которая не нашла места во дворе администрации, Карлотте и вашему брату, графу де Шаньи.

– Возможно.

– Несомненно и то, что, если ваш экипаж, экипажи Ла Сорелли и Карлотты все еще стоят у ротонды, экипажа графа там больше нет.

– Это не имеет никакого отношения к – Извините, граф был против вашей женитьбы на мадемуазель Доз?

– Это касается только моей семьи.

– Вы ответили на мой вопрос: он был против. И поэтому вы намеревались бежать с Кри-

стиной Доз или увезти ее за пределы досягаемости вашего брата. Хорошо, мсье де Шаньи, разрешите мне сообщить вам, что ваш брат действовал быстрее, чем вы: это он увез Кристину Доз.

– О! – застонал Рауль, положив руку на сердце. – Этого не может быть.. Выдворены?

– Сразу после исчезновения мадемуазель Доз, которое было организовано при соучастии людей, имена которых мы еще должны установить, граф вскочил в свой экипаж и с бешеной скоростью помчался по Парижу.

– По Парижу? – спросил бедный Рауль. – Что вы подразумеваете под этим?

– Он не только пересек город, он покинул его.

– Он покинул Париж? По какой дороге?

– По дороге на Брюссель.

Рауль издал хриплый звук:

– О, клянусь, я схвачу их! – И он выбежал из кабинета.

– И привезите ее обратно нам, – весело крикнул ему вслед Мифруа. – Эти сведения стоят по меньшей мере столько же, сколько и разговоры об Ангел музыки.

Затем он повернулся к присутствующим в Комнате и прочел им эту честную и вовсе не наивную маленькую лекцию о полицейской работе:

– Я не знаю, действительно ли граф де Шаньи похитил Кристину Доз. Но мне необходимо знать это, и не думаю, что кто-либо более заинтересован докопаться до истины, чем его брат, виконт. Теперь он бежит, летит. Он – мой главный помощник! В этом заключается искусство сыска, мсье. Считается, что оно сложно, но его простота становится очевидной, как только вы поймете, что полицейская работа зачастую делается людьми, не имеющими отношения к нашему делу, Но Мифруа, возможно, не был бы так удовлетворен собой, если бы знал, что его «главный помощник» был остановлен в первом же коридоре, и не толпой любопытных зевак – тех уже разогнали. Коридор казался безлюдным, но высокий мужчина неожиданно появился перед Раулем, загораживая ему дорогу.

– Куда вы так спешите, мсье де Шаньи? – спросил мужчина.

Рауль нетерпеливо взглянул вверх и узнал каракулевую шапку, которую видел совсем недавно.

– Это опять вы! – вскричал он возбужденно. – Вы? Человек, который знает секреты Эрика и не хочет, чтобы я говорил о них!? Кто вы?

– Вам это хорошо известно. Я перс.

Глава 20. Виконт и перс

Рауль вспомнил, что однажды во время представления в Опере Филипп показал ему этого загадочного человека, о котором ничего не было известно, кроме того, что он перс и живет в маленькой старой квартире на улице Риволи.

Смуглый мужчина с зелеными глазами и в каракулевой шапке склонился к Раулю:

– Надеюсь, мсье де Шаньи, вы не выдали секрета Эрика?

– А почему я должен колебаться и не выдавать этого монстра? – отпарировал Рауль высокомерно, безуспешно пытаясь протолкнуться мимо раздражающего его препятствия? – Он ваш друг?

– Надеюсь, вы не сказали ничего об Эрике, потому что его секрет – это секрет Кристины Доз. Говорить об одном – значит говорить и о другом.

– Вы, кажется, знаете о многих вещах, касающихся меня, – сказал Рауль, становясь все более нетерпеливым, – но у меня нет времени слушать вас.

– Еще раз спрашиваю, мсье де Шаньи, куда вы так спешите?

– Не можете догадаться? Я спешу на помощь Кристине Доз.

– Тогда вам никуда не нужно ехать, потому что она здесь!

– С Эриком?

– С Эриком.

– Откуда вы это знаете?

– Я был на представлении, – сказал перс. – Никто, кроме Эрика, не мог спланировать и осуществить похищение, подобное этому. – Он глубоко вздохнул: – Я узнал стиль монстра.

– Вы знаете его?!

Перс опять вздохнул, не отвечая.

– Мне неизвестны ваши намерения, – сказал Рауль, – но можете вы сделать что-то для меня? Я имею в виду Кристину?

– Думаю, что смогу, мсье де Шаньи. Вот почему я остановил вас.

– Что же вы можете сделать?

– Попытаться отвести вас к ней» и к нему.

– Я уже пытался сегодня искать ее, но безуспешно. Если вы сможете отвести меня к ней, моя жизнь будет принадлежать вам! И еще одно: полицейский комиссар сказал, что Кристину похитил мой брат граф Филипп.

– Я не верю этому, мсье де Шаньи.

– Это невозможно, не правда ли?

– Не знаю, возможно ли это, но есть различные пути похищения, и, насколько мне известно, у вашего брата нет опыта постановки ярких сценических эффектов. – Ваши аргументы убедительны, мсье. Я был глупцом. Пойдемте! Я доверяю вам полностью! Почему я не должен верить вам, если никто, кроме вас, не верит мне, если вы единственный человек, который не улыбается, когда я называю имя Эрика?

Рауль непроизвольно взял руки перса в свои. Его руки были горячи от нервного возбуждения, руки перса – ледяные.

– Тихо! – сказал перс, останавливаясь, и прислушиваясь к отдаленным звукам театра. – Не произносите это имя здесь. Говорите только «он», у нас будет меньше шансов привлечь его внимание.

– Вы думаете, он сейчас где-то здесь?

– Все возможно. Предположим, что он со своей жертвой не в доме у озера...

– О, вы тоже знаете этот дом?

– Если его там нет, он может быть в этой стене, на этом полу, на потолке! Трудно сказать определенно» Его глаза могут быть в этом замке, а уши – в этой балке.

Перс попросил Рауля идти как можно тише и повел его по бесконечным коридорам, которые тот никогда раньше не видел, даже тогда, когда Кристина водила его по этому лабиринту.

– Я только надеюсь, что Дариус уже пришел, – сказал перс.

– Дариус? Кто это? – спросил Рауль, не останавливаясь.

– Мой слуга.

Они находились теперь, в огромной пустой комнате, почти такой же большой, как площадь, тускло освещенной маленькой лампой. Перс остановил Рауля и спросил тихо:

– Что вы сказали полицейскому комиссару?

– Я сказал, что Кристину похитил Ангел музыки, известный еще как призрак Оперы, и что его настоящее имя...

– Ш-ш! И он поверил вам?

– Нет.

– И не придавал никакого значения тому, что вы сказали?

– Никакого.

– Наверное, подумал, что вы сумасшедший?

– Да.

– Хорошо, – сказал перс со вздохом.

И они продолжили свой путь.

После подъемов и спусков по лестницам, незнакомым Раулю, они оказались перед дверью. Перс отпер ее маленькой отмычкой, которую достал из кармана своего жилета.

Рауль и перс были одеты во фраки. Но в то время как у Рауля был цилиндр, перс был в каракулевой шапке, как я уже упоминал. Это являлось нарушением закулисного кодекса элегантности, который требует цилиндра, но хорошо известно, что во Франции все прощают иностран-

цам: англичанам – дорожные кепки, персам – каракулевые шапки.

– Цилиндр, – произнес перс, – будет мешать вам в экспедиции, которую мы собираемся предпринять, поэтому предлагаю оставить его в артистической комнате.

– В какой артистической комнате? – удивился Рауль.

– Конечно, в комнате Кристины Доз.

Пригласив Рауля войти через дверь, которую только что открыл, перс указал на находящуюся прямо перед ними артистическую комнату Кристины.

Рауль не знал, что сюда можно попасть другим путем, отличным от того, каким он всегда пользовался.

– Вы очень хорошо знаете здание Оперы!

– Не так хорошо, как он, – скромно отозвался перс и протолкнул Рауля в артистическую Кристины.

Закрыв дверь, перс подошел к тонкой перегородке, отделявшей артистическую комнату от соседней большой кладовой. Прислушался, затем громко закашлял. Из кладовой слышались какие-то звуки, и через несколько секунд в дверь артистической комнаты постучали.

– Войдите, – проговорил перс.

Вошел мужчина, одетый в длинный плащ и в такую же, как у перса, каракулевую шапку. Он поклонился, достал из-под полы ящик с богатой гравировкой, поставил его на туалетный стол, опять поклонился и встал у двери.

– Ничего не видел тебя, Дариус?

– Нет, господин.

– Постарайся и выйти незаметно.

Слуга бросил взгляд в коридор и быстро исчез.

– Мне пришло в голову, что сюда в любую минуту могут войти. Полицейский комиссар собирался обыскать комнату, – сказал Рауль.

– Это неважно. Он не тот человек, которого нам следует бояться.

Перс открыл ящик. В нем оказалась пара длинных, отлично декорированных пистолетов. – Сразу же после похищения Кристины Доз, – сказал перс, – я послал слуге записку, чтобы он принес эти пистолеты. Я знаю, что они совершенно надежны.

– Вы намереваетесь драться на дуэли? – спросил Рауль, удивленный прибытием этого арсенала.

– Драться на дуэли – как раз то, что мы собираемся делать, – ответил перс, рассматривая капсюли пистона пистолетов. – И какая дуэль! – Он вручил один из пистолетов Раулю. – В этой дуэли нас будет двое против одного, но приготовьтесь ко всему: не хочу скрывать, что мы имеем дело с наиболее страшным противником, какого только можно себе представить. Но вы любите Кристину Доз, не так ли?

– Да, всем сердцем! Однако я не понимаю, почему вы готовы рисковать своей жизнью ради нее. Вы, вероятно, ненавидите Эрика.

– Нет, – произнес перс печально. – Если бы я его ненавидел, он давно прекратил бы делать зло.

– Он причинил вам зло?

– Я простил его за то зло, что он причинил мне.

– Странно слышать, как вы говорите об этом человеке. Называете его монстром, рассказываете о его преступлениях, сказали, что он причинил вам зло, – и все же чувствуется, что вы испытываете к нему ту же невероятную жалость, которая довела меня до отчаяния, когда я обнаружил ее в Кристине.

Перс не ответил. Он взял стул и поставил его у стены, напротив большого зеркала, которое занимало всю другую стену. Затем встал на стул и приблизился почти вплотную к обоям.

– Я жду вас! – воскликнул Рауль, сгорая от нетерпения. – Пойдемте!

– Куда? – спросил перс, не поворачивая головы.

– К чудовищу! Пойдемте! Разве вы не сказали, что знаете дорогу...

– Я ее ищу... – И перс продолжал буквально ощупывать стену носом.

– Ага! – наконец воскликнул он. – Вот она! – Он нажал рукой на угол рисунка обоев, затем обернулся и прыгнул со стула. – Через полминуты мы пойдем по его следу! – Перс пересек комнату и прикоснулся к большому зеркалу. – Нет, оно еще не поддается.

– О, мы выйдем через зеркало, как Кристина? – спросил Рауль.

– Так вы знали, что она ушла через зеркало?

– Да. Я спрятался там, за занавесом будуара, и видел ее: она не ушла через зеркало, она исчезла в нем!

– И что же вы сделали?

– Я думал, зрение обманывает меня, думал, что, должно быть, схожу с ума или мне это снится.

– А, может быть, вы подумали, что это новый каприз призрака Оперы? – спросил перс с ироническим смехом. – Ах, мсье де Шаньи, – продолжал он, все еще держа руку на зеркале, – мы должны были благодарить Бога, если бы имели дело с привидением. Мы тогда оставили бы наши пистолеты в ящике... Пожалуйста, положите ваш цилиндр, там. А теперь наглухо застегните фрак, насколько можете, как это сделал я. Поднимите воротник и сложите его над отворотами. Мы должны сделаться по возможности невидимыми.

После короткого молчания он добавил, все еще нажимая на зеркало:

– Если вы нажмете на пружину внутри комнаты, для освобождения противовеса нужно некоторое время, но все обстоит иначе, если вы находитесь по другую сторону стены и можете воздействовать прямо на противовес. Тогда зеркало начинает поворачиваться немедленно и движется с удивительной скоростью.

– Какой противовес? – спросил Рауль.

– Да тот, который поднимает целую секцию стены, – ответил перс. – Вы думаете, она передвигается сама по себе, по волшебству, не так ли? – Он притянул к себе Рауля одной рукой и продолжал давить на зеркало другой, той, которая держала пистолет. – При внимательном наблюдении вы сможете увидеть, как зеркало поднимется на несколько миллиметров, а затем сдвинется на несколько миллиметров вправо. Тогда оно будет на точке вращения и повернется. Кажется невероятным, но это можно сделать с помощью противовеса. Ребенок способен повернуть целый дом, пошевелив лишь одним пальцем. Когда секция стены, неважно какой тяжести, балансируется противовесом на точке вращения, она весит не больше, чем волчок веретена.

– Она не поворачивается! – воскликнул Рауль нетерпеливо.

– Подождите! Очевидно, механизм заржавел или не работает пружина. – Перс нахмурился. – А возможно, что-то еще.

– Что именно вы имеете в виду?

– Может быть, он просто перерезал канат противовеса и блокировал всю систему.

– Но почему? Он же не знал, что мы попытаемся спуститься вниз этим путем, не так ли?

– Он мог заподозрить это – ведь ему известно, что я знаком с системой.

– Он вам сам показывал ее?

– Нет. Я следил за ним и за его загадочными исчезновениями и наконец нашел то, что искал. Это самая простая система с секретной дверью, механизм такой же древний, как священные дворцы в Фивах, каждый с сотней дверей и дельфийской тройной комнатой.

– Зеркало не поворачивается! И Кристина, мсье, Кристина – Мы предпримем все возможное, – холодно сказал перс, – но он может остановить нас, едва мы начнем действовать.

– Он что же, контролирует стены?

– Да, контролирует стены, двери и люки. В моей стране его называли именем, которое означает «любитель люков».

– Вот так же Кристина говорила мне о нем – с такой же таинственностью, приписывая ему такую же ужасную силу... Но я не понимаю всего этого: Почему стены подчиняются только ему? Ведь не он же их строил, правда?

– Именно он.

И пока Рауль недоуменно смотрел на него, перс сделал жест, призывающий к молчанию, и указал на зеркало. Их отражение, казалось, покрылось мелкой дрожью и сделалось неясным, как

будто на зыбкой поверхности пруда, затем стало опять спокойным.

– Видите, оно не поворачивается! Пойдемте вниз каким-нибудь другим путем.

– Сегодня другого пути нет, – произнес перс печально. – А теперь будьте осторожны и приготовьтесь стрелять!

Стоя перед зеркалом, он поднял пистолет. Рауль сделал то же самое. Свободной рукой перс крепко прижал Рауля к себе. Вдруг зеркало стало двигаться в ослепительном блеске пересекающихся лучей – оно повернулось, как вращающаяся дверь, которые теперь устанавливают в общественных зданиях, повернулось, увлекая обоих мужчин из яркого света в кромешную тьму.

Глава 21. В подвалах Оперы

Держите пистолет в готовности аеу стрельбы, – опять быстро сказал перс Раулю.

Стена за их спиной закрылась, завершая круговое движение на точке вращения. Двое мужчин стояли несколько секунд затаив дыхание.

Наконец перс решился сделать движение. Рауль слышал, как он опустился на колени, нащупывая что-то. Вдруг темноту перед Раулем тускло осветил свет маленького фонаря. Он инстинктивно отступил назад, во тьму, чтобы скрыться от всевидящего ока невидимого врага, но быстро понял, что фонарь принадлежал персу. Маленький красный круг скользил по стенам, потолку, полу. Стена справа была каменной, слева – деревянной.

Рауль сказал себе, что Кристина шла этим путем, следуя за голосом Ангела музыки. И, должно быть, отсюда обычно появлялся Эрик, когда проходил через стены, чтобы застать Кристину врасплох и заинтриговать ее. Помня о словах перса, Рауль подумал, что этот маршрут был тайно проложен самим Эриком. Позже он узнает, что Эрик нашел уже готовый секретный ход, о существовании которого долгое время никому, кроме него, не было известно. Этот ход был проделан в дни Парижской коммуны для того, чтобы тюремщики могли отводить своих заключенных прямо в камеры, которые были сделаны в подвалах, поскольку повстанцы заняли здание Оперы сразу же после восстания 18 марта 1871 года. Они превратили нижнюю часть здания в государственную тюрьму, а верхнюю – в место запуска воздушных шаров, наполненных горячим воздухом, которые должны были разносить их будоражающие прокламации за пределы города.

Перс встал на колени и поставил фонарь на пол. Некоторое время он, казалось, что-то поспешно делал на полу, затем неожиданно потушил фонарь. Рауль услышал слабый щелчок и увидел квадрат очень тусклого света на полу коридора – как будто только что открыли окно в слабо освещенные подвалы Оперы. Он больше не видел перса, но чувствовал его рядом с собой, слышал его дыхание.

– Следуйте за мной и делайте все, что делаю я.

Рауля повели к квадрату света. Затем перс опять встал на колени, схватился за край отверстия и сполз вниз, в подвал, держа пистолет зубами.

Странно, но Рауль полностью доверял этому человеку. Хотя он ничего не знал о нем и его слова придали еще большую таинственность приключению, виконт верил, что перс был с ним против Эрика в это решающее время. Его чувства казались неподдельными, когда он говорил о «монстре», и интерес, который он проявил к Раулю, не вызывал подозрений. И наконец, если бы у него были какие-нибудь дурные намерения в отношении Рауля, он не дал бы ему пистолет. Кроме того, Рауль должен был разыскать Кристину любой ценой, и у него не оставалось выбора средств. Если бы он колебался или даже сомневался относительно намерений перса, он считал бы себя подлым трусом.

Рауль тоже встал на колени и ухватился обеими руками за край люка.

– Пошли, – услышал он и упал вниз. Перс поймал его, приказал лечь на пол, закрыл над ними люк чем-то, чего Рауль не мог видеть, и лег рядом. Молодой человек хотел попросить объяснений, но рука перса зажала его рот, и он сразу же услышал голос, в котором узнал голос полицейского комиссара Мифруа.

Рауля и перса скрывала перегородка. Рядом узкая лестница вела наверх, в маленькую ком-

нату, в которой Мифруа, видимо, ходил взад и вперед и задавал вопросы, потому что они слышали его шаги и голос.

Освещение было очень слабым, но после крошечной темноты коридора наверху Рауль без особых затруднений мог различать очертания вещей. И он не смог сдержать слабого восклицания, когда увидел три тела.

Одно лежало на узкой площадке маленькой лестницы, ведущей наверх, к двери, за которой был слышен голос Мифруа; два других скатились вниз по лестнице и лежали с раскинутыми руками. Если бы Рауль протянул руку через перегородку, за которой стоял, он мог бы коснуться одного из них.

– Тише, – прошептал перс. Он тоже увидел тела и сказал только одно слово, которое объяснило все: – Он!

Голос Мифруа стал громче. Он требовал информацию о системе освещения, и режиссер что-то говорил ему. Следовательно, комиссар был у трубы органа или в одной из соседних комнат.

Вопреки тому, что думают, особенно в связи с оперным театром, труба органа не играла. В то время электричество использовалось только для определенных, весьма ограниченных сценических эффектов и для электрических звонков. Громадное здание и даже сама сцена все еще освещались газом. Водород использовался для того, чтобы регулировать и менять освещение сцены посредством специального аппарата, который и называли трубой органа – в нем было много труб. Ниша рядом с будкой суфлера предназначалась для старшего группы осветителей Моклера. Оттуда он давал указания своим помощникам и следил, чтобы они выполнялись. Моклер находился в этой нише во время каждого спектакля.

Но теперь в нише не было ни его, ни его помощников. – Моклер! Моклер!

Голос режиссера гремел в подвалах, как в барабане. Но Моклер не отвечал.

Мы говорили, что дверь вела на маленькую лестницу, которая шла сверху, из второго подвала. Мифруа пытался открыть ее, но она не поддавалась.

– В чем дело? – сказал он режиссеру. – Дверь, кажется, заблокирована. Она всегда открывается-с таким трудом?

Энергично надавив на дверь плечом, режиссер наконец открыл ее. Он не смог сдержать восклицания: он увидел человеческое тело.

– Моклер!

Все пришедшие вместе с Мифруа к трубе органа с тревогой бросились вперед.

– Он мертв, бедняга! – простонал режиссер. Мифруа, которого, казалось, ничто уже не удивляло, наклонился над длинным телом.

– Нет, – сказал он, – он мертвецки пьян. Поверьте, это не одно и то же.

– Если это так, то подобное случилось с ним впервые, – заявил режиссер.

– Тогда, может быть, ему дали наркотик. Это вполне возможно. – Мифруа выпрямился, сделал несколько шагов вниз и вдруг закричал:

– Смотрите!

Два тела лежали внизу на ступеньках, освещаемые тусклым светом маленького красного фонаря. Режиссер узнал помощников Моклера. Мифруа спустился и приложил ухо к груди каждого.

– Они крепко спят, – сказал он. – Странное дело! Очевидно, кто-то вмешался в работу осветителей, – и это лицо заодно с похитителем. Но что за странная идея похищать певицу прямо со сцены! Это случай, когда идут самым «трудным путем», если таковой был! Пошлите за доктором. – И он повторил: – Странно! Очень странно! – Комиссар вернулся к маленькой комнате и заговорил с людьми, которых Рауль и перс не могли видеть с места, где они находились. – Что вы скажете на все это, господа? Вы единственные, кто не сказал, что думает на этот счет, но должно же у вас быть какое-то мнение относительно происходящего?

Рауль и перс увидели унылые лица двух директоров, появившихся над площадкой и услышали, как Мушармен произнес голосом, полным волнения:

– Здесь происходят вещи, которые мы не можем объяснить.

– Спасибо за эту информацию, – сказал Мифруа саркастически.

Режиссер, поддерживая подбородок ладонью правой руки, что было явным признаком глубокой задумчивости, сказал:

– Это не первый случай, когда Моклер заснул во время спектакля. Я вспоминаю, что нашел его однажды храпящим в нише, а рядом валялась его табакерка.

– Когда это было? – поинтересовался Мифруа, тщательно протирая стекла своего пенсне, ибо был близорук, что случается и с самыми красивыми глазами в мире.

– Не так давно. Давайте посмотрим... Это было вечером... Ага, это было в тот вечер, когда Карлотта издала свое знаменитое кваканье! Помните?

– В самом деле? – сказал Мифруа. – Вечер, когда Карлотта издала свое знаменитое кваканье? – Надев пенсне, он пристально посмотрел на режиссера, будто пытаясь прочесть, что у того на уме. – Так Моклер нюхает табак? – спросил он небрежно.

– Да. Посмотрите: вон на полке его табакерка. Да, он часто нюхает табак.

– Я тоже, – сказал Мифруа и положил табакерку в свой карман.

* * *

Рауль и перс, присутствие которых осталось незамеченным, наблюдали, как рабочие сцены унесли тела. Мифруа стал подниматься, и все остальные последовали за ним по лестнице. Затем несколько минут их шаги были слышны наверху, на сцене.

Когда все ушли, перс сделал Раулю знак, чтобы он встал. Рауль поднялся, свой пистолет он, естественно, опустил. Однако перс приказал ему держать оружие в прежнем положении, что бы ни случилось.

– Но рука устает от этого, – пытался возразить ему Рауль, – и если придется стрелять, я все равно не смогу сделать это точно.

– Тогда держите пистолет в другой руке, – уступил перс.

– Я не могу стрелять с левой руки. Перс сказал странные слова, которые, очевидно, мало прояснили Раулю ситуацию:

– Дело не в том, чтобы стрелять с левой или правой руки: единственное, что вы должны делать, так это продолжать держать одну из рук так, будто намереваетесь стрелять из пистолета. Что же до самого пистолета, то можете положить его в карман, если хотите. Но делайте, как я говорю, или я не отвечаю ни за что! Это дело жизни и смерти! А теперь – тихо! Следуйте за мной.

Они находились во втором подвале. При тусклом свете нескольких ламп (желтое пламя было неподвижно в их стеклянных тюрьмах) Рауль только мельком видел подвалы Оперы, эту фантастическую, грандиозную бездну, забавную, как кукольный спектакль, и пугающую, как бездонная преисподняя.

Эти подвалы ужасны; их насчитывается пять. Они воспроизводят план сцены с люками и пазами для декораций, за исключением того, что разрезы на полу сцены заменены рельсами. Под люками и разрезами есть поперечные рамы. Столбы, крепящиеся на железных или каменных подпорках или балках, образуют серию жестких задников, которые могут использоваться для сценических эффектов; Им придают дополнительную устойчивость, когда это необходимо, соединяя железными крюками. Лебедок и противовесов в подвалах – в изобилии. Они применяются для перемещения больших кусков декораций, постановки сцен трансформации и осуществления неожиданных исчезновений исполнителей для большего эффекта. Это в подвалах, пишут Х, Y и Z в своем занимательном исследовании творения Гарнье, больных старых людей превращают в красивых молодых любовников, а страшных ведьм – в блистательных фей. Из подвалов является Сатана, а потом уходит обратно вниз. Пламя ада поднимается оттуда, там собираются хоры демонов. А привидения бродят по подвалам, как будто они здесь хозяева.

Рауль шел за персом, строго следуя его наставлениям, даже не пытаясь понять их, говоря самому себе, что этот человек – его единственная надежда. Что бы он делал один в этом лабиринте? Он останавливался бы на каждом шагу в удивительной путанице балок и канатов. Его бы

схватили в этой гигантской паутине, поскольку он не знал, как выпутаться из нее. И даже если бы он смог пройти через эту сеть канатов и противовесов, которые постоянно встречались на их пути, он подвергался бы риску упасть в одну из дыр, время от времени появлявшихся в полу, ведя в бездонную тьму.

Они достигли уже третьего подвала и шли дальше и дальше при свете нескольких отдаленных тусклых ламп.

Чем ниже спускаясь они, тем осторожней, казалось, становился перс. Он все чаще оборачивался к Раулю и напоминал, чтобы тот продолжал держать руку так, как будто в ней был пистолет, хотя на самом деле пистолета не было.

Вдруг громкий голос заставил их остановиться. Кто-то над ними кричал: «Закрывающие двери – срочно на сцену! Полицейский комиссар хочет вас видеть».

Послышались шаги, тени заскользили в темноте. Перс потянул Рауля за декорации. Они видели, как фигуры двигались мимо них и над ними – старые люди, согнутые от бремени лет и оперных декораций. Некоторые из них едва волочили ноги, другие по привычке наклонялись вперед с протянутыми руками, пытаясь найти дверь, чтобы закрыть ее.

Это были люди, закрывающие двери, одряхлевшие бывшие рабочие сцены, которым администрация, скорее, из благотворительности поручила закрывать двери в подвалах и других частях здания. Они постоянно находились над сценой и под ней, и в те дни (я думаю, что они все умерли с того времени) их также называли «борцами со сквозняками». Неважно, откуда появляются сквозняки, – они очень вредны для голоса.

Перс и Рауль даже обрадовались, потому что случай избавил их от свидетелей. Некоторые из закрывающих двери от нечего делать, а также потому, что многие из них были бездомными, оставались в Опере (из лени или по необходимости) и проводили там ночь. Двое мужчин могли случайно споткнуться о них, разбудить, вызвать расспросы. Расследование Миффуа спасло их на время от столь нежелательных встреч.

Но радость перса и Рауля была недолгой. Какие-то люди спускались теперь по тем лестницам, по которым закрывающие двери поднимались вверх. Каждый из них нес маленький фонарь и, очевидно, искал что-то или кого-то.

– Я не знаю, что они ищут, – прошептал перс, – но они вполне могут найти нас, если мы останемся здесь. Пойдемте! Спешите! Держите руку вверх в готовности для стрельбы. Согните ее побольше. Держите руку перед глазами, как будто вы готовитесь драться на дуэли и ждете приказа стрелять. Оставьте ваш пистолет в кармане. Пойдемте вниз, быстро! – Он повлек Рауля в четвертый подвал. – Держите руку перед глазами, это дело жизни и смерти! Здесь, сюда, вниз по этим ступеням. – Они достигли пятого подвала. – Ах, какая дуэль, мсье, какая дуэль!

В пятом подвале перс затаил дыхание. Он, кажется, чувствовал себя в большей безопасности, чем когда они остановились в третьем подвале, но все еще держал руку в прежнем положении.

И хотя Рауль ничего не сказал об этом, понимая, что не время, он опять подивился столь необычному методу самозащиты – держать пистолет в кармане, а руку в готовности для выстрела, перед глазами, – позиция в которой дуэлянты того времени ждали приказа открыть огонь. Рауль вспомнил слова перса о надежности этих пистолетов. Но что толку в том, что у него надежные пистолеты, если он чувствует, что бесполезно применять их?

Однако перс прервал смутные размышления Рауля. Он жестом показал молодому человеку оставаться на месте, сделал несколько шагов вверх по лестнице, по которой они только что спустились, затем вернулся и сказал вполголоса:

– Как глупо, что мы не догадались раньше! Но мы скоро избавимся от этих людей с фонарями: это пожарные, которые совершают обход.

Двое мужчин стояли, настороженно ожидая, по крайней мере, пять долгих минут. Затем перс повел Рауля назад к лестнице. Но вдруг дал сигнал остановиться и стоять тихо. В темноте перед ними что-то двигалось.

– Ложитесь, – прошептал перс.

Они легли на пол как раз вовремя: смутная фигура с фонарем прошла мимо так близко, что

почти коснулась их. Они могли достаточно отчетливо видеть, что фигура одета в плащ, который закутывал ее с головы до ног, и мягкую войлочную шляпу.

Человек удалился, держась ближе к стенам и иногда ударяя по ним, когда подходил к углу.

Перс вздохнул с облегчением:

– Он был на волосок от меня! Этот субъект знает меня и дважды отводил в кабинет директоров. – Это кто-нибудь из полиции? – спросил Рауль.

– Намного хуже! – ответил перс без дальнейших объяснений.

– Но это неон, так ведь?

– Он? Если он появится впереди, мы увидим его золотые глаза! Это наше преимущество в темноте. Но он может молча подкрасться к нам сзади. В этом случае мы будем покойниками, если не станем держать вверх руку, как будто готовы стрелять из пистолета.

Едва перс произнес последнее слово, как перед ними появилось фантастическое лицо. Полное лицо, а не пара золотых глаз. Но это было светящееся лицо, огненное лицо!

Да, горящее лицо, которое приблизилось к ним на высоте человеческого роста, но без тела!

– Ох! – воскликнул перс низким голосом. – Я впервые столкнулся с этим! Тот пожарный не был сумасшедшим! Он в самом деле видел! Что это за пламя? Это не он, но, возможно, он послал его к нам. Осторожно! Не забывайте! Держите руку перед собой! Ради Бога, держите руку!

Горящее лицо, которое казалось посланцем ада, горящим демоном, все еще двигалось к двум напуганным мужчинам.

– Возможно, он послал это лицо нам навстречу, – продолжал перс, – чтобы застать нас врасплох сзади или со стороны: с ним никогда не знаешь наперед. Мне знакомы многие его трюки, но не этот. Этого я еще не знаю. Бежим отсюда – лучше быть в безопасности, чем потом сожалеть! Бежим, и держите руку перед глазами!

И они кинулись вниз по подземному проходу. Через несколько секунд, которые показались им долгими, долгими минутами, они остановились.

– Он редко ходит этим путем, – сказал перс. – Эта сторона не интересует его. Она не ведет ни к озеру, ни к его дому. Но, может быть, он уже знает, что мы напали на его след, несмотря на то, что я обещал не вмешиваться в его дела.

Перс осмотрелся, Рауль сделал то же самое. Горящее лицо было позади них! Оно следовало за ними. Должно быть, тоже бежало и, возможно, быстрее, чем они, потому что теперь казалось, что демон приближается к ним.

Одновременно они услышали звук, природу которого не могли определить. Ясно было одно – звук приближался вместе с пламенем в форме человеческого лица. Им казалось, будто тысячи ногтей царапали по классной доске или в кусочке мела находится маленький камушек, царапающий эту доску. Мучительный, невыносимый звук!

Рауль и перс пытались оторваться от горящего лица, но оно продолжало двигаться к ним, приближаясь. Они могли теперь ясно видеть его. Глаза были круглые и широко раскрытые, нос – немного искривленный, рот – большой, с отвисшей полукруглой нижней губой. Лицо напоминало кроваво-красную луну.

Как могла эта красная луна скользить в темноте на высоте человеческого роста, без всякой поддержки, без тела – видимого, по крайней мере? И как она передвигалась так быстро со своими неподвижными, широко раскрытыми глазами? И что вызывало царапанье, скрежетанье, визг – все эти звуки, которые приближались вместе с этим ужасным лицом.

Наконец перс и Рауль поняли, что дальше отступать некуда. Они прижались к стене, не зная, что несет им это непостижимое чудовище и особенно этот звук, который становился все громче, сильнее, все более «кишащим», более «ритмичным», поскольку явно состоял из сотен более мелких звуков, идущих в темноту ниже горящего лица.

Огненный диск продолжал приближаться, пока почти не достиг того места, где стояли перс и Рауль. Все еще прижавшись к стене, они чувствовали, что их волосы стали дыбом от ужаса, – они знали теперь, откуда идут эти многократные звуки. Звуки шли от массы, уносимой в темноту бесчисленными волнами, более быстрыми, чем волны, которые набегают на пляж, когда поднимается прибой: это были маленькие ночные волны, пенящиеся при луне, при луне с горящим ли-

цом.

Маленькие волны пробежали между их ног и стали непреодолимо карабкаться вверх. Рауль и перс не могли больше сдерживать криков ужаса и боли. Ни один из них уже был не в состоянии держать руку перед глазами, в положении, которое принимали, как я говорил, дуэлянты того времени, ожидая приказа стрелять. Их руки стряхивали с себя эти светящиеся маленькие волны, волны, полные ног, острых коготков и зубов. Да, Рауль и перс были на грани обморока, как лейтенант Папен, пожарный. Но вот огненное лицо повернулось, услышав их крик, и произнесло:

– Не двигайтесь! Не двигайтесь! И что бы вы ни делали, не идите за мной! Я убиваю крыс, дайте мне пройти с моими крысами.

Огненный диск неожиданно исчез в тени, коридор впереди стал светлее. Прежде, чтобы не пугать крыс впереди себя, крысолов держал фонарь повернутым к своему лицу, освещая его, теперь, чтобы идти быстрее, он светил в темноту перед собой. Он спешил, увлекая за собой эти карабкающиеся, пищущие волны крыс, все эти бесчисленные шумы.

Освободившись от ужаса, Рауль и перс стали дышать свободнее, хотя все еще продолжали дрожать.

– Я должен был помнить, что Эрик рассказывал об этом убийце крыс, – сказал перс. – Но он не говорил, что тот выглядит подобным образом, а я никогда не встречал его раньше. – Перс вздохнул. – Я подумал, что это еще один трюк монстра. Но нет, он никогда не приходит в эту часть подвалов. – Мы очень далеко от озера? – нетерпеливо спросил Рауль. – Когда мы попадем туда? Пойдемте к озеру! К озеру! Там мы позовем Кристину, мы потрясем стены, закричим. Она услышит нас. И он тоже. И поскольку вы знакомы, мы поговорим с ним.

– Вы рассуждаете как ребенок! – сказал перс. – Если мы направимся прямо к озеру, мы никогда не попадем к его дому.

– Почему?

– Потому что там он собрал всю свою охрану. Мне самому никогда не удавалось добраться до другого берега, того, где расположен дом. Во-первых, надо пересечь озеро, а оно хорошо охраняется. Боюсь, что некоторые люди, которые исчезли и которых никогда больше не видели – бывшие рабочие сцены, старики, закрывающие двери, – просто пытались пересечь озеро. Это ужасно! Меня самого чуть не убили там. Если бы монстр не узнал меня вовремя... Послушайтесь моего совета: никогда не появляйтесь у озера. И будьте готовы закрыть себе уши, если услышите пение подводного голоса, голоса сирены.

– Тогда что же мы делаем здесь? – спросил Рауль, охваченный лихорадочным нетерпением и гневом. – Если вы не можете ничем помочь Кристине, дайте мне, по крайней мере, умереть за нее.

Перс попытался успокоить его:

– Есть только один путь спасти ее, поверьте мне, это попасть в дом, чтобы монстр не знал об этом.

– И мы можем надеяться на это?

– Если бы не было надежды, я не пришел бы к вам!

– Как же мы сможем попасть в дом у озера, не пересекая озера?

– Из третьего подвала, откуда нам, к сожалению, пришлось уйти. Теперь мы вернемся туда. Я объясню вам, где точно находится это место. – Голос перса задрожал. Это между задником и декорациями из «Короля Лахора», как раз там, где умер Жозеф Бюке.

– Главный рабочий сцены, которого нашли повешенным?

– Да, его повесили, но веревку не смогли найти, – сказал перс странным голосом. – Пойдемте! Мужайтесь! Пойдемте, и опять держите вашу руку перед глазами. Но где мы?

Перс вынужден был вновь открыть свой затемненный фонарь, осветив два огромных коридора, которые пересекались под прямым углом. Их сводчатые потолки, казалось, тянулись в бесконечность.

– Мы должны быть, – сказать он, – в той части, где расположены водопроводные сооружения. Но я не вижу огня из печей.

Перс шел впереди Рауля, прокладывая дорогу и время от времени останавливаясь, чтобы не столкнуться с кем-нибудь из водопроводчиков.. Они старались избегать света своего рода подземных кузниц, которые затухали. Рядом с кузницами Рауль узнавал «демонов», которых мельком видела Кристина во время их первого путешествия и ее первого пленения.

Таким путем они вернулись в громадные подвалы под сценой. Они, вероятно, были на дне того, что называли «ванной» (и поэтому на большой глубине, учитывая, что строители копали пятнадцать метров ниже уровня воды). Чтобы иметь представление о количестве воды, которую откачали строители, надо представить себе водоем такой же площадью, как двор Лувра, и глубиной в полторы высоты башен Нотр-Дам. И тем не менее строители должны были сохранить озеро.

Перс постучал по стене и сказал:

– Если не ошибаюсь, эта стена является частью дома у озера.

Может быть, читателю небезынтересно узнать, как сооружались дно и стены «ванной».

Чтобы избежать прямого контакта воды со стенами, поддерживающими всю установку «театрального аппарата», чьи написанные холсты, деревянные и металлические сооружения требовали защиты от сырости, архитектор вынужден был спроектировать двойную окружающую раму. Работа по ее строительству заняла целый год.

Это была стена первой внутренней рамы, по которой стучал перс, говоря Раулю о доме у озера. Тем, кто знаком с архитектурой здания, жест перса, казалось, указывал, что загадочный дом Эрика сооружен внутри двойной рамы, которая представляла собой толстую стену, построенную как кессон, затем кирпичную стену, огромный слой цемента и еще одну стену толщиной в несколько метров, Рауль прильнул к стене и замер, прислушиваясь. Но он ничего не услышал, ничего, за исключением отдаленных шагов в верхней части здания.

Перс вновь затемнил фонарь.

– Осторожно! – сказал он. – Не забывайте о руке. А теперь – молчание, потому что мы попытаемся попасть в дом.

Он повел Рауля к маленькой лестнице, по которой они спускались ранее вниз. Теперь они поднялись по ней, останавливаясь на каждой ступеньке, пристально всматриваясь в темноту и прислушиваясь, пока не достигли третьего подвала.

Перс жестом указал Раулю встать на колени, затем, переползая на коленях и опираясь на одну руку (другую руку они все еще держали в требуемом положении), они добрались до задней стены.

Здесь стоял большой заброшенный задник для спектакля «Король Лахора», за этим задником находились другие декорации, между ними было достаточно места. Места для тела, которое однажды нашли повешенным, – тела Жозефа Бюке.

Все еще стоя на коленях, перс остановился и вновь прислушался. Какой-то момент он, казалось, колебался. Потом посмотрел вверх, в сторону второго подвала, откуда через трещину между двумя досками пробивался слабый свет. Этот свет, очевидно, беспокоил перса. Наконец он кивнул Раулю и решил.

Он стал протискиваться между задником и комплектом декораций из «Короля Лахора», Рауль последовал за ним. Перс прощупывал стену. Рауль видел, как он сильно нажал на какое-то место, так же как нажимал на стену в артистической комнате Кристины. И камень провалился. Теперь в стене образовалась дыра.

Перс достал из кармана свой пистолет и дал сигнал Раулю сделать то же самое. Он взвел курок и решительно, по-прежнему на коленях, пополз в дыру. Рауль, который хотел пойти первым, должен был удовлетвориться тем, что последовал за ним. Дыра была очень узкой.

Перс остановился почти сразу, едва пролез. Рауль слышал, как он прощупывает камни вокруг. Затем перс открыл фонарь, наклонился вперед, рассмотрел что-то и затемнил фонарь.

– Нам надо прыгнуть вниз на несколько метров, не создавая шума, – сказал он. – Снимите ваши башмаки. – Он снял свои собственные и отдал их Раулю. – Поставьте их на другой стороне стены. Мы заберем их, когда будем уходить.

Перс продвинулся немного вперед, затем повернулся, все еще на коленях, лицом к Раулю.

– Я ухвачусь руками за край камня, – проговорил он, – и прыгну в дом. Затем вы сделаете то же самое. Не бойтесь. Я поймаю вас.

Перс сделал так, как сказал. Рауль услышал внизу глухой звук от его падения и вздрогнул, опасаясь, что звук может выдать их присутствие.

Однако больше, чем этот звук, ужасную тревогу у него вызвало отсутствие других звуков. Если верить персу, они были теперь внутри дома у озера. Но где Кристина! Никакого крика! Никакого зова! Никакого стона! Боже мой! Неужели они пришли слишком поздно?

Рауль, стоя на коленях, ухватился за камень и прыгнул вниз. Через секунду его уже подхватили сильные руки.

– Это я, – сказал перс. – Тише!

Они стояли не дыша, прислушиваясь. Никогда темнота вокруг не казалась им более непроницаемой, а безмолвие – более тяжелым, пугающим. Рауль зажал рот, чтобы удержаться от крика: «Кристина! Я здесь! Ответьте мне, если вы не мертвы, Кристина!» Наконец перс опять поднял свой фонарь, пытаясь рассмотреть дыру, через которую они проникли, и не находя ее.

– Ох, – сказал он. – Камень закрылся сам по себе. Свет от фонаря скользнул вниз по стене на пол. Перс наклонился и взял что-то похожее на веревку. Он рассматривал ее одну секунду и в ужасе отшвырнул прочь.

– Пенджабское лассо! – воскликнул он.

– Что это? – спросил Рауль.

– Возможно, веревка повешенного, которую так долго искали, – ответил его спутник, содрогаясь.

Вдруг, охваченный беспокойством, перс направил маленький красный круг фонаря вверх, на стену, как ни странно, осветив ствол дерева, казалось, еще живого, с листьями. Его ветви поднимались вдоль стены и исчезали на потолке.

Диск света был очень маленьким, поэтому было трудно понять, что это перед ними. Они видели часть веток, затем лист и еще один, и больше ничего, ничего, за исключением пучка света, который, казалось, был отраженным. Рауль протянул руку к этому «ничего», этому отражению.

– Вот сюрприз! – воскликнул он. – Стена – это зеркало!

– Да, зеркало! – повторил перс взволнованно. Он провел рукой, которая держала пистолет, по своему влажному лбу. – Мы попали в камеру пыток!

Глава 22. Интересные и поучительные приключения перса в подвалах Оперы

Перс сам написал отчет о том, как до этой ночи он тщетно пытался проникнуть в дом у озера со стороны самого озера, как он обнаружил вход в третьем подвале театра и, наконец, как он и виконт де Шаньи оказались пленниками призрака Оперы в камере пыток. Я пересказываю здесь историю, оставленную нам персом (при обстоятельствах, которые будут описаны позже), не изменив в ней ни одного слова. Я передаю ее такой, какая она есть, ибо чувствую, что не должен оставлять без внимания приключения дароги <Дарога (перс.) – начальник правительственной полиции.>, связанные с домом у озера, прежде чем тот попал туда с Раулем. Если это интересное начало на короткое время и отвлечет нас от камеры пыток, то только для того, чтобы вскоре вернуть нас обратно, вернуть после объяснения важных вещей, некоторых позиций перса и способов действия, которые, возможно, покажутся кому-то довольно необычными.

История перса

Я впервые попал в дом у озера. Напрасно я просил любителя люков – так называли в моей стране Эрика – открыть мне таинственные двери. Он всегда отказывался. Я, которому платили за то, чтобы я выведал его секреты и трюки, безуспешно пытался проникнуть в дом посредством хитрости. Найдя Эрика в Опере, где он, кажется, поселился, я часто следил за ним, иногда в надземных коридорах, иногда в подземных, а иногда на берегу озера, когда он, думая, что один,

садился в маленькую лодку и греб к стене на противоположном берегу. Но всегда темнота не позволяла мне разглядеть, где он открывал дверь в стене.

Однажды, когда я тоже думал, что один, любопытство и ужасная мысль, пришедшая мне в голову, пока я размышлял над некоторыми вещами, о которых говорил мне монстр, побудили меня сесть в маленькую лодку и грести к той части стены, где обычно исчезал Эрик. Вот тогда-то я и обнаружил сирену, которая охраняла подходы к этому месту и чье очарование чуть не стало роковым для меня.

Едва я отчалил от берега, тишину вокруг нарушило какое-то странное пение. Оно казалось одновременно музыкой и звуком дыхания, нежно несло из вод озера и окутывало меня каким-то непонятным образом. Звуки следовали за мной и были такими сладостными, что не пугали меня. Напротив, желая приблизиться к источнику этой мягкой, пленительной гармонии, я наклонился за борт лодки к воде, поскольку не сомневался, что пение шло оттуда. Я был уже на середине озера. Голос – теперь я это отчетливо слышал – был рядом со мной, в воде. Я склонился еще ниже... Озеро было совершенно спокойным. Луна, которая освещала его через вентиляционное отверстие на улице Скриба, абсолютно ничего не высвечивала на гладкой черной поверхности озера. Я покрутил головой, чтобы отделаться от возможного звона в ушах, но мне пришлось признать очевидный факт, что никакой звон в ушах не может быть таким гармоничным, как шелестящее пение, которое следовало за мной и притягивало меня.

Если бы я был суеверным или восприимчивым к фантастическим выдумкам, то определенно бы подумал, что имею дело с сиреной, посаженной в воду, чтобы запугать любого путешественника, достаточно смелого, чтобы пуститься в плавание к дому у озера. Но, слава Богу, я вырос в стране, где люди слишком любят фантастическое и знают его основательно, и я сам изучал его достаточно глубоко. С помощью самого простого трюка любой фокусник, который знает свое ремесло, может заставить лихорадочно работать бедное человеческое воображение.

Итак, я не сомневался, что столкнулся с каким-то новым изобретением Эрика, но это изобретение было таким совершенным, что, когда я склонялся за борт лодки, мною меньше двигало желание обнаружить искусную проделку, чем насладиться ее очарованием.

Я перегибался через борт все больше и больше, пока наконец не оказался на грани того, что чуть не перевернул лодку. Неожиданно две чудовищные руки появились из воды, схватили меня за шею и потащили вниз с непреодолимой силой. Я наверняка проиграл бы эту схватку, если бы не успел издать крик, по которому Эрик узнал меня.

Ибо это был Эрик и, вместо того чтобы утопить меня, как он, несомненно, намеревался сделать, он подплыл и вытащил меня на берег. – Это было опрометчиво с вашей стороны, – сказал он, стоя передо мной, в то время как адская вода стекала с его тела. – Зачем вы пытаетесь попасть в мой дом? Я не приглашал вас. Я не хочу видеть в своем доме ни вас, ни кого-либо еще в мире. Неужели вы спасли мою жизнь только для того, чтобы сделать ее невыносимой? Неважно, какую услугу вы оказали Эрику, Эрик может забыть ее в конце концов, и вы знаете, что тогда ничто не удержит его, даже он сам.

Эрик продолжал говорить, но теперь моим единственным желанием было узнать суть трюка, который я назвал «трюком сирены». Он был готов удовлетворить мое любопытство, ведь, хотя он и настоящий монстр (так я оцениваю его после того, как имел, к сожалению, возможность наблюдать за ним в Персии), в некоторых отношениях он дерзкий, тщеславный ребенок, – изумляя людей, он ничего не любит больше, чем продемонстрировать удивительную изобретательность своего ума.

Эрик засмеялся и показал мне длинный тростник.

– Это смехотворно простая штука, – сказал он, – но очень полезная для того, чтобы дышать и петь под водой. Этому трюку я научился у тонкинских пиратов. С помощью тростниковых палочек они скрываются на дне реки, иногда просиживая там часами.

– Этот трюк чуть не убил меня, – проговорил я сурово, – и он может стать роковым для других.

Эрик подошел ко мне с выражением детской угрозы, которое я часто видел на его лице. Не позволяя ему запугать себя, я говорил с ним резко.

– Вы помните, что обещали мне, Эрик, – больше никаких убийств!

– Разве я когда-нибудь убивал? – спросил он добродушно.

– Негодай! – воскликнул я. – Вы забыли «розовые часы» в Мазендеране?

– Да, – ответил он, внезапно опечалившись. – Я предпочел забыть их, хотя тогда, помнится, я заставлял смеяться маленькую султаншу.

– Все это в прошлом, – сказал я. – Но есть настоящее. И вы отвечаете передо мной за настоящее, поскольку его не существовало бы для вас, если бы я не захотел этого. Помните, Эрик, я спас вам жизнь! – И я воспользовался поворотом в разговоре, чтобы поговорить с ним о том, что уже некоторое мучило меня.

– Эрик, – начал я, – поклянитесь мне...

– Зачем? – прервал он. – Вы же знаете, я никогда не выполняю своих клятв. Клятвы существуют для дураков!

– Скажите мне... Вы можете сказать...

– Сказать что?

– Хорошо, люстра– Люстра, Эрик...

– Что же именно?

– Вы знаете, что я имею в виду.

– Ах да, люстра, – засмеялся он. – Я могу сказать вам. Я не делал ничего для того, чтобы она упала. Просто крепления износились.

Смеясь, Эрик выглядел еще более устрашающе, чем обычно. Он прыгнул в лодку с таким зловещим смехом, что я не мог сдержать дрожи.

– Крепления износились, мой дорогой дарога, – продолжал он. – Крепления люстры совершенно износились. Она упала сама по себе и разбилась. А теперь позвольте дать вам совет: пойдите и обсохните, если не хотите простудиться. Никогда больше не садитесь в мою лодку, но в особенности запомните вот что: не пытайтесь попасть в мой дом. Я не всегда бываю там, дарога, и глубоко опечалюсь, если мне придется посвятить вам свой реквием.

Эрик опять зловеще засмеялся, стоя на корме лодки и раскачиваясь взад и вперед, как обезьяна. Если бы не золотые глаза, его можно было принять за скромного перевозчика на Лете. Скоро я уже не видел ничего, кроме его глаз, и в конце концов он полностью растворился в темноте.

С этого дня я оставил все надежды попасть в его дом через озеро. Этот вход, совершенно очевидно, хорошо охранялся, особенно теперь, когда Эрик знал, что мне известно о нем. Но я не сомневался, что есть еще один вход, поскольку не один раз видел, как Эрик исчезал в третьем подвале. Я следил за ним и не мог понять, как он это делал.

Я не буду слишком часто повторять, что с того времени, как я нашел Эрика в Опере, я постоянно испытывал ужас от его страшных проделок. Я не боялся за себя, но чувствовал, что он способен на что угодно в отношении других. Когда происходил какой-то несчастный случай, какие-либо пагубные события любого рода, я говорил себе: «Может быть, это Эрик», так же, как другие вокруг меня говорили: «Это был призрак!» Как часто я слышал, что эти слова произносились с улыбкой. Если бы эти бедные люди знали, что призрак существует во плоти и крови и его надо бояться намного больше, чем воображаемую тень, о которой они говорили, могу уверить, что они перестали бы шутить по этому поводу. Если бы они знали, на что способен Эрик, особенно в таком месте, как Опера! И если бы они знали о моих ужасных мыслях...

Что же касается меня, я был преисполнен тревоги. Хотя Эрик торжественно проинформировал меня, что изменился и превратился в самого добродетельнейшего из мужчин, особенно теперь, когда стал нравиться самому себе, – эти слова привели меня в недоумение, – я не мог не вздрагивать, когда думал о нем. Ужасное, уникальное, отталкивающее уродство поставило Эрика за пределы общества, и я полагал, что именно по этой причине он больше не чувствует никаких обязательств перед родом человеческим. То, как он говорил со мной о своих любовных делах, – в хвастливом тоне, который мне был хорошо знаком, – заставило меня взглянуть на это, как на причину новых трагедий, худших, чем все остальные, и еще больше усиливало мой страх. Я знал, как его горе может обернуться грандиозным, разрушительным отчаянием, и вещи, кото-

рые он рассказывал мне, туманно намекая на некую ужасную катастрофу, были частью пугающих меня мыслей.

Кроме того, я узнал о странных отношениях, которые установились между монстром и Кристиной Доз. Прячась в кладовой, расположенной рядом с ее артистической комнатой, я слушал превосходные музыкальные представления, которые, очевидно, захватили ее, но не мог поверить, что голос Эрика, то оглушительный, как гром, то мягкий, как голос ангела, способен был заставить девушку забыть о его уродстве. Я все понял, когда узнал, что она никогда не видела монстра!

У меня был шанс попасть в артистическую комнату Кристины. Помня об уроках, которые Эрик преподавал мне в прошлом, я без труда нашел устройство, с помощью которого стена, поддерживающая зеркало, могла стать точкой вращения; я видел устройство из полых кирпичей, которые функционировали как говорящие трубки – с их помощью Эрик делал так, что Кристина слышала его, как будто он стоял рядом с ней. Я также обнаружил проход, ведущий к подземной тюрьме коммунаров, и фонтан, а также люк, который, вероятно, давал Эрику возможность уходить прямо в подвалы под сценой.

Несколькими днями позже я был поражен, увидев своими собственными глазами Эрика с Кристиной. Я видел, как он склонился над маленьким фонтаном в проходе коммунаров (в самом конце, под землей) и смачивал холодной водой лоб девушки, которая была без сознания, очевидно, после обморока. Белая лошадь, лошадь из «Пророка», которая исчезла из подземной конюшни Оперы, спокойно стояла рядом с ними. Я нечаянно выдал себя. Это было ужасно. Я видел, как искры летели из его золотых глаз, и, прежде чем успел сказать слово, меня оглушили ударом по голове.

Когда я пришел в себя, Эрика, Кристины и белой лошади уже не было. У меня не оставалось сомнений, что бедная девушка стала затворницей в доме у озера. Без колебаний я решил идти к озеру, несмотря на опасность, связанную с этим. Двадцать четыре часа, прячась на темном берегу, я ждал, когда появится монстр, надеясь, что Эрик должен отправиться за продуктами. Должен сказать, что выходя в город или осмеливаясь показаться на публике в театре, Эрик надевал нос из папье-маше с приделанными к нему усами, чтобы скрыть отвратительную дыру вместо собственного носа. Хотя это полностью не меняло его ужасного облика, поскольку люди, видя Эрика, называли его живой смертью, но, по крайней мере, делало его наружность почти – я подчеркиваю слово «почти» – сносной.

Ожидая его на берегу озера Аверне, как Эрик называл его несколько раз с безрадостным смехом в разговоре со мной, – я наконец стал уставать от своего долготерпения и сказал себе, что он, очевидно, ушел через какую-то другую дверь, ту, что в третьем подвале. Затем я услышал в темноте слабый всплеск и увидел два золотых глаза, светящихся, подобно бакену, и вскоре его лодка причалила к берегу. Выпрыгнув из нее, – Эрик подошел ко мне.

– Вы находились здесь двадцать четыре часа, – сказал он. – Вы беспокоите меня, и предупреждаю: это закончится плохо. Вы сами навлекаете на себя беду, хотя я невероятно терпелив по отношению к вам. Вы думаете, что следите за мной, безмерный простак, но я сам следил за вами и знаю все, что знаете вы обо мне. Я пощадил вас вчера в проходе коммунаров, но слушайте меня внимательно. Не давайте мне возможности опять встретить вас там! Вы ведете себя очень опрометчиво, и мне интересно, можете ли вы понимать намек с полуслова!

Эрик был так зол, что я не рискнул прервать его. Громко фыркнув, он выразил свои страшные мысли, которые совпадали с самыми ужасными моими мыслями:

– Вы должны научиться раз и навсегда – да, раз и навсегда! – понимать намек с полуслова. Из-за вашего безрассудства вас уже дважды останавливал мужчина в войлочной шляпе. Он не знал, что вы делаете в подвалах, и отвел к директорам. К счастью, они подумали, что вы только эксцентричный перс, интересующийся сценическими эффектами, и любите бывать за кулисами (я был там, да, был в кабинете, вы знаете, я повсюду). Из-за вашего безрассудства люди в конце концов заинтересуются, что вы ищите здесь, узнают, что вы ищите Эрика, и тоже начнут искать Эрика и обнаружат дом у озера. Затем может произойти нечто ужасное, мой друг! И я тогда не буду ни за что отвечать! – Он фыркнул опять. – Нет, ни за что! Если секреты Эрика не останутся

секретами Эрика, это может очень плохо кончиться для многих представителей рода человеческого. Это все, что я хочу сказать вам, и этого должно быть достаточно, если вы, безмерный простак, и не научились понимать намеки с полуслова.

Он сел на корму лодки и стал бить по ней каблуками, ожидая моего ответа. Я же просто сказал:

– Эрик, вы не единственный, кого я разыскиваю здесь.

– Кто же это тогда?

– Вы хорошо знаете: это Кристина Доз.

– Я имею право встречаться с ней в моем доме. Я люблю таким, какой есть.

– Это неправда, – возразил я. – Вы похитили ее, и теперь она ваша пленница.

– Послушайте. Обещайте никогда не вмешиваться в мои дела, если я докажу, что люблю.

– Обещаю, – ответил я без колебаний, потому что был уверен, что подобное доказательство невозможно для такого монстра.

– Хорошо, это совсем просто. Кристина покинет дом, когда сама захочет, и вернется обратно! Да, она вернется обратно по собственной воле! Вернется, потому что любит меня таким, какой я есть.

– О, я сомневаюсь, что она вернется... Но ваш долг – отпустить ее.

– Мой долг, вы, безмерный простак, это моя воля. Моя воля – позволить ей уйти, но она вернется обратно, потому что любит меня. Все закончится свадьбой, свадьбой в церкви Мадлен, вы, безмерный простак! Вы мне поверите, если я скажу, что моя свадебная месса уже написана? Когда услышите «Кирие» Он опять стукнул каблуками по лодке, на этот раз ритмично, и пропел мягко: „Кирие, кирие. Подождите, скоро вы услышите мессу!“ – Послушайте, – сказал я. – Я поверю вам, лишь увидев, как Кристина Доз покидает дом у озера и возвращается в него по своей собственной, свободной воле.

– И вы никогда больше не станете вмешиваться в мои дела? Очень хорошо, вы увидите это сегодня ночью. Приходите на маскарад. Кристина и я будем там некоторое время. Затем вы можете спрятаться в кладовой и убедиться, что Кристина опять готова пойти за мной проходом коммунаров. – Я буду там.

Если я увижу это, то вынужден буду признать правоту Эрика, потому что красивая женщина имеет право любить самого уродливого монстра, особенно если монстр умеет очаровывать музыкой так, как этот, а красивая женщина оказывается выдающейся певицей.

– А теперь уходите, – сказал Эрик – Мне нужно сделать кое-какие покупки.

И я ушел. Я все еще беспокоился о Кристине Доз, но теперь был поглощен ужасными мыслями и о себе, особенно после того, что Эрик сказал о моем безрассудстве.

«Чем все это закончится?» – спрашивал я себя. И хотя я фаталист, я не мог отделаться от преследующей меня тревоги, громадной ответственности, которую однажды принял на себя, после того как спас жизнь монстра, угрожающего теперь «многим представителям рода человеческого».

* * *

К моему изумлению, все произошло так, как предсказал Эрик. Несколько раз я видел, как Кристина Доз покидала дом у озера и возвращалась обратно в него без каких-либо признаков того, что ее заставляли делать это. Я попытался выбросить из головы эту любовную тайну, но мне было очень трудно (особенно из-за, моих ужасных мыслей) не думать об Эрике. Однако, соблюдая осторожность, я больше не сделал ошибки и не приходил к озеру или в проход коммунаров. Но поскольку меня все еще преследовала мысль о секретном входе в третьем подвале, я неоднократно спускался туда, зная, что днем там обычно никого не бывает. Я провел там бесконечное количество часов, прощупывая стены большим пальцем, прячась за комплектом декораций из «Короля Лахора», оставленных там не знаю почему, поскольку «Короля Лахора» представляли нечасто.

И мое терпение было вознаграждено. Однажды я наконец увидел монстра. Он направлялся

ко мне. Он полз на четвереньках! Я был уверен, что он не заметил меня. Он прополз между декорациями и задниками, подошел к стене и в месте, которое я запомнил, нажал на пружину. Пружина отодвинула камень назад, открывая проход. Эрик исчез в нем, и камень опять сдвинулся за ним. Теперь я знал секрет монстра и мог попасть в дом у озера, когда захочу!

Чтобы убедиться в этом, я подождал примерно час и затем нажал на пружину. Механизм сработал. Но, зная, что Эрик дома, я не полез в проход. Более того, мысль о том, что он может застать меня там врасплох, неожиданно напомнила мне о смерти Жозефа Бюке, и, не желая утратить преимущества открытия, которое может быть полезным для многих людей, для «многих представителей рода человеческого», я покинул на этот раз подвалы Оперы.

Как вы можете себе представить, меня все еще интересовали отношения Эрика и Кристины Доз, но не из-за нездорового любопытства, а из-за ужасных мыслей, которые, как я уже говорил, никогда не покидали меня. «Если Эрик обнаружит, что он нелюбим, – говорил я себе, – от него можно ожидать всего».

Я продолжал осторожно бродить по зданию Оперы и вскоре узнал правду о печальной любовной истории монстра. Эрик завладел умом Кристины насильно, но сердце ее целиком принадлежало Раулю де Шаньи. Играя в верхней части здания Оперы роль невинной помолвленной пары, они не сознавали, что кто-то наблюдал за ними. Я решил не останавливаться ни перед чем: я бы убил монстра, если бы потребовалось, и после этого сдался полиции. Эрик не показывался, но меня не успокоило его отсутствие.

Я должен рассказать вам о своем плане. Я верил, что монстр, возможно, будет изгнан из своего дома ревностью, и тогда я смогу войти туда, не опасаясь, через проход в третьем подвале. Мне было важно в общих интересах точно знать, что находится в этом доме.

Однажды, устав от ожиданий, я отодвинул камень и тут же услышал мощную музыку – монстр работал над «Торжествующим Дон Жуаном». Я знал: это труд его жизни. Я предусмотрительно остался в темной дыре и не двигался. Эрик на некоторое время перестал играть и расхаживал по дому взад и вперед как сумасшедший, говоря гремющим повсюду голосом: «Юн должен быть закончен до этого! Полностью закончен!» Эти слова меня тоже не успокоили. Едва он опять начал играть, я осторожно закрыл камнем отверстие. И даже когда оно было закрыто, я все еще мог слышать отдаленное, неясное пение, идущее из глубины земли, так же как я слышал песню сирены, поднимающуюся из глубины озера. Я вспомнил, что говорили рабочие сцены, которые нашли тело Жозефа Бюке, и над чем люди скептически посмеивались: рабочие утверждали, будто слышали около тела «звук, похожий на пение мертвых».

В тот вечер, когда была похищена Кристина Доз, я прибыл в Оперу довольно поздно, боясь услышать плохие новости. Я провел ужасный день, ибо прочитал в утренней газете, что Кристина и виконт де Шаньи собираются пожениться, постоянно думал над тем, не надо ли мне в конце концов сообщить в полицию о существовании монстра. Но благоразумие наконец вернулось ко мне, и я понял, что это может только ускорить катастрофу.

Выйдя из кэба перед Оперой, я посмотрел на здание так, будто был удивлен тем, что оно еще стоит. Но, как у всех восточных людей, во мне есть что-то от фаталиста, и я вошел внутрь, готовый ко всему.

Похищение Кристины во время сцены в тюрьме, естественно, потрясло всех, но не меня. Я ни на минуту не усомнился в том, что ее исчезновение организовал Эрик – подлинный король фокусников. И я думал, что на этот раз это был конец для нее и, возможно, для всех нас.

Я даже хотел попытаться убедить всех этих людей, задержавшихся в Опере, уйти. Но меня остановило то, что они наверняка сочли бы меня ненормальным. К тому же я знал, что попытаюсь я заставить их покинуть зал, закричав, например: «Пожар!», я мог бы вызвать катастрофу – люди душили бы, топтали друг друга до смерти в давке, дикой драке, даже худшей, чем та, которой я страшился.

Однако я решил, что действовать надо без задержки. Вероятно, Эрик теперь думал только о своей пленнице, и я должен воспользоваться этим, чтобы войти в его дом через проход в третьем подвале. Я попросил отчаявшегося виконта Рауля де Шаньи помочь мне, и он немедленно согласился, с доверием, которое меня глубоко тронуло. Я послал Дариуса за пистолетами. Он принес

их нам в артистическую комнату Кристины. Я дал один Раулю и посоветовал ему быть готовым стрелять, как был готов я, поскольку Эрик мог ожидать нас по другую сторону стены. Мы должны были идти проходом коммунаров и через люк.

Увидев пистолеты, Рауль спросил меня, собираемся ли мы драться на дуэли. Мы, определенно, собирались. «И какая дуэль!» – сказал я, но, конечно, у меня не было времени объяснить все ему. Он смел, однако почти ничего не знает о своем противнике.

Что значит дуэль с самым горячим бойцом по сравнению с единоборством с самым блестящим фокусником? Мне самому казалась сомнительной перспектива поединка с человеком, которого можно видеть только тогда, когда он этого хочет, и который сам видит все, когда другие – ничего, человеком, чьи странные познания, хитрость, воображение позволяют ему использовать все естественные силы и соединить их, чтобы создать иллюзию вида и звука, способную привести его оппонентов к мысли об обреченности. И теперь он действует в подвалах Оперы – то есть в стране фантазмагории! Может ли кто-нибудь подумать об этом без содрогания?! Может ли кто-нибудь представить себе, что, возможно, случится в Опере, если в ее пяти подвалах и двадцати пяти помещениях верхних уровней властвует жестокий и игривый Роберт Худен, который иногда шутит, а иногда ненавидит, иногда опустошает карманы, а иногда убивает? Подумайте только о схватке с любителем люков, который в моей стране сделал так много люков, лучших в своем роде, подумайте о борьбе с любителем люков в стране люков!

Мне оставалось надеяться только на то, что Врик все еще был с Кристиной, которая, без сомнения, опять упала в обморок в доме у озера, куда монстр должен был привести ее, но я боялся, что он находится где-то рядом, готовый применить пенджабское лассо.

Никто не мог бросать пенджабское лассо лучше Эрика – он являлся принцем душителers, также как и королем фокусников. Однажды, когда он закончил развлекать маленькую султаншу во время «розовых часов» Мазендерана, она попросила его придумать что-то такое, что заставит ее вздрогнуть. И монстр не нашел лучшего способа, чем применить пенджабское лассо. Он научился невероятному искусству удушения в Индии и часто дрался с бойцами, обычно со смертниками, вооруженными длинным копьем и палахом. У Эрика было только лассо, и как раз тогда, когда противник думал, что убьет его мощным ударом, лассо взвивалось в воздух. Ловким движением запястья Эрик затягивал его вокруг шеи несчастного и затем тащил того к маленькой султанше и ее приближенным, наблюдавшим за поединком из окна. Маленькая султанша тоже научилась бросать пенджабское лассо и даже задушила им несколько человек.

Но я предпочитаю оставить ужасную тему «розовых часов» Мазендерана. Я говорил о них только потому, что, спустившись в подвалы Оперы с виконтом Раулем де Шаньи, я должен был предостеречь его от постоянной угрозы быть задушенным. Конечно, в подвалах мои пистолеты не могли нам пригодиться, поскольку я был уверен:

Эрик, ничего не сделавший, чтобы помешать нам войти в проход коммунаров, сам не появится. Но он, возможно, попытается задушить нас. У меня не было времени объяснить все это Раулю, но даже если бы оно и было, не знаю, использовал бы я его, чтобы рассказать, что где-то в темноте в любой момент к нему может полететь пенджабское лассо. Было бы бесполезно осложнять ситуацию. Я только попросил Рауля держать руку на уровне глаз и согнуть руку в положении дуэлянта, ждущего приказа стрелять. Это положение исключает возможность быть задушенным с помощью пенджабского лассо, даже если оно искусно брошено. Лассо обвивает вашу руку и тем самым становится безвредным, потому что вы легко можете избавиться от него.

После того как нам удалось избежать встречи с полицейским комиссаром, несколькими стариками, закрывающими двери, и пожарными, а также после встречи с убийцей крыс и человеком в войлочной шляпе, который не заметил нас, Рауль и я без труда попали в третий подвал. Там между задником и комплектом декораций из «Короля Лахора» я отодвинул камень, и мы спрыгнули вниз, в дом, который Эрик построил в «двойном конверте» фундаментальных стен Оперы (что он сделал без затруднений, поскольку был одним из самых выдающихся строителей-подрядчиков Шарля Гарнье, архитектора театра, и продолжал работать тайно и в одиночку, когда строительные работы официально были прекращены во время войны, осады Парижа и коммуны).

Я знал Эрика достаточно хорошо и полагал, что смогу раскрыть все его трюки. Однако мне стало не по себе, когда я попал в его дом, ибо был в курсе того, что он сделал с мазендеранским дворцом: он превратил его в дом дьявола, где никто не мог сказать слова без того, чтобы его не подслушали и эхо его не повторило. Сколько бурных семейных сцен и кровавых трагедий оставил монстр после себя со своими люками. Во дворце, который Эрик «перестроил», вы никогда не знали точно, где находитесь. У него были поистине страшные изобретения, но наиболее ужасным из всех являлась камера пыток. За редким исключением, когда маленькая султанша развлекалась, заставляя страдать некоторых представителей среднего класса – своих подданных, в камеру помещали только заключенных, осужденных на смерть. По моему мнению, это была наиболее жестоко задуманная часть «розовых часов» Мазендерана. Правда, когда кто-либо в камере пыток «получал достаточно», ему всегда разрешали прекратить свои страдания пенджабским лассо.

Представьте мое состояние, когда я увидел, что эта комната в доме монстра, в которую мы с Раулем попали, была точной копией камеры пыток «розовых часов» Мазендерана.

У наших ног я нашел пенджабское лассо, которого так опасался весь вечер. Я был убежден, что его уже использовали для Жозефа Бюке, главного рабочего сцены. Он, вероятно, подобно мне, однажды заметил, как Эрик передвигал камень в третьем подвале. Из любопытства Жозеф Бюке тоже исследовал проход, но попал в камеру пыток и уже не вышел оттуда, удушенный монстром. Я могу легко представить, как Эрик, желая отделаться от тела, перетащил его в декорации из «Короля Лахора» и повесил на лассо как пример или для устрашения. Но, подумав, он вернулся, чтобы забрать обратно свое пенджабское лассо, которое сделано из струн и могло вызвать любопытство мирового судьи.

И вот теперь я видел лассо в камере пыток! Я не труслив, но холодный пот выступил на моем лице.

Фонарь дрожал в моей руке, когда я освещал им стены этой пакостной камеры.

Рауль заметил это и спросил:

– В чем дело?

Я энергично показал ему, чтобы он молчал. Я все еще надеялся, что монстр не знает, что мы находимся в камере пыток. Однако, даже если он и не знал, это еще не гарантировало нам безопасность. Мне казалось вполне вероятным, что камера пыток предназначалась для охраны дома монстра со стороны третьего подвала, и возможно, это делалось автоматически.

Да, пытки, скорее всего, начинались автоматически. Но кто мог сказать, какие движения с нашей стороны приведут механизмы пыток в действие?

Я настаивал, чтобы Рауль не двигался. Гнетущее безмолвие давило на нас. Красный свет моего фонаря продолжал скользить по стенам камеры пыток. Я узнал ее, узнал»

Глава 23. В камере пыток

(Продолжение истории перса)

Мы находились в середине маленькой шестиугольной комнаты. Все шесть ее стен от потолка до пола были покрыты зеркалами. По углам я отчетливо увидел сегменты зеркал, прикрепленные к барабанам, которые могли вращаться! Да, я узнал их, узнал и железное дерево в одном углу, железное дерево с железной веткой – виселицу!

Я схватил руку Рауля. Он трясся мелкой дрожью, готовый закричать своей невесте, что пришел спасти ее. Я боялся, что он может не сдержаться.

Вдруг мы услышали слева какой-то звук. Сначала он показался нам звуком открывающейся и закрывающейся двери в соседней комнате на фоне приглушенного стога. Я еще крепче схватил руку Рауля. В конце концов мы ясно услышали слова: «Возьмите это или уходите! Свадебный марш или похоронный марш». Я узнал голос монстра. Затем мы опять услышали стон, за которым последовало долгое молчание. Теперь я был убежден, что монстр не знал о нашем при-

сутствии в его доме, ибо в противном случае принял бы меры, чтобы мы не слышали его. Ему надо было только закрыть невидимое маленькое окно, через которое любители пыток смотрели в камеру. И я не сомневался – знай он, что мы там, пытки начались бы немедленно.

Поэтому у нас появилось большое преимущество перед ним – мы были рядом, но он не знал об этом. Сейчас самым важным для нас было не выдать себя, и я страшился импульсивности Рауля больше, чем чего-либо другого. Он был на грани того, чтобы прорваться через стены, отделявшие его от Кристины Доз, чьи стоны, нам казалось, мы слышали.

– Похоронный марш недостаточно бодрый, – продолжал голос Эрика, – но свадебный... Он великолепен! Вы должны принять решение, определиться, чего вы хотите! Что касается меня, то я не могу больше жить вот так, под землей, в дыре, как крот! «Торжествующий Дон Жуан» завершен, и теперь я хочу жить, как все. Хочу, чтобы у меня была жена, как у всех, и чтобы я выходил с ней на прогулки по воскресеньям. Я изобрел маску, которая позволяет мне выглядеть, как обычный человек. Станете самой счастливой женщиной. И мы будем петь для самих себя, одни, мы будем петь, пока не умрем от удовольствия... Вы плачете! Вы боитесь меня! Но ведь я не плохой человек. Полюбите меня, и вы увидите! Чтобы быть добрым, все, что мне необходимо, это любовь. Если вы полюбите меня, я буду нежен, как ягненок, и вы сможете делать со мной все что хотите.

Стоны, которые сопровождали этот молебен любви, становились все громче. Я никогда не слышал ничего подобного. Рауль и я поняли, что эти отчаянные стоны исходили от самого Эрика. Что же касается Кристины, то она, вероятно, стояла с другой стороны, безмолвная от ужаса, не имевшая больше сил кричать, видя перед собой монстра.

Рыдания Эрика были такими же громкими, как рев, и такими же мрачными, как ропот океана. Наконец три раза вопль вырвался из его горла:

– Вы не любите меня! Вы не любите меня! Вы не любите меня! – Затем его голос стал мягче, и он спросил: – Почему вы плачете? Вы знаете, что причиняете мне боль.

Молчание.

Нам это молчание давало надежду. Мы думали только о том, как дать знать Кристине о нашем присутствии. Ведь теперь мы могли покинуть камеру пыток лишь в том случае, если она откроет нам дверь, и только при этом условии мы могли помочь ей.

Вдруг тишину в соседней комнате нарушил звук электрического звонка. Мы услышали, как Эрик вскочил, а затем его громовой голос: «Кто-то звонит! Пожалуйста, входите!» – Зловещий смех. – «Кто это беспокоит нас? Подождите меня здесь, я пойду и прикажу сирене открыть дверь».

Шаги удалились, дверь закрылась. У меня не было времени думать о новом ужасе, который вот-вот мог произойти, я забыл, что монстр, возможно, вышел, чтобы совершить новое преступление; я понял только одно: Кристина одна в соседней комнате.

Рауль уже звал ее:

– Кристина! Кристина!

Раз мы слышали, что говорилось в другой комнате, то и нас, естественно, должны были услышать там. И все же Раулю пришлось повторить свой призыв несколько раз. Наконец слабый голос достиг нас:

– Мне снится – Кристина! Кристина! Это я, Рауль! – Молчание. – Ответьте мне, Кристина! Если вы одна, во имя неба, ответьте мне!

Затем голос Кристины прошептал имя Рауля.

– Да! Да! – закричал он. – Это я! Это не сон! Доверьтесь мне, Кристина! Мы здесь, чтобы спасти вас. Будьте осторожны! Как только вы услышите монстра, дайте нам знать.

– Рауль! Рауль!

Кристина заставила его несколько раз повторить ей, что это не сон и что он смог прийти к ней в сопровождении надежного человека, который знает секреты Эрика.

Но за радостью, которую мы принесли ей, вскоре последовал новый удар. Она хотела, чтобы Рауль немедленно ушел. Она боялась, что Эрик обнаружит его и убьет без колебаний. Она сказала нам в нескольких поспешных словах, что Эрик совершенно сошел с ума от любви и ре-

шил убить любого и себя в том числе, если она не согласится стать его женой в глазах гражданских властей и перед священником церкви Мадлен. Он дал ей время до одиннадцати часов следующей ночи все обдумать. Это последний срок. После этого она должна будет сделать выбор, как он сказал, между свадебным и похоронным маршем. И Эрик сказал слова, которые Кристина не полностью поняла: «Да или нет, если нет, все будут мертвы и похоронены». Но я понял эти слова очень хорошо, потому что они с устрашающей точностью соответствовали моим ужасным мыслям.

– Можете вы сказать нам, где Эрик? – спросил я. Она ответила, что он, должно быть, покинул дом.

– Вы можете это проверить?

– Нет. Я связана и не в состоянии двигаться. Услышав это, Рауль и я не смогли сдержать крик гнева. Наша судьба, всех троих, зависела сейчас от Кристины. Нам надо было во что бы то ни стало спасти ее.

– Но где же вы? – спросила она. – В моей спальне всего две двери, – это та спальня, обставленная мебелью в стиле Луи-Филиппа, о которой я вам говорила, Рауль, – Эрик пользуется только одной дверью, но никогда не открывает другую, которая сейчас передо мной. Он запретил, мне даже подходить к ней, потому что, по его словам, это самая опасная из всех дверей: дверь в камеру пыток.

– Кристина, мы как раз и находимся по другую сторону этой двери.

– Тогда вы в камере пыток?

– Да, но мы не видим никакой двери.

– О, если бы я могла дотянуться до нее. Но я постучу по ней, и тогда вы поймете, где эта дверь.

– У нее есть замок? – спросил я.

– Да.

«Она открывается ключом с той стороны, как обычная дверь, но, чтобы открыть ее с нашей стороны, нужно, видимо, найти пружину и противовес, а сделать это нелегко», – подумал я.

– Мадемуазель, – сказал я, – нам совершенно необходимо открыть эту дверь.

– Но как? – спросил плачущий голос молодой женщины.

Мы слышали, как она пытается освободиться от своих пут.

– Нам надо действовать только хитростью, – сказал я. – Мы должны найти ключ к этой двери.

– Я знаю, где он, – произнесла Кристина, которая, казалось, устала от предпринимаемых ею усилий. – Но я очень крепко привязана – О! Негодяй! – Она зарыдала.

– Где же ключ? – спросил я после того, как попросил Рауля предоставить все дело мне – ведь мы не могли терять ни одной секунды.

– В спальне, возле органа, вместе с другим бронзовым ключом, к которому он также приказал не прикасаться. Оба ключа находятся в маленьком кожаном мешочке, который он называет «маленьким мешком жизни и смерти». Рауль! Рауль! Вы должны уйти! Здесь все непонятно и ужасно, и Эрик на грани сумасшествия, а вы в камере пыток! Уходите оаі же путем, каким пришли! Почему, почему эта комната так называется?

– Кристина, – произнес Рауль, – мы или вместе уйдем, или умрем вместе.

– Это зависит от того, выберемся ли мы отсюда целыми и невредимыми, – сказал я. – Но нужно сохранять хладнокровие. Почему он связал вас, мадемуазель? Вы же не можете убежать из дома, и он знает это.

– Я пыталась покончить с собой. В тот вечер, принеся меня сюда без сознания, он ушел по-видаться, как он сказал, со своим банкиром и оставил меня на время одну. Вернувшись, он нашел меня в крови» – я хотела убить себя, разбив голову о стену.

– Кристина! – застонал Рауль и зарыдал.

– Потом он связал меня. Мне не разрешено умереть до одиннадцати часов завтрашней ночи.

Весь этот разговор через стену был более осторожным и прерывистым, чем я способен пе-

редать, воспроизводя его здесь. Мы часто замолкали, думая, что слышим скрип деревянных полов, шаги». И Кристина пыталась успокоить нас, говоря: «Нет, это не Эрик. Он ушел. Он действительно ушел. Я слышала, как он открыл и закрыл проход через стену к озеру».

– Мадемуазель, – сказал я, – монстр связал вас, и он же вас развяжет. Вы сможете заставить его сделать это, если будете действовать правильно. Не забывайте, что он любит вас.

– О, если бы я только могла забыть это!

– Улыбайтесь ему. Просите его, скажите, что веревки причиняют вам боль.» Но она прервала меня:

– Ш-ш, я слышу какие-то шаги! Это Эрик! Уходите! Уходите!

– Мы не можем уйти, даже если бы захотели, – сказал я с ударением, чтобы произвести на нее впечатление. – Мы не можем покинуть комнату! И мы в камере пыток!

– Тише!

Мы замолчали.

Тяжелые шаги медленно приблизились к стене, затем остановились, и пол опять заскрипел. Затем раздался тяжелый вздох, за которым последовал ужасный крик Кристины, и мы услышали голос Эрика:

– Простите, что я показываю вам такое лицо... Я прекрасно чувствую себя, как видите! Этот человек сам виноват. Зачем он звонил? Иногда, когда люди проходят мимо, они спрашивают, который час. Но этот человек никогда не спросит больше, который час. Виновата сирена... Всего лишь один вздох, глубокий, ужасный, идущий из бездны души... Почему вы закричали, Кристина?

– Потому что мне больно, Эрик.

– Я думал, что напугал вас.

– Пожалуйста, развяжите меня. Я все равно останусь вашей пленницей.

– Но вы опять попытаетесь убить себя.

– Вы же мне дали время до одиннадцати часов ночи, Эрик.

Шаги опять медленно двинулись по полу.

– В конце концов, поскольку мы умрем вместе и поскольку я тоже спешу, как и вы. Да, с меня достаточно этой жизни, вы понимаете? Подождите, не двигайтесь, я развяжу вас... Вы только должны сказать одно слово:

«Нет» – и все закончится немедленно, для всех. Вы правы! Вы правы! Зачем ждать до завтра? Ах да, потому что так благороднее.. Я всегда был в плену у внешних приличий – какое ребячество! Мы должны думать только о себе в этой жизни, о нашей собственной смерти. Все остальное – неважно. Вы смотрите на меня, потому что я мокрый? Ах, дорогая, мне не надо было выходить. Идет проливной дождь. Вы знаете, Кристина, мне кажется, у меня галлюцинации. Человек, который только что звонил в дверь сирены, – я сомневаюсь, что он будет звонить на дне озера, – он выглядел, как так, повернитесь. Вы удовлетворены? Вы развязаны... Боже мой! Ваши руки, Кристина! Я причинил вам боль? Этого одного достаточно, чтобы я заслужил смерть. Говоря о смерти, я должен пропеть реквием в память о Нем. Когда я услышал эти слова, у меня появилось ужасное предчувствие. Я тоже однажды нечаянно позвонил в дверь монстра, конечно, – не зная этого. Вероятно, я привел тогда в действие какую-то систему предупреждения. Мне вспомнились две руки, появившиеся из-под черной воды. Кто был тот бедняга, который смог пробиться к этому берегу? Мысль о нем почти помешала мне порадоваться хитрости Кристины, даже когда Рауль прошептал мне на ухо эти волшебные слова; «Она развязана!» Кто? Кто этот «другой мужчина», ради которого теперь исполнялся реквием?

Ах, какое величественное и неистовое пение! Оно сотрясало весь дом у озера и заставляло дрожать землю. Мы приложили ухо к стене-зеркалу, чтобы лучше слышать, удалась ли хитрость Кристины, хитрость, на которую она пошла ради нашего освобождения, но сейчас мы слышали только реквием. Это была, скорее, служба по осужденным. Там, глубоко под землей, эта музыка вызывала танцы демонов в кругах ада.

Я вспоминаю, что «Dies Irae», которое пел Эрик, обволакивало нас, как гроза. Да, мы слышали гром и видели молнии вокруг нас. Конечно, Я слышал его пение раньше. Он доходил даже

до того, что заставлял петь каменных быков с человеческими головами во дворце Мазендерана. Но я никогда— не слышал, чтобы он пел так, никогда! Он пел, как бог грома.

Затем орган и голос замолкли так внезапно, что Рауль и я отступили от стены. И голос, вдруг резко изменившийся, раздраженно проскрипел по слогам:

— Что вы сделали с моим мешком?

Глава 24. пытки начинаются

(Продолжение истории перса)

— Что вы сделали с моим мешком? — повторил голос взбешенно, и Кристина, должно быть, задрожала не меньше, чем мы сами. — Вот почему вы хотели, чтобы я развязал вас! Чтобы взять мой мешок!

Мы услышали быстрые шаги — Кристина поспешила обратно в спальню Луи-Филиппа, чтобы найти прибежище перед нашей стеной.

— Почему вы убегаете? — сказал зло голос Эрика, который следовал за ней. — Верните мой мешок! Разве вы не знаете, что это мешок жизни и смерти?

— Послушайте меня, Эрик, — услышали мы печальный голос Кристины. — Поскольку мы собираемся жить вместе, что из того, если я возьму этот мешок? Ведь все ваше теперь принадлежит мне.

Она сказала это так трогательно, что мне стало жаль ее. Бедная девушка должна была собрать последние силы, чтобы преодолеть этот ужас. Но на монстра такие детские, наивные слова не могли произвести впечатления» — Вы хорошо знаете, что в этом мешке два ключа, — сказал он. — Что вы хотели сделать с ними?

— Я хотела посмотреть эту комнату, которую никогда не видела, — ответила она, — комнату, которую вы всегда скрывали от меня. Это женское любопытство! — добавила она, как ей казалось, игриво, но слова ее прозвучали так фальшиво, что, вероятно, лишь усилили» подозрения Эрика.

— Мне не нравятся любопытные женщины, — резко возразил он. — Вы лучше вспомните сказку о Синей бороде и следите за своими шагами. Верните мне мой мешок. Верните его обратно! Оставьте этот ключ, моя любознательная девочка! — И он засмеялся, когда Кристина вскрикнула от боли.

На ее крик бедный Рауль, не способный больше контролировать себя, ответил криком беспомощной ярости. Я попытался заставить его замолчать, закрыв ему рот рукой, но мне это не удалось.

— Что это было? — спросил монстр. — Вы слышали, Кристина?

— Нет, нет, я ничего не слышала.

— Мне показалось, что кто-то закричал.

— Закричал? Вы теряете рассудок, Эрик? Кто может кричать здесь, в этом доме? Я сама только что вскрикнула, потому что вы сделали мне больно, и больше ничего не слышала.

— Вы говорите это таким... Вы дрожите, вы в ужасном состоянии. Вы лжете! Кто-то кричал. Я слышал это! Кто-то есть в камере пыток. А, теперь я понимаю!

— Там никого нет, Эрик!

— Я понимаю!

— Никого!

— Может быть, ваш жених?

— У меня нет жениха! Вы знаете это!

Мы опять услышали отвратительный смех.

— Это легко узнать. Моя дорогая маленькая Кристина, моя любовь, нет никакой необходимости открывать дверь, чтобы увидеть, что происходит в камере пыток. Хотите посмотреть? Хотите? Послушайте, если кто-то действительно есть в камере, вы увидите свет от потайного окна,

там наверху, около потолка. Все, что мне надо сделать, это отодвинуть черный занавес и убрать свет здесь... Так, занавес убран. Теперь уберем свет. Вы ведь не боитесь темноты, когда вы со своим возлюбленным, не так ли?

– Нет, я боюсь! – воскликнула Кристина так, будто она умирает. – Я боюсь темноты! Меня не интересует больше эта комната, совсем не интересует. Вы всегда пугали меня, как будто я ребенок, этой камерой пыток. Я была любопытна, это правда, но теперь она не интересует меня больше, нисколько!

И то, чего я больше всего боялся, началось. Вдруг всю комнату залило светом. Казалось, будто все на нашей стороне стены охватило пламя. Рауль, который не ожидал этого, был ошеломлен.

Злой голос опять загремел в соседней комнате:

– Я же сказал вам, кто-то есть там! Видите окно, вон то освещенное окно? Там, наверху! Человек за стеной не видит его, но вам надо вскарабкаться вверх по лестнице, и вы все увидите. Вы часто спрашивали меня, для чего она? Теперь вы знаете! Она используется для того, чтобы посмотреть через окно в камеру пыток, моя любознательная девочка!

– Какие пытки..., какие пытки? Эрик! Эрик! Скажите, вы только пытаетесь напугать меня! Скажите мне это, если любите меня. Ведь это неправда, не так ли? Это только сказка для маленьких детей!

– Поднимитесь к этому окну и посмотрите, моя дорогая.

Я не знаю, слышал ли Рауль, стоящий рядом со мной, дрожащий голос Кристины, поскольку он еще не пришел в себя от всего происходящего. Что же касается меня, то я видел подобное слишком часто через маленькое окно во дворце Мазендерана и сейчас сосредоточил свое внимание на том, что говорилось в соседней комнате, я надеялся, что это даст мне повод действовать или поможет принять какое-то решение.

– Поднимитесь и посмотрите, посмотрите через это окно. Вы скажете мне... После этого вы скажете, как выглядит его нос.

Я слышал, как лестница приставляется к стене.

– Полезайте, – сказал Эрик. – Хотя нет, я сделаю это сам, моя дорогая.

– Нет, нет, позвольте мне!

– Ах, моя дорогая, вы такая милая. Это очень трогательно, что вы бережете меня в моем возрасте. Вы мне скажете, как выглядит его нос. Если люди понимают, как им повезло, что у них есть нос, собственный нос, они никогда не забредут в камеру пыток!

Секунду спустя мы ясно услышали слова, сказанные сверху:

– В камере никого нет, мой дорогой Эрик!

– Никого? Вы уверены?

– Да, вполне уверена. Никого.

– Хорошо, тем лучше... Что с вами, Кристина? Пойдемте, пойдемте, вы не упадете в обморок, не правда ли? Поскольку никого нет... Но как вам поправила пейзаж?

– О, мне он очень нравится!

– Прекрасно. Вы чувствуете себя лучше, не так ли? Это очень хорошо. Вы не должны слишком возбуждаться. Но не странный ли это дом, если в нем можно увидеть пейзаж, подобный этому?

– Да, это как восковые фигуры в музее Гревена. Но скажите мне, Эрик, там нет орудий пыток? Вы в самом деле напугали меня.

– Почему, если там нет никого?

– Это вы украсили эту комнату, Эрик? Она действительно очень красива! Вы великий художник!

– Да, я великий художник в своем роде.

– Но скажите, почему вы называете эту комнату камерой пыток?

– Все очень просто. Во-первых, что вы видели?

– Лес.

– И что в этом лесу?

– Деревья!

– И что на деревьях?

– Птицы.

– Вы разве видели каких-нибудь птиц?

– Нет, не видела.

– Тогда что же вы видели? Подумайте! Вы видели ветки. И что на одной из веток? Виселицу. Вот почему я называю мой лес камерой пыток. Вы поняли, это только фигуральное выражение. Шутка. Я никогда не выражаюсь так, как другие люди. Я ничего не делаю, как другие. Но я устал, очень устал... С меня довольно, слышите? Довольно леса в моем доме и камеры пыток! Довольно быть шарлатаном с ящиком с двойным дном! С меня довольно, довольно! Я хочу иметь тихую квартиру с обычными дверями и окнами и хорошую жену. Вам следует понять это, Кристина. Почему я должен повторять вам это? Жену, как у всех. Я буду любить ее, ходить с ней на прогулки по воскресеньям и развлекать ее всю неделю. Ах, вам не будет скучно со мной. У меня наготове множество разных трюков, не считая карточных фокусов. Хотите, я покажу вам некоторые карточные фокусы? Это поможет нам убить время. Моя маленькая Кристина, моя маленькая Кристина... Вы слушаете меня? Вы не будете больше отвергать меня? Вы любите меня? Нет, вы не любите меня. Но это не имеет значения: вы полюбите. Раньше вы не могли смотреть на мою маску, потому что знали, чего скрывается за ней; теперь вы не возражаете смотреть на нее и забываете, что за ней, и вы не будете отвергать меня больше! Люди могут привыкнуть ко всему, когда сами хотят этого, когда готовы попытаться. Многие женятся не любя, но потом просто обожают друг друга. О, я не знаю, что говорю... Но вам будет весело со мной! Другого такого человека, как я, больше нет, клянусь перед Богом, который соединит нас в браке, если вы разумны; мне нет равных, например, когда речь идет о чревоуещании. Я – самый великий чревоуещатель в мире! Вы смеетесь? Не верите мне? Слушайте!

Я понял, что монстр (который действительно был самым великим чревоуещателем в мире) потоков слов пытается отвлечь внимание Кристины от камеры пыток. Это было глупо, потому что Кристина думала только о нас.

Она повторила несколько раз самым нежным, самым умоляющим тоном, на который только была способна:

– Уберите свет в маленьком окне. Пожалуйста, Эрик, уберите свет.

Услышав, что монстр с угрозой говорит о свете, который неожиданно появился в окне, Кристина поняла, что для этого есть какая-то причина. Одно должно было успокоить ее: она видела нас живыми и здоровыми по другую сторону стены, стоящими в великолепном сиянии света. Но она чувствовала бы себя более уверенно, если бы свет был убран.

Эрик начал демонстрировать свое искусство чревоуещения.

– Посмотрите, – сказал он. – Я приподниму немного маску – совсем немного. Вы видите мои губы – они не двигаются. Мой рот, то, что сходит за рот, закрыт, и все же вы слышите мой голос. Я говорю животом, и это называется чревоуещанием. Этот прием хорошо известен. Слушайте мой голос. Где вы хотите его слышать? В левом ухе? В правом? В столе? В маленьких ящиках из черного дерева на камине? Ах, это удивляет вас? Мой голос в маленьких ящиках на камине! Вы хотите, чтобы он был вдалеке? Близко? Звучал громко, пронзительно? Гнусаво? Мой голос движется повсюду, повсюду! Слушайте, моя дорогая, Он в маленьком ящике справа. Слушайте, что он говорит:

«Повернуть скорпиона?» А теперь, быстро! Слушайте, что он говорит в маленьком ящике слева: «Повернуть кузнечика?» А теперь, быстро! Он в маленьком кожаном мешке. Что он говорит? «Я в маленьком мешке жизни и смерти». А теперь, быстро! Он в горле Карлотты, глубоко, в золотом, хрустальном горле Карлотты! Что он говорит? Он говорит:

«Я – мсье жаба, и я пою, я чувствую без – ква – тревоги мелодию – ква! А теперь, быстро! Он в кресле в ложе призрака и говорит: „Так, как она поет сегодня, она свалит люстру!“ А теперь, быстро! Где же голос Эрика? Слушайте, Кристина, моя дорогая, слушайте. Он за дверью камеры пыток! И что я говорю? Я говорю: „Горе тому, кому повезло иметь нос, настоящий нос, и кто забрел в камеру пыток“. Ах, ах, ах!

Ужасный, проклятый голос чревоушителя был повсюду, повсюду! Он проходил через маленькое невидимое окно и через стены. Он витал вокруг нас, между нами. Мы сделали произвольное движение, как будто хотели броситься на Эрика, но его голос, более подвижный и более неуловимый, уже отскочил к другой стороне стены.

Однако вскоре мы уже не могли слышать ничего больше, потому что случилось следующее.

Голос Кристины:

– Эрик! Эрик! Вы утомили меня. Остановитесь! Не думаете ли вы, что здесь жарко?

– О да, – ответил голос Эрика, – жара становится невыносимой.

И опять голос Кристины, задыхающийся от тревоги:

– Что это? Стена горячая! Стена горит!

– Я скажу вам, Кристина, моя дорогая, это из-за леса в соседней комнате.

– Что вы имеете в виду? Лес...

– Разве вы не видели. Это лес в Конго. – И страшный смех монстра потопил мольбу Кристины.

Рауль кричал и колотил по стенам как сумасшедший. Я не мог сдержать его. Но мы слышали только хохот монстра, и сам монстр, должно быть, слышал только себя. Затем стали слышны звуки борьбы, упавшего на пол тела, которое оттаскивали прочь, и звук захлопнувшейся двери. После этого не было ничего, ничего, кроме знойного молчания полудня в сердце африканских джунглей.

Глава 25. Бочки! Бочки! Есть бочки на продажу?

(Продолжение истории перса)

Как я уже говорил, комната, в которой находились Рауль и я, была правильной шестиугольной формы и ее стены полностью покрыты зеркалами. С той поры на выставках часто демонстрировались такие же и назывались они «домами миражей» или «дворцами иллюзий». Но изобретение принадлежит только Эрику, Он построил первую комнату такого типа на моих глазах во время «розовых часов» Мазендерана. Декоративный объект, такой, например, как колонна, размещался по углам, и это создавало иллюзию дворцов с бесчисленными колоннами, потому что эффектом зеркал реальная комната увеличивалась до шестиугольных комнат, каждая из которых множилась на неограниченное число раз. Чтобы развлечь маленькую султаншу, Эрик вначале построил комнату, которая могла стать «бесчисленным храмом», но маленькой султанше скоро надоели такие детские фокусы, и тогда он преобразовал свое изобретение в камеру пыток. Он заменил колонны по углам железным деревом, на котором красками были написаны листья, совершенно неотличимые от живых. Почему дерево было сделано из железа? Потому что оно должно быть достаточно прочным, чтобы выдерживать все приступы жертвы, заключенной в камеру пыток. Мы увидим, как полученная таким образом сцена была дважды трансформирована в две другие последовательные сцены посредством автоматического вращения барабанов в углах. Эти барабаны были разделены на три части. Они соответствовали углам зеркал, и каждый из них отвечал определенному замыслу.

Стены камеры пыток не давали жертве возможности ухватиться за что-либо, там не было точки опоры. Стены, не считая прочного материала декоративного объекта, были покрыты зеркалами, причем такими толстыми, что им нечего было бояться ярости бедняги, которого бросали в комнату босым и с пустыми руками.

Никакой мебели. Потолок был светлый. Простая система электрического отопления, примененная впервые, позволяла регулировать температуру стен (и тем самым температуру воздуха) в комнате по своему желанию.

Я так подробно описал конструктивные особенности этого необычного изобретения, которое создавало сверхъестественную иллюзию экваториального леса под палящим полуденным

солнцем, чтобы никто не мог бросить тень сомнения на мое настоящее умственное состояние или сказать: «Этот человек сошел с ума», «Этот человек лжет» или «Этот человек принимает нас за дураков».

Если бы я просто написал: «Оказавшись в подвале, мы попали в экваториальный лес под палящее полуденное солнце», я добился бы глупого эффекта неожиданности, но я не стремлюсь к каким-либо эффектам: моя цель при написании этих строк состоит в том, чтобы точно передать, что случилось с виконтом Раулем де Шаньи и мной в ходе ужасного происшествия, которое некоторое время было в центре внимания французского правосудия.

Теперь я возобновляю свое повествование там, где прервал его.

Когда потолок и лес вокруг нас осветились, Рауль был ошеломлен. Появление этого непроходимого леса, бесчисленные стволы и ветви которого, казалось, протянулись бесконечно во всех направлениях, погрузило его в ужасное оцепенение. Он обхватил руками лоб, словно пытаясь прогнать кошмарное видение, вид у него был такой, будто он только что проснулся и с трудом возвращается к реальности. На мгновение он даже перестал слушать, что происходит за стеной.

Меня, как я уже сказал, появление леса несколько не удивило, и я слушал за двоих. В конце концов мое внимание привлекла не картина леса, на которой мой разум не концентрировался, а зеркала, производившие этот эффект. Зеркала были поцарапаны в некоторых местах, имели трещины. Ведь кто-то смог сделать эти царапины, похожие на звездочки. Это доказывало, что камера пыток уже использовалась до того, как мы попали в нее.

Какой-то бедняга, видимо, не босой и не с пустыми руками, как осужденные «розовых часов» Мазендерана, вероятно, в плену этой «смертельной иллюзии» в бешенстве бросился на зеркала, которые продолжали отражать его нападение, несмотря на нанесенные им легкие «ранения». И ветка дерева, на которой бедняга закончил свои мучения, была поставлена таким образом, что перед смертью он имел последнее утешение в том, что видел множество повешенных людей, конвульсивно дергающихся вместе с ним.

Да, Жозеф Бюке побывал там!

Умрем ли мы так же, как умер он? Я так не думал, потому что знал: у нас есть еще несколько часов, которые я мог провести с большей пользой, чем Жозеф Бюке. Мне были досконально известны большинство трюков Эрика, и сейчас пришло самое подходящее время использовать это знание.

Мне пришлось отказаться от мысли возвращаться обратно через проход, который привел нас в эту проклятую комнату, или сдвинуть внутренний камень, который закрывал проход. Причина проста: мы не могли сделать это. Мы спрыгнули в камеру пыток со слишком большой высоты: мебели здесь никакой не было, ветка железного дерева была бесполезна для нас, и мы ничего не добились бы, если бы один встал на плечи другого.

Оставался только один выход: дверь, которая открывалась в спальню, где находились Эрик и Кристина. И хотя с той стороны это была самая обычная дверь, нам она была абсолютно невидима. Поэтому нам предстояло открыть ее, даже не зная, где она, что было необычной задачей.

Поняв, что надежды на помощь Кристины больше нет, я решил безотлагательно начать поиски способа открыть дверь. Но вначале я должен был успокоить Рауля, который метался по комнате в иллюзорном прояснении как сумасшедший, издавая нечленораздельные крики. Обрывки разговора между Кристиной и монстром, которые он подслушал, несмотря на волнение, вызвали у него сильное раздражение. Если добавить к этому волшебный лес в жару, от которой потоки пота стекали с висков молодого человека, вы легко представите, как он был возбужден.

Несмотря на мои требования, он отбросил всякие предосторожности. Он бесцельно расхаживал взад и вперед, иногда спеша к несуществующему месту, думая, что вступает на линию, которая приведет его к горизонту, и затем, сделав несколько шагов, ударялся лбом об отражение иллюзорного леса. Затем он звал: «Кристина! Кристина!» размахивал своим пистолетом, во все легкие выкрикивал имя монстра, вызывая Ангела музыки на дуэль и отгораживая для этого барьеры в лесу.

Пытка начинала действовать на разум, не подготовленный к этому. Я пытался бороться,

насколько это было возможно. Я заставлял бедного Рауля прикасаться к зеркалам, железному дереву и веткам на барабанах, я объяснял ему происходящее в соответствии с законами оптики, сказал, что мы не станем жертвой светящихся частиц, которые окружали нас, как обычные несведущие люди.

– Мы находимся в комнате, маленькой комнате вот что вы должны повторять. Мы выберемся из этой комнаты, когда найдем дверь, так давайте искать ее!

Я обещал ему, что, если он позволит мне действовать, не отвлекая своими выкриками и безумным хождением, я раскрою секрет двери в течение часа. Наконец Рауль лег на пол и сказал, что будет ждать, пока я не найду дверь в лесу, поскольку ничего лучшего ему не оставалось делать. И добавил, что с того места, где он лежит, открывается «прекрасный вид». Пытка действовала на него, несмотря на все мои разъяснения.

Забывая о лесе, я начал ощупывать все зеркальные панели, пытаюсь найти место, на которое нужно было надавить, чтобы дверь повернулась в соответствии с придуманной Эриком системой вращающихся дверей и люков. Я знал: в некоторых случаях это было место на зеркале размером с горошину, позади которого находилась пружина. Я продолжал искать. Эрик был примерно такого же роста, как и я, поэтому я думал, что он не должен поместить пружину выше своего роста; это была только гипотеза, но в ней я видел свою единственную надежду. Я решил тщательно исследовать все шесть зеркальных панелей и пол.

Я старался не потерять ни единой минуты, потому что жара все больше и больше действовала на меня – мы буквально пеклись в этом горячем лесу.

Я работал таким образом полчаса и уже закончил осматривать три панели, когда вдруг услышал голос Рауля.

– Я задыхаюсь! – вскрикнул он. – Все эти зеркала отражают адскую жару! Скоро вы найдете вашу пружину? Если вам понадобится больше времени, мы здесь зажаримся!

Я был рад, что услышал именно эти слова. Молодой человек не сказал ни одного слова о лесе, и я надеялся, что его разум выдержит пытку немного дольше. Но он добавил:

– Меня утешает только то, что монстр дал Кристине время до одиннадцати часов завтра ночью: если мы не сможем выбраться отсюда и спасти ее, то, по крайней мере, умрем ради нее. Реквием Эрика будет похоронной мессой для всех нас! – И Рауль глубоко вдохнул горячий воздух, что чуть было не привело его к обмороку.

Поскольку у меня отсутствовали такие же отчаянные причины принять смерть, какие были у него, я опять повернулся к исследуемой мною панели, сказав несколько слов ободрения, но, к несчастью, пока я говорил, я сделал несколько шагов, в результате чего в путанице иллюзорного леса потерял уверенность в том, что вернулся к той же самой панели. Я не смог не выказать своего уныния, и Рауль понял, что мне нужно начинать все сначала. Это нанесло ему еще один удар.

– Мы никогда не выберемся из этого леса, – простонал он.

Его отчаяние становилось сильнее, и чем быстрее оно росло, тем больше он забывал, что имеет дело с зеркалами, и все больше убеждал себя в том, что находится в настоящем лесу.

Что же касается меня, я возобновил свои поиски. Меня тоже охватывала лихорадка, потому что я ничего не находил, абсолютно ничего. В соседней комнате по-прежнему царил молчок. Мы потерялись в лесу, не зная выхода, без компаса и проводника, без всего. Я знал, что ждет нас, если никто не придет нам на помощь или если я не найду пружину. Но искал я напрасно. Вокруг меня были только ветви, красивые ветви, которые поднимались, грациозно изгибаясь, над моей головой. Но они не давали тени! Однако это было естественно, поскольку мы находились в экваториальном лесу, тропическом лесу в Конго.

Несколько раз Рауль и я снимали наши фраки и надевали их вновь, чувствуя иногда, что в них нам еще жарче, а иногда, что они защищают нас от жары.

Мой разум все еще сопротивлялся, но рассудок Рауля полностью «удалился». Он утверждал, что уже три дня и три ночи ходит без остановки в этом лесу в поисках Кристины. Время от времени он думал, что видел ее за стволом дерева или проскользнувшей через ветви. Тогда он зывал к ней умоляющим тоном, от которого у меня наворачивались слезы:

– Кристина! Кристина! Почему вы убегаете от меня? Вы не любите меня? Разве мы не по-

молвлены? Кристина, остановитесь! Вы видите, как я истощен? Кристина, пожалейте меня! Я умру в этом лесу, вдалеке от вас... Наконец он сказал вне всякой связи: «О, я хочу пить!» Я тоже хотел пить. Мое горло пересохло. Но, сидя на корточках на полу, я продолжал искать пружину невидимой двери, я спешил, поскольку наше пребывание в лесу становилось опасным по мере приближения вечера. Тени ночи уже начали окутывать нас. Это случилось очень быстро, так как темнота в тропиках наступает внезапно, почти без сумерек.

Ночь в экваториальном лесу всегда опасна, особенно когда, подобно нам, у вас нет огня, чтобы отогнать диких зверей. На несколько мгновений я прервал свой поиск и попытался отломать пару веток, намереваясь осветить их своим затемненным фонарем, но я тоже ударился о зеркало, и это вовремя напомнило мне, что я видел только отражение ветвей.

Жара не спадала. Наоборот, теперь в голубом сиянии луны стало даже еще жарче. Я попросил Рауля держать пистолеты наготове и не отходить от нашего лагеря, пока я ищу дружину.

Вдруг всего в нескольких шагах от нас мы услышали рычание льва. Звук был почти оглушающим – Он недалеко, – сказал Рауль тихо. – Видите? Там, между деревьями, в этой чаще» Если он опять зарычит, я выстрелю!

Рычание повторилось опять, даже громче, чем раньше. Рауль выстрелил, но не думаю, что он попал во льва: он просто разбил зеркало, как я увидел на рассвете. Мы, очевидно, прошли за ночь большое расстояние, потому что неожиданно оказались на краю пустыни, громадной пустыни из песка и камней. Конечно, не стоило переживаний, чтобы, выйдя из леса, оказаться & пустыне. Я сдался и лег рядом с Раулем, устав от тщетных поисков. Я сказал ему, что очень удивлен отсутствием более неприятных столкновений. После льва обычно следовал леопард, а иногда – муха цеце. Производить эти эффекты было легко. Пока мы отдыхали, перед тем как пересечь пустыню, я объяснил Раулю, что Эрик имитировал рычание льва посредством длинного, узкого барабана, одна сторона которого была открыта, а другую покрывал туго натянутый кусок кожи осла. Над этой кожей находилась струна, приделанная в центре к другой струне такого же типа. Эрику надо было только потереть эту струну перчаткой, натертой канифолью, и в зависимости от того, как он тер, он мог совершенно точно имитировать голос льва, леопарда или жужжание мухи цеце.

Мысль, что Эрик, возможно, находится в соседней комнате со своими нехитрыми устройствами, заставила меня предпринять попытку провести с ним переговоры. Ведь теперь монстр точно знал, кто был в камере пыток, и нам придется отказаться от идеи застать его врасплох; Я позвал:

– Эрик! Эрик!

Я прокричал так громко, как мог в пустыне, но ответом было только молчание. Что станет с нами в этом страшном уединении?

Мы фактически начинали умирать от жары, голода и жажды, особенно жажды. Наконец я увидел, как Рауль поднялся на одном локте и указал на горизонт. Он обнаружил оазис.

Да, пустыня уступала место оазису, оазису с водой, водой ясной, как зеркало; водой, в которой отражалось железное дерево. Это был мираж, я понял это сразу. Свершилось самое худшее. Никто не был в состоянии противостоять сцене миража, никто. Я пытался обращаться к разуму и не ждать воды, потому что знал: если жертва камеры пыток ждала воду, воду, в которой отражалось железное дерево, и если после этого она подходила к зеркалу, ей оставалось только одно – повеситься на железной ветке.

– Это мираж, – сказал я Раулю. – Только мираж! Не думайте, что вода настоящая! Это еще один трюк с зеркалами!

Он сердито попросил меня оставить его в покое с моими зеркальными трюками, пружинами, вращающимися деревьями и дворцом миражей. Я был бы либо слепым, либо помешанный, сказал он, если бы думал, что вода, которая льется там, между этими красивыми деревьями, не настоящая. И пустыня настоящая! И лес тоже! Нет никакой необходимости пытаться увести его оттуда; ведь он путешествует вокруг света.

Виконт тянулся к источнику шепча: «Вода! Вода!» Его рот был открыт, как будто он пил. И я тоже непроизвольно сделал это, поскольку мы не только видели воду, но и слышали ее. Мы

слышали, как она журчит и плещется. Вы понимаете слово «плещется»? Это слово, которое ощущается языком. Язык высовывается изо рта, чтобы лучше прочувствовать это слово. Затем пришла очередь самой невыносимой пытки: мы слышали дождь, а дождя не было. Дьявольское изобретение. Я знал, как Эрик добивался этого эффекта. Он заполнял маленькими камушками очень длинный и узкий ящик, частично закупоренный внутри плоскими кусочками дерева и металла, которые располагались через интервалы по его длине. Падая, камушки сталкивались с перегородками и отскакивали один от другого, и в результате этого звука создавалась иллюзия сильного дождя.

Вам надо было видеть нас, когда с вытянутыми языками мы ползли к воде, плещущейся у берега реки. Наши глаза и уши были полны воды, но языки были сухими, как пыль.

Достигнув зеркала, Рауль лизнул его, то же самое сделал я. Оно было горячим.

Мы катались по полу с хриплыми криками отчаяния. Рауль схватил единственный пистолет, который все еще был заряжен, и приставил его к своей голове. Я посмотрел на пенджабское лассо у моих ног. Я знал, почему железное дерево опять появилось в этой третьей сцене. Оно ждало меня! Но когда я взглянул на пенджабское лассо, я увидел нечто, что заставило меня вздрогнуть так сильно, что Рауль, который уже шептал:

«Прощайте, Кристина!», остановился в своем намерении убить себя.

Я схватил его за руку и забрал пистолет, потом подполз к тому, что увидел.

Рядом с пенджабским лассо, в желобке пола, я только что обнаружил гвоздь с черной головкой, применение которому я знал.

Наконец-то я нашел пружину! Пружину, которая откроет дверь и освободит нас!

Я прикоснулся к гвоздю и повернулся к Раулю, широко улыбаясь. Гвоздь с черной головкой поддался моему давлению. И затем... Затем открылась не дверь в стене, а люк в полу.

Из отверстия немедленно хлынул холодный воздух. Мы наклонились над этим квадратом темноты, как будто это был чистый родник. Мы буквально пили эту холодную тень.

Что могло быть в этой дыре, в этом подвале, дверь которого только что загадочно открылась в полу? Может быть, там была вода, настоящая вода.

Я протянул руку в тень и нащупал камень, затем еще один: лестница, темная лестница, ведущая вниз. Рауль был готов броситься в дыру. Даже если бы мы не нашли там воды, мы могли, по крайней мере, избежать сияющего объятия этих отвратительных зеркал. Но я остановил молодого человека, потому что опасался нового трюка монстра. Я стал спускаться вниз первым.

Винтовая лестница вела в еще более глубокую темноту. Какими чудесно прохладными казались мне лестница и подвал! Эта прохлада, должно быть, шла не от вентиляционной системы, которую Эрик построил как предмет первой необходимости, а от самой земли, без сомнения, насыщавшейся водой на уровне, которого мы достигли. И озеро, вероятно, было неподалеку.

Скоро мы опустились до последней ступеньки. Наши глаза начинали приспосабливаться к темноте и различать очертания вокруг нас. Круглые очертания. Я направил на них свет фонаря.

Бочки! Мы оказались, очевидно, в погребе, где Эрик хранил вино и, может быть, питьевую воду. Я знал, что он большой любитель хорошего вина. А здесь было много того, что можно пить.

Рауль гладил крутые бока, неустанно повторяя: «Бочки! Бочки! Как много бочек!» Их действительно было довольно много, они выстроились в два равных ряда. Бочки оказались небольшими, и я предположил, что Эрик выбрал такие для того, чтобы легче было приносить их в свой дом у озера.

Мы исследовали их все по порядку, пытаюсь найти хотя бы одну распечатанную. Но все бочки были хорошо закрыты.

Приподняв немного одну из них, чтобы убедиться, что она полна, мы встали на колени, и острием небольшого ножа, который был у меня, я хотел уже устранить пробку.

Но в это время мы вдруг услышали подобие монотонного песнопения, доносившегося издали, ритм которого я хорошо знал, потому что часто слышал его на улицах Парижа:

– Бочки! Бочки! Есть бочки на продажу? Моя рука замерла.

– Это странно! – сказав Рауль. – Кажется, будто поют бочки!

Песнопение возобновилось, но на этот раз слышалось менее отчетливо.

– Ох! – воскликнул Рауль. – Могу, поклясться, что пение удаляется внутрь бочки. Мы встали и обошли бочку.

– Это внутри! – повторил Рауль. – Внутри! Но мы ничего больше не услышали и были склонны предположить, что наши чувства обманывают нас.

Мы опять стали пытаться открыть бочку. Наконец с помощью Рауля я извлек пробку.

– Что это? – закричал молодой человек. – Это не вода!

Он поднес руки к фонарю. Я склонился над ними и немедленно бросил в сторону фонарь так, что он разбился и погас.

В руках Рауля я увидел порох!

Глава 26. Скорпион или кузнечик?

(Конец истории перса)

И так, спустившись в погреб Эрика, я убедился в справедливости самых своих ужасных догадок. Монстр не шутил, запугивая меня своими неопределенными угрозами против «многих представителей рода человеческого». Чувствуя себя отрезанным от других людей, он построил себе подземную берлогу и был полон решимости взорвать все, включая себя, если кто-нибудь попытается загнать его в убежище, в котором он останется одев на один со своим чудовищным уродством.

Сделанное открытие заставило нас забыть прошлые страдания. Хотя только недавно мы были на грани самоубийства, но лишь теперь нам открылась полная, ужасающая правда о нашем положении. Теперь мы понимали, что Эрик сказал Кристине и что он имел в виду под этими отвратительными словами: «Да или нет; если нет, все будут мертвы и похоронены». Да, похоронены под обломками театра – великой парижской Оперы! Более страшное преступление трудно себе представить кому-либо, кто хотел бы сделать свой уход из мира высшей точкой ужаса.

В тишине своего убежища Эрик хорошо подготовился к катастрофе. Она должна была служить отмщением людям за любовные неудачи самого отвратительного монстра, который когда-либо ходил по земле. Он сказал Кристине, что она должна решить к одиннадцати часам следующей ночи, и выбрал это время не случайно. На спектакле в блестящей верхней части Оперы будет много людей, много «представителей рода человеческого». Разве мог он желать более утонченного собрания по случаю своей смерти? Он сойдет в могилу с самыми прекрасными и самыми богато украшенными ювелирными изделиями плечами в мире. Одиннадцать часов! Мы все взорвались бы в середине представления, если бы Кристина сказала «нет». Одиннадцать часов завтра ночью! И как она может не сказать «нет»? Конечно, она лучше выйдет замуж за саму смерть, чем за этот живой труп, и она может не знать, что ее отказ приведет к немедленному уничтожению «многих представителей рода человеческого». Одиннадцать часов завтра ночью!

И пока мы на ощупь пробирались в темноте, убегая от пороха и пытаясь найти каменные ступени, потому что отверстие люка в камеру пыток над нами стало тоже темным, мы повторяли одно: «Одиннадцать часов!» Наконец я нашел лестницу, но неожиданно остановился, пронзенный ужасной мыслью: «Который час?» Который теперь час? Который час? Может быть, уже одиннадцать; или это время наступит через несколько мгновений? Кто мог бы сказать нам? Мне казалось, мы были заключенными ада многие дни, годы, с сотворения мира... Может быть, все вот-вот взлетит на воздух. Ад, шум, трескающийся звук!

– Вы слышали это? – спросил я Рауля. – Там, вот там в углу! Боже мой! Это похоже на какой-то механизм! Вот опять! Ах, если бы у нас был свет! А что если это механизм, который должен все взорвать! Неужели вы не слышите этот потрескивающий звук? Уж не оглохли ли вы?

Рауль и я начали кричать как безумные. Пришпоренные страхом, мы устремились наверх по ступеням, натыкаясь на что-то в темноте. Может быть, люк над нами закрылся и поэтому стало так темно? Нам любой ценой хотелось выбраться из этой темноты, даже если это означало

возвращение к смертоносному свету камеры пыток.

Поднявшись на самый верх лестницы, мы обнаружили, что люк открыт, но в камере пыток было так же темно, как и в погребке Эрика. Мы пролезли через люк и поползли по полу камеры пыток, полу, который отделял нас от этого порохового склада. Который все-таки час? Мы кричали, мы звали. Рауль кричал что было мочи: «Кристина! Кристина!» А я звал Эрика, умолял его, напоминал, что спас ему жизнь. Но ничто не отвечало нам, ничто, кроме нашего собственного отчаяния и безумия.

Который час? «Одиннадцать часов завтра ночью!» Мы обсуждали время, пытаюсь определить, как долго находились здесь, но не смогли прийти ни к какому заключению. Мои часы давно остановились, но часы Рауля все еще шли. Он сказал мне, что завел их вечером, перед тем как пойти в Оперу. Из этого мы пытались сделать вывод, который позволил бы нам надеяться, что мы еще не достигли роковой минуты.

Я тщетно старался закрыть люк. Малейший звук, который доходил в комнату через него, вызывал у нас болезненное беспокойство. Который час? Ни у кого из нас не было спичек. Но мы должны знать... У Рауля возникла идея разбить стекло на своих часах и пощупать стрелки. Возцарилось молчание, пока он ощупывал стрелки кончиками своих пальцев, по кругу часов определив, где была верхушка циферблата. По расположению стрелок он решил, что сейчас точно одиннадцать часов. Но, может быть, это были не те одиннадцать часов, которых мы боялись. Может быть, у нас еще двенадцать часов впереди.

– Тихо! – сказал я. Мне слышались шаги в соседней комнате.

Я не ошибся. Скрипнула дверь, потом последовали шаги. Кто-то постучал по стене, и мы узнали голос Кристины:

– Рауль! Рауль!

Мы начали говорить через стену. Кристина рыдала. Она не знала, найдет ли еще Рауля в живых. Монстр был страшен. Он неистовствовал в ожидании, что Кристина ответит «да», но напрасно. Однако она пообещала сказать, если Эрик отведет ее в камеру пыток. Но он упрямо отказывался, постоянно угрожая всем представителям рода человеческого. Наконец, после долгих часов этого ада, он ушел, оставив ее одну обдумать свое решение в последний раз.

Долгих часов? Который же теперь час?

– Который час, Кристина?

– Одиннадцать часов, точнее без пяти минут одиннадцать.

– Но каких одиннадцать часов?

– Одиннадцать часов, которые решают – жизнь или смерть, – ответила Кристина хриплым от волнения голосом. – Эрик сказал мне это опять, уходя. Он ужасен! Он был подобен маньяку, он снял маску, но огонь горел в его золотых глазах! И он продолжал смеяться. Он хохотал, как пьяный демон, когда произнес эти слова: «Пять минут! Я оставляю вас одну из-за вашей хорошо известной скромности. Я не хочу заставлять вас краснеть передо мной, как застенчивую невесту, когда вы произнесете „да“. Это то, чего джентльмен не сделает!» Да, он был подобен пьяному демону! Он отпустил руку в свой «мешок жизни и смерти» и сказал: «Вот маленький бронзовый ключ, открывающий черные ящики на камине в спальне Луи-Филиппа. В одном ящике вы найдете скорпиона, в другом – кузнечика, оба прекрасно выполнены в японской бронзе. Эти животные помогут вам сделать выбор. Если вы повернете скорпиона, чтобы он смотрел в противоположном направлении, то, когда я вернусь в комнату, комнату помолвки, я буду знать, что ваш ответ „да“. Если же вы повернете кузнечика, то, вернувшись сюда, в комнату смерти, я буду знать, что ваш ответ „нет“. И Эрик опять засмеялся, как пьяный демон. Я на коленях просила его дать мне ключ от камеры пыток и обещала, что, если он сделает это, я буду его женой навечно. Но он ответил, что ключ не понадобится больше никогда и он выбросит его в озеро. Затем, все еще смеясь, демон ушел, сказав, что оставляет меня одну на пять минут, потому что он джентльмен и знает, как уберечь женскую скромность. О да, он также сказал: „Кузнечик! Будьте осторожны с кузнечиком! Кузнечики прыгают, и прыгают очень высоко!“ Я здесь своими словами попытался воспроизвести смысл путаной, почти бессвязной речи Кристины. Она тоже, очевидно, достигла за эти двадцать четыре часа предела человеческих страданий и, возможно, страдала

даже больше, чем мы. Она продолжала прерывать себя и нас криками: „Рауль! Вам больно?“, ошупывала стену, которая теперь была холодной, и спрашивала, почему она такая горячая.

Пять минут проходили, и скорпион и кузнечик не давали покоя моему бедному истощенному разуму. Но мне все еще хватило ясности, чтобы понять, что, если кузнечик будет повернут, он прыгнет – то есть взорвет Оперу и всех «представителей рода человеческого» внутри нее. У меня не было сомнения, что кузнечик каким-то образом связан с зарядом, который мог взорвать пороховой погреб.

Теперь, когда Рауль опять слышал голос Кристины, его разум, казалось, вновь приобрел силу и ясность. Молодой человек быстро рассказал об опасности, грозящей всем нам. Она должна повернуть скорпиона немедленно. Поскольку это совпадало с «да», которого так страстно желал Эрик, то удастся предотвратить катастрофу.

– Идите, моя дорогая, идите, – просил Рауль, Молчание.

– Кристина, – позвал я, – где вы?

– Перед скорпионом.

– Не прикасайтесь к нему!

Мне пришло в голову, так как я знал Эрика, что он, возможно, опять обманул Кристину: может быть, именно скорпион взорвет Оперу. Почему монстра до сих пор нет в комнате? Пять минут давно уже прошли, а он все еще не вернулся. Вероятно, ушел в надежное место и теперь ждет мощного взрыва. Больше ждать ему было нечего, поскольку он не мог в действительности надеяться на то, что Кристина когда-либо добровольно согласится стать его добычей. Почему он не вернулся обратно?

– Не прикасайтесь к скорпиону!

– Он идет! – закричала Кристина. – Я слышу его! Он в самом деле возвращался. Мы слышали его шаги, затем они затихли. Эрик подошел к Кристине, не говоря ни слова.

– Эрик! – позвал я громко. – Это я! Вы узнаете меня?

– Вы оба еще живы? – ответил он чрезвычайно мирным тоном. – Хорошо, только не вздумайте причинить мне какие-либо неприятности.

Я попытался прервать монстра, но он сказал так холодно, что я застыл за своей стеной:

– Ни одного слова, дорога, или я все взорву. – Затем он продолжал: – Честь принадлежит мадемуазель Доз. Она не прикоснулась к скорпиону, – как спокойно он говорил! – но она не прикоснулась и к кузнечiku, – с таким пугающим самообладанием! – однако еще не поздно. Сейчас я открою маленькие ящики из черного дерева, без ключа, потому что я любитель люков и открываю и закрываю все, что хочу. Посмотрите сюда, мадемуазель, и вы увидите этих маленьких животных. Они сделаны реалистично, не правда ли? И выглядят так безобидно? Но нельзя судить о книге по ее обложке. – Все это было сказано твердым, равнодушным голосом. – Если вы повернете кузнечика, мадемуазель, мы все взорвемся. Под нами достаточно пороха, чтобы разрушить все близлежащие кварталы Парижа. Если вы повернете скорпиона, весь порох будет затоплен. В честь нашей свадьбы, мадемуазель, вы сделаете прекрасный подарок нескольким сотням парижан, которые сейчас аплодируют бедному шедевру Мейербера. Вы подарите им, жизнь, когда вашими красивыми руками – каким утомленным был его голос! – вы повернете скорпиона. И для нас зазвонят свадебные колокола! – Молчание, затем он снова произнес: – Если через две минуты вы не повернете скорпиона (у меня часы, которые идут прекрасно), я поверну кузнечика. И помните, что кузнечики прыгают очень высоко.

Молчание возобновилось, тревожное молчание. Я знал, что, когда Эрик говорил таким спокойным, мирным, утомленным голосом, это означало, что он на конце своего каната, способный иди на самое колоссальное преступление или на самую пылкую преданность, и что в таком состоянии, из-за одного неосторожного слова, он может вызвать бурю.

Поняв, что ему ничего не остается делать, кроме как молиться, Рауль упал на колени. Что касается меня, мое сердце колотилось так бешено, что я положил руку на грудь, напуганный тем, что оно может взорваться. Мы оба с ужасом сознавали, что происходит в охваченном паникой разуме Кристины в это время, мы понимали, почему она не решалась повернуть скорпиона. Что если скорпион взорвет все, если Эрик решил заставить всех нас умереть вместе с ним?

Наконец мы услышали его голос, теперь ангельски мягкий:

– Две минуты прошли. Прощайте, мадемуазель. Прыгай, кузнечик!

– Эрик! – закричала Кристина, которая, должно быть, схватила его за руку. – Поклянитесь мне, монстр, поклянитесь своей адской любовью, что скорпион как раз то, что надо повернуть?

– Да, это то, что пошлет нас на небо.

– О, вы имеете в виду, что это убьет нас?

– Конечно, нет, невинное дитя! Я имею в виду, что это пошлет нас на небо нашей женитьбы. Скорпион открывает бал.. Довольно! Вы не хотите скорпиона? Тогда я поверну кузнечика.

– Эрик.

– Довольно!

Я присоединил свой крик к крику Кристины. Рауль, все еще на коленях, продолжал молиться.

– Эрик, я повернула скорпиона!

Что за секунду мы пережили! Ожидание! Ожидание взрыва, который разорвет всех на кусочки в середине грома и руин! Мы чувствовали, как что-то трещит в бездне под нашими ногами, и это, возможно, является началом высшей точки ужаса. Через люк, открытый в темноту (черная бездна в черной ночи), мы слышали беспокойное шипение – первый звук горящего фитиля, вначале слабый, затем все сильнее, сильнее.

Но слушайте, слушайте! И держите обе руки на вашем колотящемся сердце, готовым разорваться вместе с сердцами других «представителей рода человеческого»!

Это не было шипением огня. Больше похоже на стремительную воду...

В люк! Слушайте! Слушайте!

Теперь звук стал булькающим.

В люк! В люк! Какая прохлада! Холодная вода!, Чувство жажды, которое отступило, когда пришел ужас, со звуком струящейся воды вернулось еще более сильным, чем прежде. Вода! Вода!

Вода поднималась в погребу Эрика над бочками, всеми бочками с порохом. (Бочки! Бочки! Есть бочки для продажи?) Вода! Мы спустились вниз встретить ее нашими пересохшими глотками. Она поднималась к нашим подбородкам, к нашим ртам. И мы пили в погребу, пили из погреба, как из стакана.

Мы спустились вниз встретить воду и теперь поднимались вверх вместе с ней.

Весь этот порох теперь не нужен, затоплен! Хорошо сделанная работа! Недостатка воды в доме у озера не было! Если бы так продолжалось и дальше, все озеро вылилось бы в погреб.

Мы не знали, где остановится вода Она все еще поднималась.

Выйдя из погреба, вода стала растекаться по полу камеры пыток. Ведь так весь дом у озера может быть затоплен! Пол в камере стал сам небольшим озером, в котором шлепали наши ноги. Воды уже было более чем достаточно. Эрику пора закрыть ее.

– Эрик! Эрик! Достаточно воды для пороха! Закройте ее. Поверните скорпиона! – кричали мы.

Но Эрик не отвечал. Мы не слышали ничего, кроме звука поднимающейся воды. Она уже доходила до середины наших икр.

– Кристина! Кристина! – закричал Рауль. – Вода поднимается! Она уже достигла наших коленей!

Но Кристина тоже не отвечала. Из соседней комнаты не доносилось ни звука. Там никого не было! Никого, кто закрыл бы воду! Никого, кто повернул бы скорпиона!

Мы были одни в темноте, в воде, окружающей нас, поднимающейся, охлаждающей нас.

– Эрик! Эрик! Кристина! Кристина!

Мы потеряли опору, и вода закружила нас в мощном водовороте. Нас бросало к темным зеркалам, но они, казалось, отталкивали нас, и наши глотки вопили над вспенившейся стихией.

Должны ли мы умереть здесь, затопленные в камере пыток? Я никогда не видел, чтобы такое случилось раньше с кем-нибудь из жертв. Эрик никогда не показывал мне подобную смерть через то маленькое окно во время «розовых часов» Мазендерана.

– Эрик! Эрик! Я спас вам жизнь! Помните? Вы были обречены? Вы должны были умереть! Я открыл для вас ворота жизни! Эрик!

Мы кружились в воде, как обломки корабля после крушения.

Внезапно мои руки ухватились за ствол железного дерева. Я позвал Рауля, и вскоре мы оба уже держались за ветку железного дерева.

Вода все еще поднималась...

– Попробуйте вспомнить! Каково пространство между веткой железного дерева и куполообразным потолком камеры пыток? Попробуйте вспомнить! В конце концов, может быть, вода остановится. Она должна найти свой собственный уровень. Да, я думаю, она останавливается... Нет! Нет! Это ужасно! Мы должны плыть! Плывите!

Мы поплыли, задышавшись, борясь с темной водой, нам было трудно дышать этим черным воздухом над черной водой. Воздух уходил из комнаты. Мы слышали, как он утекает через какую-то вентиляционную систему. Мы продолжали кружиться до тех пор, пока не нашли воздушную отдушину и не прижались к ней ртами. Но силы покидали меня. Я хватался за стены, стеклянные стены, и мои отчаявшиеся пальцы скользили по ним. Мы начинали тонуть. Последнее усилие! Последний крик:

– Эрик! Кристина!

Булькающий звук в ушах, под поверхностью темной воды, бульканье в ушах. И перед тем как потерять сознание, мне показалось, что я услышал сквозь это кошмарное «Бочки! Бочки! Есть бочки для продажи?»

Глава 27. Конец любовной истории призрака

Мы подошли к концу письменного отчета, который передал мне перс.

Несмотря на ужас положения, в котором смерть казалась неизбежной, Рауль и его спутник были спасены благодаря великой преданности Кристины Доз. Оставшуюся часть истории рассказал мне сам перс.

Когда я встретился с ним, он жил в небольшой квартире на улице Риволи, напротив Тюильри. Он был очень болен, и потребовалось все мое рвение репортера-историка на службе истины, чтобы уговорить его согласиться разгрузить свою память. Его верный старый слуга Дариус был еще с ним, и он провел меня к хозяину. Перс принял меня возле окна, выходящего в сад Тюильри. Он сидел в большом кресле и, когда пытался держаться бодро, было видно, что когда-то это был красивый, хорошо сложенный мужчина. На меня смотрели все еще прекрасные глаза, но бледное лицо выглядело очень усталым. Голова перса, обычно покрытая каракулевой шапкой, была обрита. На нем был простой свободный пиджак, и он невольно развлекал себя тем, что вертел большими пальцами рук внутри рукавов. Но ум его оставался вполне ясным.

Перс не мог вспоминать ужасы прошлого без понятного волнения, и мне пришлось выжимать из него конец этой странной истории буквально по кускам. Иногда я должен был долго умолять его, прежде чем он отвечал на мои вопросы, а иногда, поощряемый своими воспоминаниями, он с удивительной живостью рисовал отвратительный образ Эрика и страшные часы, которые он и Рауль де Шаньи провели в доме у озера. Я все еще вижу, как он дрожит мелкой дрожью, описывая свое пробуждение в спальне Луи-Филиппа после потери сознания в воде.

И вот конец этой ужасной истории в том виде, каком перс рассказал ее мне, чтобы завершить написанный им отчет.

Когда перс открыл глаза, он увидел, что лежит в постели. Рауль лежал на диване рядом с зеркальным гардеробом. Ангел и демон наблюдали за ними.

После миражей и иллюзий камеры пыток обстановка этой тихой маленькой комнаты казалась специально изобретенной для того, чтобы сбить с толку любого человека, отважившегося на вторжение во владения Эрика. Изогнутая кровать, кресла из красного дерева, туалетный столик с медной фурнитурой, маленькие вышитые салфетки на спинках кресел, часы, безобидно выглядящие ящички на каждом конце камина, полки с выставленными на них морскими раковинами, красные подушечки для булавок, перламутровые лодочки и огромное страусиное яйцо,

затемненная лампа на подставке, мягко освещавшая всю сцену, – эта меблировка, с ее трогательным уродством, такая обычная и необычная, в глубине подвалов Оперы приводила в замешательство ум больше, чем все фантастические события, которые только что имели место.

И в этом опрятном, уютном, старомодном окружении фигура человека в маске казалась еще более страшной. Он склонился к уху перса и сказал мягко:

– Вы чувствуете себя лучше, дарога? Вы смотрите на мою мебель? Это все, что осталось от моей несчастной матери.

Он говорил еще что-то, чего перс не мог вспомнить, но одно он помнил ясно, – и это казалось ему странным, – за все время, что он провел в старомодной спальне в стиле Луи-Филиппа, Кристина не сказала ни слова. Она передвигалась бесшумно, как монахиня, которая дала обет молчания, и время от времени приносила чашечку горячего тонизирующего напитка или чая, которые Эрик брал у нее и давал персу. Рауль все еще спал.

Наливая немного рома в чашку перса, Эрик кивнул в сторону Рауля, лежащего на диване:

– Он пришел в себя задолго до того, как мы узнали, будете ли вы жить, дарога. Теперь он спит. Не надо его будить.

Когда Эрик на короткое время вышел из комнаты, перс поднялся на локте и увидел белую фигуру Кристины у камина. Он позвал ее и, все еще слабый, опять упал на подушки. Кристина подошла к нему, положила руку ему на лоб, а затем отошла. Перс хорошо помнил, что она даже не взглянула на Рауля, который спокойно спал рядом. Она вернулась и снова села у камина, по-прежнему молчаливая, как монахиня, давшая обет молчания.

Эрик вернулся с несколькими маленькими пузырьками, которые поставил на камин. Сев возле перса и пощупав его пульс, он сказал опять тихо, чтобы не разбудить Рауля:

– Вы оба в безопасности теперь, и скоро я отведу вас наверх, чтобы угодить моей жене. – Затем он встал и опять ушел без каких-либо объяснений.

Перс взглянул на спокойный профиль Кристины в свете лампы. Она читала маленькую, с золотым тиснением книгу формата, используемого для религиозных работ:

«Имитация Христа», например, появляется в таком издании. В ушах перса все еще звучали слова Эрика – «...чтобы угодить моей жене».

Перс опять позвал Кристину, но, очевидно, она была глубоко поглощена книгой, потому что не услышала его.

Эрик вернулся и дал персу новую дозу лекарства, посоветовав ничего больше не говорить «его жене» или кому-либо еще, потому что это опасно для здоровья.

Перс вспоминал, что видел черную фигуру Эрика и белую фигуру Кристины, скользящих молча по комнате и склонявшихся над ним и Раулем. Перс все еще был слаб, и малейший звук – дверь зеркального гардероба скрипела, когда открывалась, – вызывал у него головную боль. Наконец он тоже заснул.

На этот раз перс проснулся в своей собственной спальне, под присмотром верного Дариуса, который рассказал, что его нашли прошлой ночью около двери квартиры, куда он был доставлен неизвестным, позвонившим в дверь и скрывшимся.

Как только к нему вернулась сила и ясность ума, перс послал Дариуса осведомиться о Рауле в доме его брата, графа Филиппа. Он узнал, что Рауля никто не видел и что Филипп мертв. Его тело было найдено на берегу озера под Оперой в направлении улицы Скриба. Перс вспомнил реквием, который слышал через стену камеры пыток, и у него не осталось никаких сомнений относительно убийцы и убитого. Зная Эрика, он мог легко восстановить трагедию. Думая, что его брат бежал с Кристиной, Филипп отправился в погоню за ними по дороге на Брюссель, где, как ему стало известно, все было подготовлено для тайного бегства. Потерпев неудачу в поисках, он вернулся в Оперу, вспомнил странные вещи, которые рассказывал ему брат о своем фантастическом сопернике, и узнал, что Рауль пытался пройти в подвалы Оперы, а затем исчез, оставив свой цилиндр в артистической комнате Кристины рядом с ящиком от пистолетов. Убежденный, что его брат сошел с ума, Филипп тоже погрузился в адский подземный лабиринт. Для перса этого было достаточно, чтобы объяснить, почему труп Филиппа был найден на берегу озера, где сирена, сирена Эрика, хранителя озера мертвых, вела наблюдение.

И перс не колебался. Напуганный этим новым преступлением и опечаленный неизвестностью относительно судьбы Рауля и Кристины, он решил все рассказать полиции.

Ответственным за расследование был назначен мировой судья по имени Фор. Перс встретился с ним. Легко себе представить, как были восприняты его показания человеком, подобным Фору, человеком, обладающим скептическим, практическим и в общем-то небольшим умом (я пишу то, что думаю) и совершенно не готовым выслушивать такие вещи. С персом обошлись, как с сумасшедшим.

Не надеясь на то, что сможет добиться слушания дела, он начал писать. Поскольку на органы правосудия перс не рассчитывал, он решил обратиться к прессе. Однажды вечером, когда он только что закончил писать последнее предложение своего отчета (именно его я слово в слово представил здесь), Дариус объявил о посетителе, который не хотел назвать своего имени или показать свое лицо и сказал, что не уйдет, пока не переговорит с дарогой.

Догадавшись, кто этот посетитель, перс велел Дариусу немедленно ввести его.

Перс не ошибся. Это был призрак. Это был Эрик.

Он казался чрезвычайно слабым и держался за стену, будто боялся упасть. Он снял шляпу, открыв белый, как простыня, лоб. Лицо его скрывала маска.

Перс встал:

– Убив графа Филиппа де Шаньи, что вы сделали с его братом и Кристиной Доэ?

Услышав страшное обвинение, содержащееся в вопросе, Эрик отшатнулся, молча подошел к креслу и погрузился в него с глубоким вздохом. Затем заговорил короткими фразами, с трудом ловя воздух:

– Дорога, не говорите со мной.., о графе Филиппе. Он был, уже мертв, когда я.., покинул дом. Он был.., уже мертв, когда запела сирена. Это был.., несчастный случай, печальный, вызывающий сожаление несчастный случай. Он.., неуклюже упал.., в озеро.

– Вы лжете, – закричал перс. Эрик склонил голову и сказал:

– Я пришел сюда.., говорить не о графе Филиппе.., но сказать вам.., я скоро умру.

– Где Рауль де Шаньи и Кристина Доэ?

– Я скоро умру.

– Где Рауль де Шаньи и Кристина Доэ?

– Я скоро умру.., от любви, дарога, от любви. Вот такие дела. Я.., я очень любил ее. И я все еще люблю ее, дарога, поскольку умираю от этого.., как я сказал. Если бы вы знали, какой красивой она была, когда позволила мне поцеловать ее живой, потому что поклялась своим вечным спасением. Впервые – вы слышите, дарога, впервые – я поцеловал женщину. Да, живу, я поцеловал ее живую, и она была так прекрасна и безжизненна, как мертвая.

Стоя близко к Эрику, перс осмелился схватить его за руку и встряхнуть ее.

– Скажите мне наконец, она мертва или жива?

– Почему вы трясете меня так? – произнес Эрик с усилием. – Я говорю вам, что скоро умру... Да, я поцеловал ее живой.

– И она теперь мертва?

– Да, я поцеловал ее в лоб, и она не отодвинулась от меня. Ах, какая она благородная девушка! Что же касается смерти, я не думаю так, хотя это больше меня не интересует... Нет-нет, она не мертва! И я не хочу слышать, что кто-то прикоснулся хоть к одному волосу на ее голове! Она хорошая, благородная девушка, и она спасла вашу жизнь, дарога, в то время когда ваш шанс на спасение был близок к нулю. Фактически никто не обращал на вас никакого внимания. Почему вы оказались там с этим молодым человеком? Вы должны были умереть только потому, что были с ним. Она просила меня спасти ее молодого человека, но я сказал ей, что, поскольку она повернула скорпиона, я был теперь ее женихом, по ее же выбору, и что ей не надо двух женихов. И это было правдой. Что же касается вас, то вы должны были умереть, потому что были с другим женихом, как я уже сказал.

Но, слушайте внимательно, дарога, в то время как вы оба, обезумев, вопили в воде, Кристина пришла ко мне и, глядя на меня своими большими, широко раскрытыми голубыми глазами, поклялась своим вечным спасением, что согласна быть моей живой женой! До этого в глу-

бине ее глаз я всегда видел ее своей мертвой женой; теперь я впервые увидел в ней живую жену; она действительно имела это в виду, поскольку поклялась своим вечным спасением. Она не убьет себя. Мы заключили сделку. Через полминуты вся вода утекла обратно в озеро, и я был удивлен, увидев вас все еще живым, ведь я думал, что вы уже на том свете... Итак... Соглашение предусматривало, что я доставлю вас обоих наверх. Освободив комнату Луи-Филиппа от вас обоих, я вернулся туда один.

– Что вы сделали с Раулем де Шаньи? – спросил перс.

– Видите ли., я не хотел доставлять его наверх немедленно. Он был заложником. Я не мог держать его в доме у озера из-за Кристины, поэтому запер его в удобном месте, приковал должным образом в тюрьме коммунаров, которая находится в самом отдаленном и безлюдном месте Оперы, ниже пятого подвала. Туда никто не ходит, и заключенного там никто не может слышать. Мой разум был свободен, и я пошел к Кристине. Она ждала меня.

Кажется, в этом месте своей истории Эрик встал, он выглядел настолько опечаленным, что перс, который сидел в кресле, вынужден был тоже встать, будто повинуюсь тому же импульсу, что и Эрик, чувствуя, что невозможно продолжать сидеть в такой важный момент. Перс даже снял свою каракулевую шапку (как он сам сказал).

– Да, она ждала меня, – продолжал Эрик, от сильного волнения дрожа как лист, она ждала меня, стоя прямо, живая, как настоящая, живая невеста, ведь она поклялась своим вечным спасением... И когда я подошел к ней более робкий, чем маленький ребенок, она не отвернулась. Нет, нет, она оставалась., она ждала. И мне даже показалось, дарога, что она немного придвинула ко мне лоб – совсем немного, чуть-чуть, как живая невеста. И., и я., поцеловал ее! Я поцеловал ее! И она не умерла. И после того как я поцеловал ее в лоб, она продолжала стоять так, близко от меня, как будто это было совершенно естественно. О дарога, это было так хорошо – поцеловать кого-то. Вы не можете знать, что я чувствовал, но я., я... Моя мать, моя бедная, несчастная мать никогда не позволяла мне целовать ее. Она сбрасывала мою маску и убегала... И ни одна женщина., когда-либо... О, я – я был так счастлив, так счастлив, что заплакал. Я упал к ее ногам, все еще рыдая. Я целовал ее ноги., ее маленькие ноги, рыдая. Вы тоже плачете, дарога, и она плакала тоже. Ангел плакал!

Рассказывая, Эрик рыдал, и перс не мог сдерживать своих слез, видя, как стонет этот человек в маске, у которого вздрагивали плечи и руки были скрещены на груди, стонет то скорбно, то с нежностью, казалось, растворявшей его сердце.

– О дарога, я чувствовал, как ее слезы падали мне на лоб – мой лоб! Они были теплыми, они были сладкими, они текли по моему лицу под маской. Ее слезы! Они смешивались с моими собственными слезами. Ах, ее слезы! Послушайте, дарога, послушайте, что я сделал... Я снял маску, чтобы сохранить ее слезы, и она не убежала. Она не умерла! Она оставалась живой, плачущей надо мной-, со мной. Мы плакали вместе! Господь на небесах, ты дал мне все счастье в мире!

И Эрик упал со стоном в кресло.

– О, я не умру еще, нет, не сейчас, – сказал он персу. – Но позвольте мне плакать.

И некоторое время спустя он продолжил:

– Послушайте, дарога, послушайте это... Когда я был у ее ног, она сказала: «Бедный, несчастный Эрик!» – и взяла мою руку. С этого времени... Вы понимаете... Я был только бедной собакой, готовой умереть за нее, поверьте мне, дарога!

У меня в руке было кольцо, золотое кольцо, которое я дал ей: она его потеряла, а я нашел. Это было обручальное кольцо. Я вложил его в ее маленькую руку и сказал: «Вот, возьмите это кольцо, возьмите для себя., и его. Это будет мой свадебный подарок, подарок от „бедного, несчастного Эрика“. Я знаю, вы любите этого молодого человека. Вы не должны больше плакать». Она нежно спросила меня, что я имею в виду. Я сказал ей, и она немедленно поняла, что я стал бедной собакой, готовой умереть за нее, что она может выходить замуж за своего молодого человека, когда ей захочется, потому что плакала вместе со мной... Ах, дарога, вы не можете себе представить... Говоря ей все это, я как будто хладнокровно резал свое сердце на куски... Но она плакала со мной и сказала: «Бедный, несчастный Эрик!» Душевное волнение Эрика было

таким сильным, что он попросил перса не смотреть на него, потому что он задыхался и должен был снять свою маску. Перс рассказывал мне, что отошел к окну и с сердцем, полным сострадания, смотрел на вершины деревьев в Тюильри, чтобы не видеть лица монстра.

– Я пошел к молодому человеку и освободил его, – продолжал Эрик, – и велел ему следовать за мной к Кристине. Они поцеловались передо мной в спальне Луи-Филиппа... У Кристины было мое кольцо... Я заставил ее поклясться, что, когда я умру, она придет ночью к озеру со стороны улицы Скриба и тайно похоронит меня вместе с золотым кольцом, которое будет носить до этого дня. Я объяснил ей, как найти мое тело и что она должна будет сделать с ним. Затем она поцеловала меня в первый раз, сюда, в лоб, – не смотрите, дарога, – в лоб! Не смотрите! И они ушли вместе... Кристина больше не плакала, плакал только я. Ах, дарога, дарога, если она сдержит свое обещание, она скоро вернется! – И Эрик замолчал.

Перс не задавал ему больше вопросов. Он перестал беспокоиться за судьбу Рауля и Кристины: после того как он видел плачущего Эрика в ту ночь, ни один представитель рода человеческого не мог сомневаться в его словах!

Эрик опять надел маску, собираясь с силами, чтобы покинуть перса. Он обещал прислать ему, чтобы отблагодарить за доброту, которую тот однажды проявил к нему, самое дорогое для него в мире: все бумаги, Кристины (она писала их для Рауля и оставила у Эрика) и несколько предметов, которые принадлежали ей: два носовых платка, перчатки и ленты от туфель. В ответ на вопрос перса Эрик сказал, что молодые люди решили обвенчаться в каком-нибудь уединенном месте, где они смогут спрятать свое счастье, и что они уедут в «поезде северного направления», чтобы попасть туда. И наконец, Эрик попросил перса объявить о его смерти Кристине и Раулю, как только получит обещанные реликвии и бумаги. Чтобы сделать это, он даст извещение в отдел некрологов газеты «Эпок».

И это было все.

Перс проводил Эрика до двери своей квартиры, и Дариус сопровождал его до тротуара, поддерживая, когда он шел. Его ждал экипаж. Перс, стоя у окна, слышал, как Эрик сказал извозчику: «К Опере».

Экипаж скрылся в ночи. Перс видел несчастного Эрика в последний раз.

Через три недели «Эпок» опубликовала среди других некрологов извещение всего из двух слов: «Эрик мертв».

ЭПИЛОГ

Такова истинная история призрака Оперы. Как я говорил в начале своего повествования, не может быть больше никакого сомнения в том, что Эрик действительно существовал.

Нет необходимости еще раз описывать волнение, которое это дело вызвало в Париже. Похищение певицы, смерть графа де Шаньи при таких таинственных обстоятельствах, исчезновение его брата, трое рабочих из группы осветителей, найденных в бессознательном состоянии... Какие трагедии, страсти, преступления сопровождали любовь Рауля и очаровательной Кристины!

Какова судьба этой великой загадочной певицы, которую мир никогда больше не слышал? Говорили, что она стала жертвой соперничества между двумя братьями, но никто не знал, что произошло на самом деле. Никто не мог представить, что Рауль и Кристина исчезли, чтобы насладиться уединенным счастьем. Они не хотели, чтобы об этом знало общество, особенно после необъяснимой смерти графа Филиппа. И в один прекрасный день они сели в «поезд северного направления». Когда-нибудь я сам, возможно, сяду в этот поезд, чтобы поехать и посмотреть твои озера, Норвегия, молчаливая Скандинавия, где, может быть, еще сохранились следы Рауля и Кристины, а также мадам Валериус, которая исчезла в то же время. И, может быть, когда-нибудь я услышу одинокое эхо северной страны, повторяющее пение женщины, которая знала Ангела музыки.

Долгое время после того, как дело было закрыто из-за непрофессиональных усилий мсье Фора, пресса все еще возвращалась к этой тайне, продолжая гадать, что за чудовищный преступ-

ник ответствен за убийство графа де Шаньи, исчезновение его брата и Кристины Доз. Только одна газета, знакомая со всеми закулисными слухами, писала, что все «эти преступления были совершены призраком Оперы». Но даже это было написано с обычной газетной иронией.

Полиция отказалась слушать перса, а после визита Эрика он не предпринимал больше усилий, чтобы его выслушали. И все же он один знал всю правду, и у него были веские доказательства: они пришли к нему вместе с реликвиями, обещанными Эриком.

За мной оставалось право завершить дело с помощью самого перса. Я держал его в курсе моего расследования, и он направлял его. Он уже многие годы не бывал в Опере, но все еще прекрасно помнил планировку здания, и у меня не было лучшего проводника, помогающего обнаружить его самые секретные уголки. Перс также дал мне все источники информации и посоветовал, с кем я должен переговорить. Это он порекомендовал мне пойти к мсье Полиньи в то время, когда бедняга был почти на смертном одре. Не знал, что его состояние было таким отчаянным. Я никогда не забуду тот эффект, который произвели на него мои вопросы о призраке. Он посмотрел на меня так, как будто видел дьявола. Он отвечал очень кратко, несвязными предложениями, но этого было достаточно, чтобы показать – и это главное! – насколько призрак Оперы перевернул его и без того беспокойную жизнь. (Полиньи был тем, кого называют любителем удовольствий.) Когда я поведал персу о скромных результатах моего визита к бывшему импресарию, он неопределенно улыбнулся: «Полиньи никогда не понимал, насколько был обманут этим подлым Эриком. – Иногда перс говорил об Эрике как о боге, а иногда как о подлом негодяе. – Полиньи был суеверен, и Эрик знал это. Монстр знал многое об общественных и частных делах в Опере».

Когда Полиньи слышал таинственный голос в пятой ложе, который сказал ему о доверии со стороны его коллег, у него не возникло вопросов. Вначале Полиньи был как громом поражен, будто слышал голос с неба, и он подумал, что проклят; когда же голос попросил деньги, он наконец понял, что они с Дебьенном стали жертвами шантажа. Устав от своих обязанностей директоров по различным причинам, они оба ушли, не пытаясь узнать побольше о странном призраке, который дал им такую необычную книгу с инструкциями. Они поведали эту тайну своим преемникам, вздохнув с облегчением от того, что избавились от ситуации, которая так интриговала их, но нисколько не развлекала.

Вот что рассказал мне перс о Дебьенне и Полиньи. Затем я заговорил об их преемниках и выразил удивление по поводу того, что в первой части своих «Мемуаров импресарию» Мушармен дал такой полный отчет о деяниях призрака, но почти ничего не сказал о них во второй части. Перс, который знал мемуары так хорошо, будто сам написал их, сказал, что я многое пойму, если задумаюсь над несколькими фразами, которые Мушармен посвятил призраку во второй части. Эти фразы представляют особый интерес, потому что раскрывают, как закончилось дело о ежемесячных двадцати тысячах франков. Вот этот отрывок:

«Относительно призрака Оперы, некоторые странные капризы которого я описал в начале этих мемуаров, я скажу только одно: что одним благородным актом он компенсировал все неприятности, которые причинил моим коллегам и, нужно признать это, мне. Он, должно быть, решил, что есть пределы любой мистификации, особенно когда таковая стоит больших денег и когда в это дело вовлекается полицейский комиссар. Несколько дней спустя после исчезновения Кристины Доз, когда мы назначили встречу с мсье Мифруа, чтобы рассказать ему обо всем, мы нашли на столе Ришара конверт, на котором красными чернилами было написано: „От П. О.“. В конверте находилась довольно большая сумма денег, временно и в порядке шутки изъятых из кассы дирекции. Ришар немедленно выразил мнение, что мы должны удовлетвориться возвращением денег и не продолжать это дело. Я согласился с ним. И все хорошо, что хорошо кончается. Вы согласны, мой дорогой П. О.?» Мушармен продолжал верить, особенно после того как деньги были возвращены, что стал жертвой нелепого чувства юмора Ришара, а Ришар никогда не прекращал думать, что Мушармен развлекался тем, что состряпал это дело, чтобы расквитаться с ним за несколько мистификаций, которые он разыграл.

Я спросил перса, какой трюк использовал Эрик, чтобы вытащить двадцать тысяч франков из кармана Ришара, несмотря на булавку. Он ответил, что не интересовался деталями, но что если я хочу сам пойти и «поработать» на месте инцидента, то найду ключ к разгадке тайны в каби-

нете директоров, помня, что Эрика не напрасно называли любителем люков. Я обещал персу, что исследую место действия, как только у меня будет время, и теперь скажу читателю, что результаты моего расследования были удовлетворительными. Я не ожидал найти так много неоспоримых доказательств того, что действия, приписываемые призраку, действительно имели место.

Бумаги перса, то есть Кристины Доз, заявления, сделанные мне бывшими служащими Ришара и Мушармена, маленькой Мег (добрая мадам Жири, к сожалению, скончалась) и Ла Сорелли, которая живет сейчас в уединении в Лувесьенне, – все это составляет документальные свидетельства существования призрака. Я намерен передать их в архив Оперы и хотел, чтобы стало известно, что они способствовали нескольким важным открытиям, которыми я могу справедливо гордиться.

Хотя мне не удалось найти дом у озера, потому что Эрик блокировал все секретные входы (даже несмотря на это, я уверен, что его можно легко найти, осушив озеро, о чем я несколько раз просил администрацию изящных искусств), я открыл секретный проход коммунаров, нашел люк, через который перс и Рауль спустились вниз, в подвалы Оперы. В подземной тюрьме коммунаров я обнаружил на стенах много надписей тех бедняг, которые были заключены здесь, и среди них инициалы Р. Щ. Разве это не существенно? Рауль де Шаньи! Буквы и сегодня хорошо видны. Конечно, на этом я не остановился. В первом и третьем подвалах я открыл и закрыл два люка, открывающихся с помощью системы вращения, незнакомой рабочим сцены, которые используют только горизонтально скользящие люки.

Наконец, я могу сказать читателю с полным основанием: «Посетите как-нибудь Оперу, попросите разрешения побродить по зданию без глупого гида, пойдите в пятую ложу и постучите по громадной колонне, которая отделяет эту ложу от соседней. Постучите по колонне тростью или кулаком и прислушайтесь: вы поймете, что внутри она полая. И после этого не удивляйтесь, откуда мог идти голос призрака, поскольку внутри колонны есть достаточно места для двух человек. Если вы спросите, почему никто не поворачивался к колонне во время событий в пятой ложе, я отвечу, что она выглядит так, как будто сделана из сплошного мрамора, и кажется, что голос идет с противоположной стороны. Ведь Эрик, будучи чревоушателем, мог делать так, что его голос шел оттуда, откуда он хотел.

Колонна украшена сложной резьбой. Надеюсь, когда-нибудь в ней обнаружат некое устройство, которое можно поднимать и опускать, что позволяло Эрику вести таинственную переписку с мадам Жири и передавать ей щедрые подарки.

Все, что я видел и трогал, ничто в сравнении с тем, что, этот удивительный, фантастический человек, вероятно, создал в таком здании, как Опера, но я променял бы все эти открытия на одно, которое сделал в кабинете директоров, всего в нескольких сантиметрах от кресла одного из них. Я обнаружил там люк шириной с доску пола и не длиннее, чем предплечье, люк, который мог закрываться и открываться, как крышка ящика. И я легко могу представить себе вылезающую из скрываемого люком отверстия руку, ловко забирающуюся в нижний карман фрака, фалды которого касаются пола... Это то отверстие, через которое ушли сорок тысяч франков и с помощью посредника вернулись обратно.

Говоря об этом с персом, я спросил его с понятным волнением:

– Поскольку сорок тысяч франков вернулись, значит, Эрик только шутил, когда дал импресарио книгу с инструкциями?

– Вовсе нет, – ответил он. – Эрик нуждался в деньгах. Чувствуя себя отрезанным от людей, он не испытывал никаких угрызений совести и использовал свои чрезвычайные способности, которыми природа наделила его в качестве компенсации за ужасное уродство, чтобы эксплуатировать человеческие существа различными способами, иногда очень артистичными и весьма прибыльными. Он вернул сорок тысяч франков Ришару и Мушармену, потому что уже не нуждался в то время в деньгах. Он отказался от своего плана жениться на Кристине Доз. Он отказался от всего на земле.

По словам перса, Эрик родился в маленьком городке возле Руана и был сыном подрядчика-строителя. В раннем возрасте он убежал из родительского дома, где его уродство вызывало лишь ужас. Какое-то время он выступал на ярмарках с балаганщиком, который представлял его как

«живой труп». Он, должно быть, пересек всю Европу, странствуя от ярмарки к ярмарке, и завершил свое обучение как артист и фокусник у мастеров искусства волшебства – у цыган.

Целый период его жизни остался загадкой. Его видели на ярмарке в Нижнем Новгороде во всем блеске своей отвратительной славы. Тогда он уже пел как никто другой в мире; он демонстрировал свое искусство чревоуветования и делал поразительные магические трюки, о которых говорили в караванах на всем пути в Азию. Вот каким образом его слава достигла дворца в Мазендеране, где маленькая султанша, фаворитка шаха, страдала от скуки. Торговец мехами по пути из Нижнего Новгорода в Самарканд описал чудеса, которые видел в палатке Эрика. Торговца привели во дворец, и его расспрашивал дарога – начальник полиции Мазендерана. После этого дарога тот получил приказ отправиться на поиски Эрика. Он привез Эрика в Персию, где на протяжении некоторого времени тот имел большую власть.

Эрик был виновен в нескольких ужасных преступлениях, поскольку он, кажется, не знал разницы между справедливостью и несправедливостью. Он принял участие в ряде политических покушений и использовал свои дьявольские изобретения против короля Афганистана, который вел войну с империей. Шах проникся к Эрику симпатией. Это было время «розовых часов» Мазендерана, о которых мы читали в истории перса. У Эрика были весьма оригинальные идеи в архитектуре, и он задумал возвести дворец, как фокусник мог задумать сделать волшебный ящик, и шах приказал ему построить такой дворец. Он построил, и результат, кажется, был таким, что повелитель мог идти в своем дворце куда угодно и его не видели, мог исчезать таким образом, что его невозможно было обнаружить.

Когда шах стал обладателем такой драгоценности, он решил поступить так, как поступил один царь в отношении гениального создателя собора на Красной площади в Москве. Он приказал выколоть золотые глаза Эрика. Но затем шах подумал, что даже слепым Эрик мог построить такое же необыкновенное сооружение для другого монарха и что, пока Эрик жив, кто-то еще сможет узнать секреты чудесного дворца. И он решил убить Эрика вместе со всеми, кто работал под его командой.

Начальнику полиции Мазендерана было поручено выполнить эту отвратительную миссию. Эрик оказал ему несколько услуг и часто смешил его. Дарога спас Эрика, дав ему возможность бежать. Но чуть не? заплатил за свою слабость собственной жизнью. К счастью для него, труп, который был найден на берегу Каспийского моря, наполовину съеденный птицами, был выдан за труп Эрика после того, как друзья дароги одели его в одежду, принадлежавшую Эрику. Начальник полиции избежал казни, но был наказан ссылкой и лишением всего имущества. Однако, поскольку он был членом шахской семьи, он получал небольшие месячные выплаты из государственной казны. Перс уехал в Париж.

Что касается Эрика, то он бежал в Малую Азию, а затем в Константинополь, где служил у султана. Чтобы дать представление об услугах, которые он оказывал этому монарху, я могу только сказать, что Эрик – автор всех знаменитых люков, секретных камер и таинственных сейфов, которые были найдены во дворце султана после последней турецкой революции. Это Эрик сделал куклу-автомат – точную копию султана, что заставляло людей думать, что он присутствует в одном месте, в то время как в действительности он спал в другом.

Эрик, естественно, вынужден был покинуть султана по той же причине, по какой ему пришлось бежать из Персии: он знал слишком много. Затем, устав от этой авантюрной, тяжелой, чудовищной жизни, он захотел стать таким, «как все другие». И он стал подрядчиком-строителем, обычным подрядчиком, строившим обычные дома из обычных кирпичей. Он добился контракта на некоторые работы по перестройке фундамента Оперы. Когда он оказался в подвалах этого огромного театра, его творческая, причудливая и магическая натура вновь дала себя знать. Он был ужасен, как всегда, и возмечтал создать для себя дом, неизвестный остальному миру, дом, который навсегда скрыл бы его от человеческих глаз.

Читатель знает большинство из того, что последовало затем, и может предположить остальное; это подразумевается во всей этой невероятной, но в то же время правдивой истории. Бедный, несчастный Эрик! Должны ли мы жалеть его? Или проклинать? Он просил только одного – быть как все. Но он был слишком уродлив! Ему приходилось или скрывать свой гений, или

растрачивать его на различные трюки, тогда как с обычным лицом он мог бы стать одним из благороднейших представителей рода человеческого. У него было сердце достаточно большое, чтобы объять весь мир, но он должен был довольствоваться подвалом. Думаю, мы должны пожалеть призрака Оперы.

Несмотря на его преступления, я молился над его останками и просил Бога быть милостивым к нему. Зачем Господь создал такого уродливого человека, как он?

Я уверен, вполне уверен, что недавно молился над его останками, когда их изыяли из земли на месте, где заложили граммофонные пластинки. Его труп превратился в скелет. Я узнал его не по уродству головы, ибо все люди страшны, когда мертвы долгое время, но по золотому кольцу. Кристина Доз, несомненно, приходила и надела кольцо на палец Эрика, перед тем как похоронить его, как и обещала.

Скелет лежал около маленького фонтана, где Ангел музыки впервые держал Кристину Доз, потерявшую сознание, в своих дрожащих руках.

Что станет с этим скелетом? Конечно, он не должен быть захоронен в могиле бедняков! Я считаю, что скелет призрака Оперы принадлежит архивам Национальной академии музыки. — ведь это необычный скелет.